

Вып.2; Участие П.Н.Милюкова в деятельности научных обществ при Московском университете // Российские университеты в XVIII-XX веках: Сб. науч. ст. Воронеж, 1999. Вып.4; Реформы Петра I в освещении П.Н.Милюкова // Исторические записки: Научные труды исторического факультета ВГУ. Воронеж, 1999. Вып.4; Студенческие годы П.Н.Милюкова // Российские университеты в XVIII – XX веках: Сб. науч. ст. Воронеж, 2000. Вып.5.

⁶ П.Н.Милюков: путь в исторической науке и переход к политической деятельности (конец 1870-х – начало 1900-х годов). Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1998.

⁷ Рязанская ссылка П.Н.Милюкова (1895-1897 гг.) // Общественная мысль и политические деятели России XIX и XX веков: Материалы научной конференции 16-17 апреля 1996 г. Смоленск, 1996; Рязанская ссылка П.Н.Милюкова (1895-1897 гг.) // ОИ. 1997. № 3; Рязанская ссылка П.Н.Милюкова // Библиография. 1997. № 4; Труды К.Н.Бестужева-Рюмина по русской истории в оценке П.Н.Милюкова // Дискуссионные вопросы российской истории: Материалы третьей научно-практической конференции «Дискуссионные проблемы российской истории в вузовском и школьном курсах». Арзамас, 1998; Труды В.О.Ключевского по русской истории в оценке П.Н.Милюкова // Отечественная история: Люди. События. Мысль: Сб. науч. тр. кафедры Отечественной истории. Рязань, 1998; Труды В.И.Семевского по русской истории в оценке П.Н.Милюкова // Исторические личности России: Материалы Одиннадцатой Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 1998; Использование летописей В.Н.Татищевым в «Истории Российской» в оценке П.Н.Милюкова // Чтения по истории и культуре древней и новой России: Материалы конференции (Ярославль, 7-9 октября 1998 года). Ярославль, 1998; Труды Е.Ф.Шмурло по русской истории в оценке П.Н.Милюкова // Научные сообщества в социокультурном пространстве России (XVIII-XX вв.): Материалы Третьей всероссийской научной конференции «Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII-XX вв.)». 25-27 ноября 1998 г. В 2-х т. Омск, 1998. Т.1; П.Н.Милюков об исторических трудах А.А.Кизеветтера // Региональная история в российской и зарубежной историографии: Материалы международной научной конференции 1-4 июня 1999 года. Рязань, 1999. Ч.1; П.Н.Милюков об исторических трудах Д.И.Иловайского // Историк и историография: Материалы научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Л.А.Дербова. 5-6 октября 1999 г. Саратов, 1999; П.Н.Милюков об исторической школе В.Б.Антоновича // Интеллигенция России в истории Северного Кавказа: Материалы межрегиональной научной конференции (октябрь 1999 г.). Ставрополь, 2000; П.Н.Милюков и предварительный съезд русских славистов 1903 г. // Проблемы славяноведения: Сб. науч. ст. и материалов. Брянск, 2000. Вып.2.

⁸ П.Н.Милюков и русская академическая экспедиция в Македонию 1900 г. // Проблемы славяноведения: Сб. науч. ст. и материалов. Брянск, 2000. Вып.1.

Глава I. СТАНОВЛЕНИЕ УЧЕНОГО

а) Род Милюковых. Детство. Гимназия

Как гласит родословная роспись, сохранившаяся в личном фонде П.Н.Милюкова, род Милюковых ведет свое начало со второй половины XIV века, когда к великому князю Московскому Дмитрию Ивановичу выехал «из немец» Семен Миляк, от которого и пошли Милюковы. В Тверской губернии к середине XIX века было известно пять дворянских родов, носивших эту фамилию, но не сводимых к единому родоначальнику. Четыре рода были внесены в шестую часть родословной книги, и один – в третью. Их представители владели поместьями в четырех уездах Тверской губернии – Весьегонском, Вышневолоцком, Кашинском и Ржевском.

Интересующий нас род издавна жил в Ржевском уезде. Первый известный представитель рода – Иван Максимович Милюков, упоминающийся в документах в 1682 году. У него было два сына – Иван и Яков. У первого, упомянутого в документах под 1695 г., родился сын Василий. От брака Василия и Федосьи NN появились сыновья Иван и Тимофей. Об Иване известно, что у него было имение в Ржевском уезде. Сын Ивана Васильевича Милюкова и Марии Васильевны NN, Алексей, был на военно-морской службе, которую окончил капитан-лейтенантом. После отставки А.И.Милюков стал землемером в родной губернии. В 1777-1779 годах он проводил в Вышневолоцком уезде межевание земель другого рода Милюковых. В 1788/89 г. от брака А.И.Милюкова и дочери прапорщика Матрены Михайловны NN родился Павел Алексеевич, дед будущего историка. Определением от 7 октября 1802 г. род А.И.Милюкова был внесен в шестую часть родословной книги по Тверской губернии. А между 1802 и 1804 гг. Алексей Иванович умирает, оставляя вдову, сына Павла и дочь Анну.¹

Дед Милюкова по отцовской линии, Павел Алексеевич Милюков, унаследовал от родителей в Ржевском уезде в сельце Морозове 17 душ мужского пола. В мае 1807 г. П.А.Милюков поступил во второй кадетский корпус. В ноябре того же года он был произведен в прапорщички с оставлением при

корпусе, а в декабре 1808 г. переведен подпоручиком в дворянский батальон. Далее последовала служба в лейб-гвардии Преображенском полку (1813-1816), Оренбургском уланском полку (1816-1817), Симбирском уланском полку (1817-1819). П.А.Милюков дослужился до майора и при увольнении в отставку 10 декабря 1819 г. получил чин подполковника. Пробыв два года в отставке, П.А.Милюков в 1821 г. поступил на гражданскую службу, где дослужился до надворного советника. Служил он вначале в комиссии по сооружению храма Христа Спасителя при министерстве императорского двора, а затем смотрителем в Экспедиции кремлевского строения. При преобразовании Экспедиции в Московскую дворцовую контору П.А.Милюков остался за штатом и был в 1831 г. уволен. При выходе в отставку пожалован чином коллежского советника.

В 1820 г. (?) П.А.Милюков женился на дочери титулярного советника Егора Соломоновича Азигильдова (в некоторых документах ошибочно писалось – Азиельдова) – Екатерине (? - 12.01.1885).

Первоначально молодожены жили в доме тестя, составлявшем его единственное недвижимое имущество. Здесь у П.А. и Е.Е.Милюковых появился первенец – дочь Елизавета (22.02.1821 - 19.11.1893). Затем последовали дочери Софья (ок. 1823 - 14.01.1876), Екатерина (ок. 1825 - ?) и сыновья – Николай (17.06.1826 - зима 1878/79), Сергей (6.12.1829 - ?) и Владимир (6.01.1830 - ?). Определением от 23 декабря 1838 г. род П.А.Милюкова был внесен в шестую часть родословной книги по Тверской губернии.

В 1836 г. П.А.Милюков подал прошение о назначении ему пенсии. По закону таковая полагалась в размере половины жалования, что составило 250 рублей в год. Обремененный семьей, он не мог существовать на такой доход, поэтому вместе с домочадцами «отправился искать счастья в Сибирь, на золотые прииски». Компаньоном его был известный золото-промышленник И.Д.Асташев.²

О детях П.А.Милюкова известно немного. Дочь Елизавета окончила казенное учебное заведение (не установленное), после чего работала учительницей в сибирской школе, предположительно в Томской губернии. Средняя дочь, Софья, по воспоминаниям П.Н.Милюкова, производила неприятное впечатление. О ее занятиях он не упоминает. Младшая, Екатерина, была компаньонкой в семье Асташевых. Сестры были хорошо знакомы со ссыльным декабристом Г.С.Батеньковым, проживавшим в Томске. О жизни и деятельности Сергея и Владимира мы не имеем никаких сведений.³

Старший сын П.А.Милюкова, Николай, остался в Москве. Как вспоминал П.Н.Милюков, ходили слухи, что тот был оставлен на произвол судьбы при переселении семьи в Сибирь. Скорее всего, это преувеличение. Николай пошел по стопам отца, и последний, вероятно, принял участие в устройстве судьбы сына. Так или иначе, Н.П.Милюков окончил Московское дворцовое архитектурное училище (1849 г.), в 1851-1852 гг. слушал лекции в Землемерном училище в Петербурге, в 1852-1860 гг. служил в Московской дворцовой конторе. С 1860 г. он преподавал в Мос-

ковском дворцовом архитектурном училище вплоть до упразднения последнего в 1865 г. Свою карьеру в училище он начал с должности старшего учителя теории архитектуры, а затем стал главным смотрителем и инспектором классов, вошел в члены конференции училища. Оставшись после упразднения училища за штатом, Н.П.Милюков в июле 1866 г. был назначен младшим архитектором строительного отделения Московского губернского правления. Его годовой доход составлял 900 рублей серебром. С этого поста Н.П.Милюков ушел в отставку в 1873 г. в чине надворного советника. За годы службы он был награжден орденами св. Станислава 3-й и 2-й и св. Анны 3-й степени, двумя медалями. Хотя в отставку Николай Павлович ушел по собственному желанию, нельзя исключать, что сыграла роль и другая причина: он оказался под следствием за упущения при наблюдении за постройкой дома мещанина Тенцова; выдвигалось и обвинение во взяточничестве. Обошлось, впрочем, без привлечения к судебной ответственности. Выйдя в отставку, Н.П.Милюков устроился оценщиком в один из московских банков, чем значительно пополнил семейный бюджет.⁴

Поскольку уехавшая в Сибирь семья Милюковых успеха на поприще золотодобычи не имела, после смерти Павла Алексеевича, последовавшей не позднее 1870 г., Николай Павлович вывез остальных членов семьи в Москву. Екатерина Егоровна с дочерьми Елизаветой и Софьей поселились во 2-м квартале Пречистенской части. По-видимому, с Екатериной Егоровной жил ее родной брат Петр (ок. 1806 - ?), которого так любил дразнить в детстве Павел Милюков. Елизавета Егоровна не имела средств к существованию, и Н.П.Милюкову приходилось фактически содержать своих родственников к явному неудовольствию его жены.⁵

Для Марии Аркадьевны Султановой брак с Н.П.Милюковым был вторым. Ее первый муж, подпоручик Яков Баранов, ярый крепостник, был убит своими крестьянами в поле во время работы. Сын Марии Аркадьевны от первого брака, Иван, корнет гусарского полка, погиб молодым: его жизнь оборвал несчастный случай.

Подробно описывает Милюков в мемуарах братьев матери – Владимира и Александра. Последний был достаточно далек от второй семьи сестры. Владимир же, наоборот, вошел «довольно близко в нашу семейную жизнь», – вспоминал Милюков. С его сыном Н.В.Султановым, известным архитектором, реставратором, педагогом, историком и теоретиком архитектуры Милюков познакомится позже, в конце 1880-х гг. в Санкт-Петербурге. Их объединила любовь к русской художественной старине. С будущей женой Н.В.Султанова – Е.П.Летковой - П.Н.Милюков встретится еще раньше, в начале 1870-х гг. в Пушкино, когда будет отдыхать на даче.

Из сестер матери П.Н.Милюков лучше всего запомнил ту, что вышла замуж за Я.Гусева. Вероятно, их семья жила в Ярославле. По крайней мере, именно туда ездила М.А.Милюкова на похороны сестры. Из ее детей Милюков изредка встречался со своими двоюродными братьями Владимиром, Сергеем и Александром, военными.

М.А.Милюкова рассматривала свой второй брак как мезальянс. Она была богаче мужа, ее ярославское имение находилось на реке Которосль в д.Першино Даниловского уезда и насчитывало после реформы 1861 г. 47 полных крестьянских наделов.⁶

Павел Николаевич Милюков родился 15 января 1859 года в Москве в доме артиллерии подполковника К.В.Тишенинова. 26 января младенец был крещен в Предтеченской, что в Кречетниках церкви, Пречистенского сорока, приходским священником А.К.Смирновым. Восприемниками при крещении были воспитанник Московского архитектурного училища Д.Н.Чичагов и полковница, вдова Н.А.Подпалой, родная сестра матери ребенка. По свидетельству самого П.Н.Милюкова, его родители дали обет назвать ребенка именем того святого, в чей день родится ребенок. Первенец получил имя в честь пустынножителя Павла Фивейского.⁷

Вторым и последним ребенком у Н.П. и М.А.Милюковых был сын Алексей, родившийся в Москве 31 января 1860 г. Семья теперь жила в доме мещанки Соколовой. Крещение ребенка прошло 4 февраля в Николаевской, что в Плотниках церкви, того же сорока. Восприемниками при крещении был сын М.А.Милюковой от первого брака И.Я.Баранов и жена капитана 2-го ранга В.Д.Шамшева.⁸

П.Н.Милюков ярко и красочно описывает в «Воспоминаниях» свое детство. В семье всем руководила мать, женщина сильная и волевая. Отец постоянно занимался своими делами и не обращал на воспитание детей никакого внимания. Самым близким человеком была для мальчиков мать, которую они любили и от которой страдали. Братья рано стали отдаляться от родителей, создавая собственный, закрытый от чужого проникновения мир.

П.Н.Милюков вспоминает, что их обучением в семье почти не занимались. В 1869 г. перед родителями встал вопрос об образовании сыновей. Н.П.Милюков обратился в I московскую гимназию. Вступительные экзамены братья сдали хорошо и были приняты в первый класс.⁹

Первые гимназические годы П.Н.Милюкова пришлось на расцвет семейного благосостояния. В 1870 г. Н.П.Милюков на 96 лет взял в аренду у Московской удельной конторы участок земли на станции Пушкино в Московском уезде. Вскоре там были отстроены две дачи в стиле «а-ля-рюс». Видимо, постройка дач расстроила финансовое положение Н.П.Милюкова, и он в 1874 г. взял в долг под залог своих двух дач 3300 рублей серебром у губернского секретаря В.А.Насонова.¹⁰

Среднее образование П.Н.Милюков получил в I московской гимназии, где обучался восемь лет (1869-1877). Его младший брат Алексей был крайне непослушным, и родителям пришлось перевести его в 1870 г. в Московское техническое училище, где он, по выражению П.Н.Милюкова, «привился». Сам Павел Милюков, блестяще начав учиться, и попав в первое время на «золотую доску» класса, постепенно охладел к учебе. Но к переводным экзаменам в V класс он сумел подготовиться и сдал их хорошо. Первые достоверные данные об успеваемости

П.Н.Милюкова в гимназии появляются за 1875/76 учебный год, когда он закончил VII класс (см. таблицу 1). В VIII класс Милюков был переведен с наградой 2-й степени и тоже закончил его успешно (см. таблицу 2).

В 10-х числах апреля 1877 г. он написал директору гимназии И.Д.Лебедеву прошение о допущении его к испытаниям на аттестат зрелости в мае – июне. Педагогический совет гимназии оценил успехи Милюкова за год следующим образом (см. таблицу 2). Средний балл – 4,7. Из 35 допущенных к экзаменам восьмиклассников лишь у Н.Н.Шамонина был балл выше, чем у Милюкова (4,9). По заключению педагогического совета поведение Милюкова было отличным, он систематически посещал уроки, исправно к ним готовился, письменные работы выполнял прилежно, и, таким образом, достоин был быть допущенным к испытанию на аттестат зрелости.¹¹

Испытания на аттестат зрелости прошли в I гимназии с 26 мая по 11 июня. Всего испытуемым надо было сдать 9 экзаменов. Как видно из таблицы 3, Милюков успешно сдал все. На экзамене по истории Милюкову достались вопросы «Разделение Руси на северо-восточную и юго-западную. Литва и немцы. Географический обзор Древней Греции. Начало возвышения Пруссии. Новороссия». Будущий историк получил лишь «хорошо».

21 июня педагогический совет подвел итоги испытаний. Из 35 человек на второй год было оставлено 5. Двадцать девять человек получили аттестат зрелости, а один – Павел Милюков – аттестат с серебряной медалью.

Из известных историков эту же гимназию заканчивали М.П.Погодин (1818 г.) - с золотой медалью, С.М.Соловьев (1838 г.) - с серебряной. Уже в то время вырисовывались перспективы научной карьеры Милюкова. В «Списке гимназистов, удостоенных в 1877 г. аттестата зрелости, от которых учебное не начальство ожидало дальнейших успехов в науках», I мужская гимназии представлена четырьмя лицами, причем на первом месте – П.Н.Милюков (другие – Н.Д.Долгоруков, А.А.Стрельцов, Н.Н.Шамонин). Все четверо собирались поступать на историко-филологический факультет Московского университета.¹²

Из гимназических преподавателей, упомянутых в «Воспоминаниях», Милюков наиболее тепло отзывался о преподававшем греческий язык П.А.Каленове. Именно ему Милюков был обязан проснувшимся интересом к античному миру. Под влиянием Каленова Милюков перечитал большое количество произведений греческих и римских авторов, книги таких ученых как М.П.Драгоманов («Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацит»), В.И.Модестов («Лекции по истории римской литературы») и др.

В VII или VIII классе директор гимназии И.Д.Лебедев предложил Милюкову участие в программе министерства народного просвещения, посылавшего стипендиатов на два года за границу для изучения классических языков. За это молодые люди по возвращении должны были прослужить некоторое время преподавателями. Милюков без колебаний отказался.¹³

Остановимся на знакомствах П.Н.Миллюкова во время учебы в гимназии. В первом или втором классе братья Миллюковы сошлись с сыном протоиерея церкви Успения Василия Блаженного — М.С.Зерновым (1857-?), будущим врачом. Через него Миллюковы познакомились с принятым в семью Зерновых репетитором И.В.Неговоровым. Тот не только заинтересовал Павла Миллюкова собиранием книг и рыбалкой, но, видимо, был некоторое время своего рода духовным наставником для молодого гимназиста.

Другим близким другом Миллюкова стал Н.Н.Зилов, сын небогатого помещика, в будущем земский гласный. Миллюков помогал Зилову как менее успевающему. До седьмого класса они проучились вместе, после чего Зилов остался на второй год.

На изучении классических авторов Миллюков сошелся с Н.Н.Шамониным (1858-1917), обладавшим уникальной памятью. (Шамонин учился в III харьковской гимназии и только в 1874 г. перешел в I московскую).¹⁴

По воспоминаниям Миллюкова, дача в Пушкино сыграла большую роль в «нашей с братом эмансипации от семьи». Даче в Пушкино Миллюков был обязан и первыми своими романтическими увлечениями. В «Воспоминаниях» Миллюков пишет о знакомстве с двумя молодыми особами: «блондинкой-барышней» и ученицей женской классической гимназии Фишер, скрытой в «Воспоминаниях» под криптонимом «И.» (в другом месте — «Н»). Есть основания предполагать, что эта особа — дочь знакомых Ф.М.Достоевского по сибирской ссылке, К.И.Иванова и О.И.Ивановой (дочери декабриста И.А.Анненкова).¹⁵

В последних классах гимназии возник кружок, в котором П.Н.Миллюков принял активное участие. По его воспоминаниям, кружок не имел никакой программы и устава. Состав кружка был постоянный, доступ в него был фактически закрыт. К собранию готовился доклад на любую тему, после которого происходил обмен мнениями. Из членов кружка Миллюков называет князя Н.Д.Долгорукова (1858-?), К.Н.Икова (1859-1895), Д.Некрасова (1857-?), К.С.Старынкевича (1859-1906). Славянофильский настрой кружка первоначально не вызывал в Миллюкове неприятия. По «Воспоминаниям» Миллюкова и по сохранившимся текстам мы установили некоторые темы докладов: о Яне Гусе (Старынкевич), об О.Конте и Д.С.Милле (Иков), «Статья Константина Аксакова: О русской истории» (Долгоруков, 18 октября 1876 г.), «Исключительность, подражательность и эклектизм» (Миллюков, 14 октября 1876 г.).

Свой доклад Миллюков посвятил решению вопроса о самостоятельности мысли. «Исключительное» решение этого вопроса свойственно людям, отрицательно относящимся к любым заимствованиям. За «подражательное» решение данного вопроса выступают люди, которым надо оправдать «скудости собственного развития». Оба решения редко применяются на практике в чистом виде. Главным, по мнению Миллюкова, был вопрос какие факты и мнения принимать на веру, а какие — нет. Миллюков выступил за признание авторитетов, особенно в тех областях, где самостоятельно проверить факты крайне затруднительно. Временное пожертвование самостоятельности давало возможность приобрести эту

самую самостоятельность, и, противопоставив чужим взглядам свои, бороться с ними на равных. Этот средний взгляд Миллюков назвал «эклектизм», признавая, что название не совсем удачное.¹⁶

Текст доклада производит довольно сумбурное впечатление. Усмотреть в нем какую-либо антинационалистическую тенденцию, упомянутую при рассказе об этом эпизоде в мемуарах Миллюкова, достаточно сложно. Наиболее любопытным представляется следующее обстоятельство. Миллюков, как будущий позитивист и левый либерал, ниспровергатель всех интеллектуальных и политических авторитетов, в гимназические годы сам призывал полагаться на авторитеты. Миллюков рано и четко осознал необходимость авторитетов, и в последующие годы боролся за их устранение с целью водрузить на их место новые. Другим интересным обстоятельством является обозначение верной, с точки зрения Миллюкова, позиции как «эклектизма», т.е. отсутствия цельности. Это удобная позиция для теоретика-позитивиста, но для практического политика она равносильна смерти.

Вне пределов кружка Миллюков водил дружбу с товарищем брата по техническому училищу одесским мещанином, крещеным евреем Я.(Х.)И.Лудмером (1857-после 1917). В техническом училище он проучился до лета 1878 г., не смог сдать экзамены во второй общий класс и был исключен. Лудмер исподволь влиял на Миллюкова, давая ему запрещенные книги, беседуя с ним на темы, близкие к политическим. Точно известно, что Лудмер давал читать Миллюкову книгу А.А.Плансона «Последнее слово о польском вопросе в России» (Берлин, 1869). За участие в студенческих беспорядках 1878 г. в техническом училище и за вредное влияние на товарищей Лудмер был выслан в Одессу, откуда в 1880 г. его отправили в Архангельскую губернию. После высылки у Лудмера с П.Н.Миллюковым началась переписка. Кстати, сам Лудмер в 1890 г. признал в письме Миллюкову ложность своего юношеского революционного мировоззрения, а в 1917 г. он написал министру иностранных дел Временного правительства П.Н.Миллюкову письмо с предложением своих услуг новой России.¹⁷

К последним классам гимназии Миллюков относил появление у него того, что он назвал «целевое отношение к жизни». Стали складываться отдельные элементы мировоззрения. Свою роль здесь сыграл все тот же Каленов, которого Миллюков характеризовал как приверженца «нового гуманизма».

Сильное впечатление на Миллюкова произвели произведения Вольтера, ирония и сарказм которого помогли гимназисту осмыслить отрицание формальной стороны религии. В этом отрицании Миллюкова укрепило и знакомство с «Основаниями психологии» Г.Спенсера. Последний класс гимназии стал своеобразным переходным этапом в развитии его мировоззрения, когда остатки религиозной традиции начали отступать перед «научным объяснением мира».¹⁸

Перед окончанием Миллюковым гимназии разразилась русско-турецкая война. Н.Д.Долгоруков предложил ему после выпускных экзаменов вступить в санитарный отряд, организованный московским дворянством.

Отряд отправился на закавказский театр военных действий 26 мая, и с 15 июня начал свою деятельность. Бывшие гимназисты прибыли к месту дислокации отряда чуть позже и стали помощниками уполномоченных. Милюков, которому достались обязанности казначея, окунулся в хозяйственные заботы. В приходно-расходной книге отряда записи рукой Милюкова начинаются с 18 июня и заканчиваются 15 (16 ?) сентября 1877 г. Ему же принадлежат записи в книге прихода и расхода свидетельств для бесплатного проезда по железной дороге лиц санитарного отряда.

На Кавказе Милюков по совету одного из помощников главноуполномоченных, Е.А.Драшусова, прочел книгу Н.Я.Данилевского «Россия и Европа». Она оказалась трудной для вчерашнего гимназиста, и он не усвоил ее «основной политической тенденции». Тем не менее Милюкова заинтересовал «естественно-исторический подход» Данилевского к славянофильству и отнесение понятия «славянство» только к православным, исключая католических славян.

Помимо этого, Милюков занимался верховой ездой, музицировал и пытался научиться грузинскому языку. Следы его упражнений сохранились в тетради, в которой он затем записывал университетские лекции.¹⁹

14 сентября 1877 г. П.Н.Милюков и Н.Д.Долгоруков получили на руки бесплатные билеты до Москвы.²⁰ В 20-х числах того же месяца они вернулись в Москву. Начинаясь новый период биографии П.Н.Милюкова, более чем на 17 лет связавший его с Московским университетом.

б) Студенческие годы. Магистерские экзамены и пробные лекции

К моменту возвращения Милюкова в Москву занятия в университете уже шли. Его подписка с обязательством подчиняться университетским правилам датирована 27 сентября 1877 г. В 1877/78 учебном году на первом курсе историко-филологического факультета обучалось 58 студентов. В дальнейшем численный состав курса уменьшился и в момент выпуска летом 1881 г. составлял 33 человека, среди которых уже не было Милюкова, отчисленного ранее.²¹

О некоторых из преподавателей, у которых Милюков занимался в первый год обучения, подробно говорится в «Воспоминаниях», особенно об историках. Первым из них охарактеризован В.И.Герье. В целом оценка его личных и преподавательских качеств дана отрицательная. При всем педагогическом мастерстве Герье другие его ученики тоже считали характер профессора «трудным». Кроме личных трений и политических разногласий, Милюкова и Герье разделяли противоположные воззрения на задачи исторической науки. Милюков, следивший за новейшими тенденциями западной историографии, был активным сторонником изучения социально-экономической проблематики, а «историю идей», которой занимался Герье, считал вчерашним днем науки. С другой стороны, Е.Ф.Шмурло называл Герье одним из учителей Милюкова, который ввел П.Н. «в круг явлений идейно-культурного характера».²²

В противоположность Герье, высокую оценку получил в мемуарах Милюкова П.Г.Виноградов. В качестве его недостатка Милюков отмечал: «П.Г.Виноградов, может быть, не удовлетворял нас как теоретик». Но сам Виноградов признавался, что к «теоретической социологии» он «относился скептически ввиду малой обоснованности и схоластической отвлеченности ее положений».²³

В.Ф.Миллер совмещал историческое преподавание с филологическим, одновременно читал историю Древнего Востока и санскрит. Кроме того, Миллер на дому вел семинар по русскому фольклору с группой студентов-филологов. Мемуары Милюкова и его архивные материалы позволяют утверждать, что он принимал активное участие в этом семинаре. В одном из писем Милюкова М.М.Ковалевскому (1892 г.) сообщается о его работе в студенческие годы над темой «народный календарь», участии в дискуссии о солярной теории происхождения мифов.²⁴

Кроме историков, Милюков в мемуарах дает характеристику еще троих профессоров, читавших лекции на I курсе: Г.А.Иванова, Ф.Ф.Фортунатова и М.М.Троицкого. По словам Милюкова, позитивист Троицкий оказывал идейное влияние на слушателей, которые враждебно относились к любым религиозно-метафизическим течениям. Впрочем, согласно оговорке Милюкова, трудно было различить, что «тут давал университет, и что было внесено в него готовым».²⁵ Позитивизм в то время был модным воззрением независимо от влияния Троицкого.

Милюков успешно закончил первый курс университета (см. таблицу 4).

Если следовать не очень надежной хронологии «Воспоминаний», важным этапом в усвоении Милюковым позитивистской доктрины было лето 1878 г., когда он проштудировал третий том «Курса позитивной философии» О.Конта. Это стало возможным после того, как Милюков на квартире В.Ф.Миллера познакомился с М.М.Ковалевским, к которому обратился за книгами Г.Вайца и Р.Зома по истории. От себя Ковалевский добавил книгу Ф.Либера «Civil Liberty and Selfgovernment» и три тома «Курса позитивной философии» О.Конта. По признанию самого Милюкова, Конт был «читан, перечитан, конспектирован и возымел самое решительное влияние на все научное мировоззрение студента». Именно после знакомства с Контом Милюков «вышел окончательно на широкую дорогу исторического изучения». При характерной для Милюкова склонности «к схематизму и стройности построений» система Конта пришлась ему по душе. Правда, в 1887 г. он писал, что у Конта «взгляд целый, до абсурда»,²⁶ но сохранил приверженность позитивизму в своих социологических построениях до конца дней.

В часы досуга первокурсник Милюков предавался не только философским размышлениям. Политика втягивала в свой водоворот даже склонных к мирному академизму студентов. 3 апреля 1878 г. произошло избиение охотничьими мясниками студенческой демонстрации. Оно выглядело в глазах студентов парадоксальным — «народ» выступил против собственных «заступников». Милюков от имени кружка товарищей написал письмо Ф.М.Достоевскому с просьбой разъяснить смысл про-

исшедшего. Под письмом от 8 апреля подписались, помимо Милюкова, Н.Д.Долгоруков, Д.Некрасов, Ф.Д.Самарин, С. и Д. Свербеевы. Ответ Достоевского содействовал политическому прозрению кружка: «Он показал нам, что мы стоим на разных позициях».

Переписка Милюкова с Достоевским была заведомо обречена на неудачу. Стороны не могли понять друг друга, т.к. говорили на разных языках, выражали заранее сложившиеся у них предвзятые мнения. Милюков в своем письме откровенно подсказывал Достоевскому тот ответ, который желал бы получить от маститого писателя. Выступая от имени студентов, Милюков писал, что в обществе сложилось убеждение «в нашем нравственном и умственном упадке» и это убеждение соседствует «рядом с одушевленной, по-видимому, защитой» пострадавшей молодежи. «Очевидно, здесь противоречие, - справедливо заключал Милюков, - и из него надо выйти; или нас не надо защищать (разве только сравнительно с мясниками), или же надо устранить мнение о нашей немощи». И далее следовала подсказка, каким именно путем: «Устранить его можно не только отрицанием факта, но и указанием на его историческую необходимость, - так кажется нам [т.е. студентам — *А.М., П.Т.*]... К Вам обращаемся за решением этого мучительного для нас вопроса о том, что такое наш умственный и нравственный упадок, не есть ли это только посредствующая ступень развития».

В этом лукавом самоуничижении отчетливо просматриваются контуры позднейшей милюковской концепции истории русского общественного движения, предложенной им в прочитанных в 1895 г. в Нижнем Новгороде публичных лекциях. Суть этой концепции состояла в том, что в развитии русского общества чередовались периоды «углубления» и «расширения», периоды политической активности столичных вольнодумцев перемежались периодами реакции, затишья, которые, однако, тоже были не бесплодными: в рамках последних предшествующие идейные достижения стоици впитывались провинциальной образованной публикой, увеличивая число «передовых людей», расширяя социальную базу либерализма.

В апреле 1878 г., накануне острейшего политическоего кризиса, Милюков, очевидно, полагал, что продолжается очередной период затишья, начавшийся в 1866 г., после караказовского выстрела и последовавшего за ним изменения внутренней политики Александра II. И наверняка молодому свободомыслящему студенту хотелось, чтобы Достоевский своим авторитетом подкрепил сформировавшееся у него мнение о том, что даже годы «безвременья» несут в себе определенное политическое содержание.

Разумеется, надеяться на подобный ответ Достоевского было в высшей степени наивно, что и подтверждает Милюков в мемуарах. Достоевский не оправдал возложенных на него надежд и ответил в совершенно ином ключе, призвав студентов не поучать народ свысока либеральным премудростям.²⁷

Из историков, с преподаванием которых Милюков познакомился на II курсе, он подробно охарактеризовал Н.А.Попова. Милюков не имел

претензий к личным качествам профессора, но как преподавателя оценивал его невысоко. Сказано в «Воспоминаниях» и о посещении Милюковым одной из лекций С.М.Соловьева. В 1878/79 г. он читал в качестве стороннего преподавателя новую русскую историю на III курсе. Таким образом, визит Милюкова должен быть приурочен ко II курсу. Впечатление от лекции осталось у Милюкова неблагоприятное, т.к. Соловьев был далеко не в лучшей форме.²⁸

Единственный московский курс Н.И.Кареева — история XIX в. — был также прочитан в 1878/79 г. и тоже для старшекурсников. Второкурсник Милюков, естественно, пошел посмотреть и послушать нового преподавателя. Для него и других студентов этот курс показался «непростительной дерзостью». Они недоумевали, как можно научно излагать столь близкие события. Милюков впоследствии определил свои тогдашние сомнения как особую форму научного самомнения и жизнебоязни.

По странному стечению обстоятельств, Кареев, как и Милюков, увлекся молодой особой, укрытой в «Воспоминаниях» за криптонимом «И.» (см. выше). Она отвергла предложение Кареева, а у Милюкова поинтересовалась, может ли он «рассчитывать приобрести такую же “славу”, как приобрел Кареев». Это обстоятельство порождало взаимную неприязнь двух историков. В бумагах Милюкова сохранился набросок разгромной рецензии на докторскую диссертацию Кареева «Основные вопросы философии истории» (1883), и впоследствии Милюков критиковал Кареева с рвением, едва ли оправдывавшимся величиной их теоретических разногласий.²⁹

Среди преподавателей, оказавших на него влияние, Милюков называл также Н.С.Тихонравова, читавшего историю русской литературы. Обязательное сочинение по русской литературе на втором курсе Милюков написал под руководством Тихонравова на тему о литературных течениях на Руси в XV-XVI вв.³⁰

Второй курс Милюков также закончил успешно (см. таблицу 5).

Зимой 1878/79 г. на 53-м году жизни умер отец П.Н.Милюкова. Все имущество Н.П.Милюков завещал жене «в знак моего уважения и любви к ней в течение супружеского моего с ней сожития». Н.П.Милюков завещал устроить похороны «с возможной скромностью». Как вспоминает Милюков, материальное положение семьи стало меняться в худшую сторону еще до кончины отца. Н.П.Милюков оставил в наследство дом, но также и денежный долг. Судя по пометке на выписи из актовой книги нотариуса А.А.Поля, Н.П.Милюков до смерти успел заплатить проценты В.А.Насонову по 18 марта 1877 г. Как вспоминал Милюков, Насонов лишь из уважения к матери отсрочивал уплату долга.

Для поправки финансового положения семьи П.Н.Милюков работал летом 1879 г. в качестве домашнего учителя в семье Левашевых. По его возвращении семья Милюковых решила разделиться. Братья поселились на отдельной квартире, а мать, видимо, осенью 1880 г. сдала комнаты первокурснику медицинского факультета С.К.Шарому (1859-?) и А.Л.Гиммельфарбу, после чего переехала в меблированные номера дома Анд-

реева, находившегося на углу Большой Бронной и Большого Козицкого переулка.

Дело о признании в правах наследства затянулось. Московский окружной суд решением от 18 марта 1881 г. одну из принадлежавших Н.П.Милюкову дач признал за М.А.Милюковой, а другую — в совместном владении двух братьев, Павла и Алексея. Через два месяца они дали матери доверенность на управление принадлежащей им дачей. М.А.Милюкова стала сдавать обе дачи желающим на лето.³¹

Несмотря на небольшой заработок, летом 1879 г., Милюков провел каникулы не без пользы. Он написал «целую тетрадь», посвященную «собственной конструкции исторического процесса. Роль этого события в процессе формирования его исторических взглядов была велика. По существу, как философские, так и исторические взгляды Милюкова в основных чертах установились уже к моменту окончания им университета. Таким образом, ход его интеллектуального развития в студенческие годы в очень большой степени определил его последующие теоретические построения. В частности, содержание конструкции, разработанной им летом 1879 г., в том виде, как оно изложено в мемуарах,³² можно считать исходной точкой создания схемы «Очерков по истории русской культуры», особенно тех идей, которые были изложены во введении к этому труду.

Осенью 1879 г. на факультете произошло важное событие, отразившееся и на судьбе Милюкова. Доцентом по кафедре русской истории был избран В.О.Ключевский, приступивший с 28 ноября к чтению лекций. В 1879/80 г. он прочел курс истории России XVIII в. По словам Милюкова, влияние Ключевского на студентов заключалось в том, что тот впервые показал им, что русская история, как и западноевропейская, может быть предметом подлинного научного анализа, с поиском «законов».³³

Результаты учебы Милюкова на третьем курсе были также успешными (таблица 6).

Специализация на факультете осуществлялась на IV курсе. Милюков выбрал историческое отделение и занимался в основном у Ключевского и Виноградова. В учебном плане факультета за 1880/81 г. нет их семинаров, но они существовали. Относительно семинара Ключевского есть вполне достоверное свидетельство: на нем были прочитаны и разобраны Русская правда и Псковская судная грамота. В «Воспоминаниях» Милюкова, как и во всей мемуарной литературе учеников Ключевского, запечатлелось двойное отношение к его семинарам: восхищаясь аналитическим мастерством профессора, мемуаристы отмечают, что он не прилагал особых усилий для передачи секретов этого мастерства своим слушателям.³⁴

Доказательством того, что в 1880/81 г. работал и семинар Виноградова, служит сохранившийся в архиве Милюкова его обширный реферат по римской истории на тему «Коллегии при императорах». К реферату приложен отзыв, написанный почерком Виноградова, и, по всей видимости, запись прений на заседании семинара, сделанная рукой Милюкова.³⁵

На рубеже 70-80-х гг. XIX в. Россия переживала острый внутривосточный кризис. Университет не мог остаться в стороне от всплеска полити-

ческой борьбы. Милюков принял в ней активное участие. В.И.Герье в своих воспоминаниях пишет о «его [Милюкова] всегдашней страсти к агитации, обнаруженной еще в студенческие годы». Ситуация обострилась изданными в 1879 г. новыми правилами для студентов, ужесточившими контроль за ними со стороны инспекции. В Московском университете эти правила были введены в феврале 1880 г. Но вскоре правительственный курс принял более либеральный оттенок, и министерство народного просвещения вместо Д.А.Толстого возглавил А.А.Сабуров.

В сентябре 1880 г. студенты Московского университета обратились к министру с петицией, общий смысл которой сводился к требованию признания широких корпоративных прав студенчества. Нарастающая волна сходок достигла своего апогея 5 декабря 1880 г. В этот день во дворе университета собралось более 400 студентов, которые пришли с требованием вернуть исключенных товарищей. Ректор Н.С.Тихонравов отказался выйти для переговоров и вызвал полицию. Полиция арестовала 405 человек (394 студента и 11 посторонних), которых препроводила в Бутырскую тюрьму, где они провели ночь (правда, без дальнейших последствий). В число арестованных попал и Павел Милюков. Среди тех, кто вместе с ним находился в тюрьме, были знакомые Милюкову бывшие квартиранты С.К.Шарый и А.Л.Гиммельфарб. В тюрьме оказалось 19 студентов историко-филологического факультета. Среди них, помимо Милюкова, первокурсник Д.И.Шаховской, второкурсники Н.В.Сперанский и Е.Н.Щепкин. Последний позже вспоминал, что Милюков принимал участие в организации сходки 5 декабря.³⁶

Из опасений, как бы волнения не приобрели еще более бурный характер, занятия в университете были прекращены до января 1881 г. Желая избежать недоразумений в связи с торжественным актом 12 января, ректор разрешил на 11 января проведение студенческой сходки, на которой Милюков первым выступил с речью. Он сказал, что беспорядки 5 декабря разрушили все надежды студентов, и теперь снова необходимо определить образ действий. Свистки и крики студентов ни к чему не ведут, общество относится к ним недоброжелательно. Милюков настаивал на выступлении за корпоративное устройство. Предложив избрать председателя сходки для обсуждения данного вопроса, Милюков закончил свою речь. Председателем был избран студент С.Зернов. По поводу речи Милюкова выступило несколько студентов. Главным же вопросом стало обсуждение действий 12 января. Сходка решила на акте не свистеть и не хлопать, а ректору объявить порицание и потребовать возвращения высланных студентов. Затем было решено пригласить ректора для оглашения порицания. Пока депутация ходила к ректору, поступило еще несколько предложений о форме порицания. Ввиду бурного характера сходки ректор не пришел, и вопрос о порицании остался открытым.³⁷

Далее университет погрузился в полосу несанкционированных сходок. Скорее всего, Милюков в них участвовал, но точных данных у нас нет. Сходки проходили на курсах, на факультетах и общеуниверситетские. В «Воспоминаниях» Милюков пишет о выборе председателем курсового

собрания его друга Н.Н.Шамонина. Последний был хорошим председателем сходов, но мало интересовался политикой. Павел Милюков с лихвой заменил в этом деле товарища, став заметной фигурой в общеуниверситетском движении.

Если умеренные студенты требовали устройства столовых, читален и др., то радикальные элементы стремились к постановке на студенческих сходах общеполитических вопросов. Поэтому, несмотря на частичные уступки властей, студенты шли дальше. Был поставлен вопрос об изменении всей программы университетского преподавания и «явочным порядком» введен студенческий суд. «Мне лично, - пишет Милюков, - пришлось играть роль в двух проявлениях этого суда. На беду, первым делом, заставившим студентов “нового” здания университета организовать свой суд, было обращение к этому суду студента Сабунаева, обвинявшего своего товарища, грузина Мачевариани [Мачавариани – *А.М., П.Т.*], в интимных отношениях с его женой». По словам Милюкова, ему довелось председательствовать на этом процессе, над которым «много потешались потом реакционеры».³⁸

Во втором «проявлении» суда Милюкову пришлось участвовать в связи с событиями, разыгравшимися в университете после убийства 1 марта 1881 г. императора Александра II. Мысль о сборе средств на венок покойному императору возникла уже 1 марта, но ввиду траурной церемонии смогла реализоваться лишь 5 марта. На историко-филологическом факультете подписку вел студент-третьекурсник Н.Зайончковский, племянник адмирала П.С.Нахимова, и два второкурсника А.Наумов и граф А.Уваров. Среди студентов наметилось недовольство организаторами подписки, т.к. Наумов в декабре 1880 г. при освещении студенческого движения печатал свои статьи одновременно в «Русских ведомостях» и в «Московских ведомостях», а Зайончковский нажил себе недоброжелателей сотрудничеством в «Московских ведомостях», преклонением перед М.Н.Катковым и службой в лице цесаревича Николая. Вызывал возражения и способ сбора денег: Зайончковский требовал записывать фамилии сдававших, угрожая не подписавшимся обвинениями в неблагодарности. 6 марта студент-филолог А.Смирнов разорвал подписной лист, а собранные деньги были отобраны у Зайончковского. Тот 7 марта на сходке студентов-юристов обвинил своих товарищей-филологов в срыве сбора денег. Образ действий Зайончковского вызвал негодование студентов-филологов, считавших, что Зайончковским движет не уважение к памяти императора, а неудовлетворенные личные амбиции (он хотел быть избранным в качестве депутата от факультета для сопровождения венка в Петербург, но его не хотели избирать). По согласованию с проректором С.А.Муромцевым филологи назначили сходку на 10 марта. Среди вопросов, подлежащих обсуждению, было и разоблачение клеветы Зайончковского. Председателем сходки был избран Н.Н.Шамонин. На ней выступали не только студенты с опровержениями высказываний Зайончковского, но и ему была дана возможность защищаться. Сходка, продолжавшаяся 5 часов, превратилась в импровизированный суд. Ми-

люков сыграл большую роль в осуждении Зайончковского. Он предложил за клевету и недостойное поведение высказать Зайончковскому нравственное порицание и лишить его права участвовать в общестуденческих делах навсегда. Видимо, Милюкову как одному из лидеров студенческого движения была доверена формулировка пунктов обвинения. Собравшиеся постановили согласиться с предложением Милюкова.³⁹

30 марта 1881 г. в университете было вывешено объявление, запрещающее все сходки. Собравшиеся у анатомического театра студенты объявление сорвали и вывесили другое, в котором все приглашались на общую сходку по поводу суда над П.П.Кашенко, И.Роммом, Г.Берковым. Прибывший субинспектор А.А.Брызгалов предложил собранным разойтись. Получив отказ, он вызвал полицию. Студенты выходили из анатомического театра по двое и при выходе сами записывали свои фамилии и факультеты. Всего было переписано 254 человека. Студентов-филологов оказалось всего лишь восемь. На следующий день опять состоялась менее многочисленная сходка, посвященная суду над П.П.Кашенко, И.Роммом, Г.Берковым. Участие Милюкова в этой сходке подтверждается достоверными источниками. Более того, в составе депутации студентов он ходил к ректору, требуя отменить университетский суд. Но ректор депутацию не принял.

Заключительным аккордом стала сходка 1 апреля в анатомическом театре. На нее пришло еще меньше народу, чем на предыдущую. На требование Брызгалова разойтись и записать свои фамилии, студенты ответили отказом. Тогда была вызвана полиция, и студентам дали 10 минут, чтобы они могли разойтись. В результате 78 студентов записали свои фамилии и факультеты. Филологов среди записавшихся оказалось 2 человека.⁴⁰

3, 4 и 7 апреля 1881 г. состоялось заседание университетского суда над участниками сходок в марте и апреле. Всего было решено уволить 280 человек, из них 22 было запрещено подавать документы в Московский университет, а в другие университеты они могли подать документы после 15 июля, т.е. с потерей 1 года. Из 258 человек, которым было разрешено подать документы после 15 июля в Московский университет, практически сразу после приговора 145 студентов написали прошения с раскаянием в случившемся и просьбами о смягчении наказания. Ректор Н.С.Тихонравов, вызывая к себе некоторых студентов, требовал от них заявления, что они не знали о цели сходов. Это давало возможность избежать наказания. По совету Милюкова, Н.Н.Шамонин сделал подобное заявление. Сам Милюков, вызванный на квартиру к ректору, отказался это сделать. В результате он был включен в список студентов, составленный 8 апреля, которые увольнялись до 15 июля с правом поступить по истечении срока в Московский университет или сразу в любой другой университет. Милюков 30 апреля подал прошение ректору о зачислении на факультет по истечении срока увольнения. Ректор Н.С.Тихонравов распорядился зачислить его с 15 июля. Из-за отчисления Милюков лишился стипендии князя В.А.Долгорукова по назначению университета, размер которой составлял 238 р. 87 к. в год.⁴¹

Политическая позиция студента Милюкова может быть охарактеризована как леволиберальная. Университетское начальство, выделяя среди студентов три течения — радикалов, либералов и тех, кто не ходит на сходки, но желает, чтобы их личная жизнь устроилась хорошо, прямо причисляло Милюкова к ярко выраженным либералам. Целью либералов было устройство курсовых сходок (радикалы выступали за общеуниверситетские), столовой, кухмистерской и др. Власти считали, что либералы могли легко перейти на сторону радикалов, если среди последних найдутся толковые ораторы, способные убеждать массы. Сам Милюков относил себя к представителям «среднего мнения» в студенческих кругах, осуждал земцев за слабость, а революционеров за непримиримость. Д.И.Шаховской, обучавшийся в 1880/81 г. на I курсе историко-филологического факультета, позднее вспоминал, что Милюков «был лидером либерального “нового” университета в противоположность ... лидерам радикальных медиков из “старого” университета». Но, с другой стороны, Милюков во внутриуниверситетских делах считал для студенчества «уступку раз завоеванных позиций недопустимой», а в общеполитических вопросах «резко осуждал ... попытку правительства примирить общество на диктатуре Лорис-Меликова» и сочувственно относился «к террористам того времени, оценивая эти террористические акты как тактику политической борьбы за свободу народа и за его благополучие».⁴²

Процитированные свидетельства о тогдашних политических воззрениях Милюкова позволяют заключить, что, как и в случае с философскими и историческими взглядами, уже на студенческой скамье отчетливо вырисовывалась политическая позиция будущего лидера кадетской партии — левый либерализм с извечным балансированием «на грани легальности», на которой он в итоге не удержался и рухнул в пропасть. Корни этой позиции справедливо определены другим кадетом, В.А.Оболенским. По его мнению, политические взгляды Милюкова-студента сложились не под влиянием эмоций («любви к народу») и «не из практического участия в жизни, а прежде всего как вывод из научной работы мысли. Милюков-политик — отражение Милюкова-историка. Такое происхождение политических идей Милюкова, почерпнутых им из научных занятий и лишь затем проверенных наблюдениями над жизнью, и явилось причиной их прочности. Идеи, воспринятые эмоционально, легко стираются новыми эмоциями. Идеи, почерпнутые из практической жизни, не выдерживают часто жизненных перемен. Работа мысли всегда прочнее».⁴³ Эта характеристика, произнесенная как юбилейный комплимент, звучит в свете политической судьбы Милюкова как убийственная, и «прочность» в ней может быть с достаточным основанием заменена на «косность». При всей своей тактической гибкости Милюков всегда оставался доктринером.

Внезапно появившийся досуг Милюков решил использовать для путешествия за границу. После увольнения он получил свидетельство на проживание во всех городах России. 5 мая 1881 г. ему было выдано разрешение на выезд за границу. В «Воспоминаниях» Милюков указывает, что средства ему предложил в виде займа приятель брата по техническому

училищу, некий Кречетов. Скорее всего, речь идет о Б.Ф.Мельницком (см. ниже), который уже в то время увлекался набивкой чучел зверей и птиц, что и могло послужить для ассоциативного выбора подобной фамилии Милюковым в «Воспоминаниях».

В Италии Милюков рассчитывал по заранее разработанной программе собрать материал по истории искусства, долженствовавший служить иллюстрацией к его собственной «конструкции исторического процесса». Милюков наметил себе следующий маршрут путешествия по Италии: Венеция — Падуа — Болонья — Пиза — Флоренция — Сиена — Рим — Неаполь — Помпеи — о.Капри. Через Варшаву и Вену Милюков и Б.Ф.Мельницкий отправились в Италию. В Вене последний решил задержаться, и Милюков поехал один. Ему почти в точности удалось исполнить свой план. Он не просто смотрел, но и пытался проследить развитие различных форм искусства. В Риме для этой цели он получил 4 августа 1881 г. разрешение на проведение исследований и выполнение эскизов со скульптур в Музее Ватикана.⁴⁴

Милюков возвратился из поездки уже после начала семестра. Вторично обучаясь на IV курсе, он, по собственному признанию, не обременял себя посещением лекций и интересовался лишь семинаром Виноградова.⁴⁵

В декабре 1881 года братья Милюковы оказались вовлеченными в дело Мельницкого. Казначей Московского воспитательного дома, коллежский асессор Ф.И.Мельницкий 3 ноября 1881 г. заявил в сыскном отделении канцелярии обер-полицейстера о краже у него 307 500 рублей. Сыщики заподозрили, что Мельницкий сам растратил эти деньги и оказались правы. Вероятно, в ходе следствия стало известно, что Алексей Милюков — друг Б.Ф.Мельницкого. После этого на квартире братьев в декабре 1881 г. было проведено два обыска, во время которых не было найдено ничего подозрительного.

Ф.И.Мельницкий был признан виновным в растрате, однако похищенные деньги найдены не были. Второй акт драмы разыгрался в конце 1882 г. Один из кредиторов Ф.И.Мельницкого, К.К.Бобылев, обратил внимание на странные метаморфозы, происшедшие с Борисом Мельницким и его близким другом, ранее небогатым А.-П.Г.Дорвойдтом после суда над Ф.И.Мельницким. Дорвойдт смог открыть собственный магазин, бухгалтером в котором стал Б.Ф.Мельницкий. Со своими подозрениями Бобылев обратился к судебному следователю. Следствие показало, что Ф.И.Мельницкий сумел укрыть похищенные средства, сообщив предварительно об их местонахождении целому ряду доверенных лиц, которые по прошествии некоторого времени после суда стали пускать деньги в оборот.

Алексей Милюков был связан с несколькими участниками и оказался привлечен к делу в качестве свидетеля. А.Н.Милюков водил дружбу с Борисом Мельницким, у которого квартировал в середине 1870-х гг. около года. В свою очередь Б.Ф.Мельницкий одно время жил у Милюковых на даче как квартирант. Б.Ф.Мельницкий, А.Н.Милюков и А.-П.Г.Дорвойдт часто вместе охотились. Алексей Милюков и Дорвойдт были женаты на родных сестрах Блезе, а Борис Мельницкий посватался к третьей.

Выяснилось, что Борис Мельницкий, в 1881-1882 гг. передал А.Н.Милукову 2900 рублей, не сказав, откуда деньги. 5 августа 1883 г. Московский воспитательный дом предъявил А.Н.Милукову иск на 2900 рублей серебром. На его имущество был наложен арест, снятый лишь в 1886 г. после уплаты всей суммы.

Чуть ранее, в апреле 1883 г. братья Милуковы обратились к уже знакомому нам В.А.Насонову. Тот согласился ссудить братьям 5000 рублей серебром на 1 год под 10 % годовых. Дальнейшие финансовые перипетии братьев Милуковых неизвестны из-за отсутствия документов. После смерти матери Насонов сообщил, что подает вексель к взысканию. П.Н.Милуков срочно продал дачи и вернул занятые деньги.⁴⁶

В 1882 г. Милуков впервые в жизни попал под негласный надзор полиции. Все началось с того, что Департамент полиции в январе 1882 г. получил сведения о сотрудничестве одного из высланных в Архангельскую губернию в ряде московских изданий. Было выяснено, что этим ссыльным был Я.(Х).И.Лудмер. В апреле того же года Департамент узнал также и о переписке братьев Милуковых с Лудмером.

На запрос Департамента о братьях Милуковых московский обер-полицеймейстер 5 июня 1882 г. отвечал, что круг их знакомств состоит исключительно из молодежи (студенты университета и технического училища). Полицейские материалы позволяют утверждать, что на снятой братьями Милуковыми квартире образовалось нечто вроде общежития. Жильцами этого общежития, помимо братьев Милуковых, был товарищ Алексея по училищу Ю.В.Лаврентьев и слушательница акушерских курсов из крестьян Подольской губернии М.Е.Федорович (ок. 1858 - ?). Она была любовницей П.Н.Милукова. На квартире часто собирались молодые люди. В суждениях о действиях правительства наиболее бескомпромиссную позицию занимали Алексей Милуков и Федорович. В 1881 г. на квартире состоялось три обыска. Из них два были связаны с делом Мельницкого, зато причиной третьего назывались частые сборища молодежи. Во время всех обысков ничего подозрительного найдено не было.⁴⁷

Департамент полиции 15 июня 1882 г. постановил учредить негласный надзор за братьями Милуковыми. Они в это время находились в с. Богородское Московского уезда, поэтому надзор был учрежден лишь после их возвращения, в сентябре 1882 г. Надзор за П.Н.Милуковым продолжался до 19 марта 1886 года. Ничего предосудительного в его действиях замечено не было.⁴⁸

Летом 1882 г. Милуков окончил университет. Результаты 4-го курса были успешными. Единственную «четверку» он получил по всеобщей истории (см. таблицу 7).

Согласно университетским правилам, «студенты, получившие на курсовых экзаменах из обязательных наук факультета или отделения в среднем выводе не менее 4 1/2 и имеющие отметку 2 не более как в одной науке», удалялись при выходе из университета кандидатской степени, «если при том доказали знание новых языков и представили удовлетворительные рассуждения». Средний балл Милукова за 4 курса был 4 22/37.

Точно такой же результат среди выпускников 1882 г. имел В.В.Розанов, а более высокий — лишь М.К.Любавский и К.В.Вознесенский. «Рассуждение» (диссертация) должно было быть, по положению об ученых степенях, представлено на факультет не позднее шести месяцев после выпускных экзаменов. В Московском университете крайним сроком представления кандидатских диссертаций было 15 ноября.⁴⁹

Отзыв В.О.Ключевского о кандидатском сочинении Милукова был заслушан на факультетском заседании 15 декабря 1882 г., и решено было ходатайствовать перед Советом университета об утверждении его в искомой степени. Такое утверждение последовало 18 декабря. Само сочинение нам обнаружить не удалось. Заголовок его приводится в источниках в двух вариантах: «О помещицьем землевладении в конце XVI в.» и, более вероятный, «О землевладении в Московском государстве XVI в.» Третий, описательный, вариант заголовка звучит следующим образом: «О различных родах землевладения в Московском государстве XVI в. на основании писцовых книг». Судя по заголовку и по отзыву Ключевского, тема была выбрана под влиянием последнего в связи с его интересом к социальной проблематике. При изучении писцовых книг Милуков ставил главной задачей «указать на ту разницу, которая существовала между положением крестьянина на помещицье и духовной земле». Другая характерная черта милуковской диссертации — применение статистической обработки материала, насколько это допускалось неполными и отрывочными данными писцовых книг XV-XVI вв. Это — показатель стремления приблизить историю «к экспериментальной науке», характерного для того времени. Ключевский со свойственной ему иронией замечает в отзыве, что «все свои положения автор подкрепляет многочисленными цифрами и таблицами, составление которых стоило ему большого труда».⁵⁰

7 мая 1883 г. Милуков получил аттестат, удостоверяющий, что он окончил университет при «очень хорошем поведении» и «отличных успехах» и утвержден в степени кандидата.⁵¹ Тем самым студенческий период его биографии, фактически завершившийся годом ранее, был окончательно подытожен и с формальной стороны.

Вопрос об оставлении Милукова при университете для подготовки к магистерскому экзамену по кафедре русской истории официально был возбужден 8 февраля 1883 г., когда В.О.Ключевский подал на факультет соответствующее представление. Милуков называл своим «главным защитником» П.Г.Виноградова, а со стороны Ключевского в свое время даже заподозрил «сопротивление». Одной из причин, способных побудить Ключевского выступить против оставления Милукова, могло быть, по мнению последнего, то, что Ключевский «косо смотрел» на его увлечение всеобщей историей. Сам Милуков признавал, что русской историей в университете «почти не занимался, посвящая все время истории всеобщей». «...Изучение всеобщей истории представлялось мне, — вспоминал Милуков, — необходимой пропедевтикой для лучшего понимания русских исторических процессов: я видел, как далеко ушло вперед изучение всеобщей истории сравнительно с русской, да и, помимо применения

лучших методов, находил общими и самые исторические процессы, подлежащие изучению».⁵² Но связывать свою дальнейшую научную карьеру с изучением всеобщей истории Милюков не хотел из-за того, что все это означало бы «таскать воду в колодезь» и из-за трудности доступа к иностранным источникам.

Ключевский в своем представлении действительно отмечал, что Милюков-студент «особенно много занимался всеобщей историей» и лишь «в последнее время своего университетского курса ... обратился к изучению истории России».⁵³ Но это не дает достаточного основания говорить о «сопротивлении» Ключевского, хотя и активным сторонником оставления Милюкова профессор не был. В 1890 г., при окончании университета М.М.Богословским, Ф.А.Смирнов советовал ему самому поставить перед Ключевским вопрос о собственной «аспирантуре», говоря, что ожидание инициативы Ключевского «было бы тщетным (что и П.Н.Милюков был оставлен по русской истории по инициативе профессоров Виноградова и Герье, указавших на него Василию Осиповичу)». Богословский последовал совету и сам пошел к Ключевскому. В 1895 г. Ключевский не проявил инициативы в деле оставления при университете Ю.В.Готье, и последний «решил держать магистрантский экзамен по собственному почину».⁵⁴ Так что пример Милюкова был не единственным.

9 февраля 1883 г. факультет, согласно предложению декана Н.А.Попова и Ключевского (его фамилия вписана в документе над строкой), ходатайствовал перед Советом об оставлении Милюкова в университете на два года на средства министерства народного просвещения. При баллотировке 17 февраля в Совете кандидатура Милюкова получила 39 голосов «за» и ноль — «против». Совет постановил просить попечителя ходатайствовать о назначении содержания Милюкову по 600 рублей в год на два года. Дальнейший ход дела мог осложниться «политическим прошлым» Милюкова, но этого не произошло. В одном из позднейших писем Милюков указывал, что, хотя он и имел «четверку» за поведение в кандидатском аттестате, в то время «отношение к этой четверке было благодушное» и не воспрепятствовало его научной карьере.⁵⁵

Попечитель московского учебного округа П.А.Капнист переправил ходатайство Совета министру народного просвещения И.Д.Делянову, добавив, что он сам признает оставление Милюкова «для приготовления к профессорскому званию» на указанных условиях «весьма желательным».

Министр ответил, что выделенная на магистрантские стипендии сумма уже полностью распределена, поэтому он не может назначить Милюкову стипендию. Правда, оговаривался министр, если к концу года останутся какие-либо деньги от упомянутого кредита, то ходатайство университета он примет во внимание. Видимо, какие-то суммы остались не потраченными, т. к. 31 декабря 1883 г. министр распорядился назначить Милюкову с 1 декабря 1883 г. содержание по 600 рублей ежегодно на 2 года. Официально это распоряжение дошло до факультета 29 февраля 1884 г., но, по-видимому, Милюков узнал о назначении стипендии раньше, т. к. уже 20 января он уволился с учительской службы в IV москов-

ской женской гимназии «с оставлением в той же должности из платы по найму» с той целью, чтобы перевести документы из гимназии в университет.⁵⁶

Министерская стипендия составила ощутимую прибавку к учительскому жалованью. К преподаванию в средних учебных заведениях Милюков приступил сразу же после окончания университета. Ему «посчастливилось», т.к. найти учительское место в Москве было непросто. В IV московскую женскую гимназию Милюков был принят в качестве учителя истории с 1 сентября 1882 г. и проработал там вплоть до высылки из Москвы в феврале 1895 г. В то время начальником московских женских гимназий в ведомстве императрицы Марии был отец П.Г.Виноградова — Г.К.Виноградов (1810–1885). Ему Милюков был «многим обязан», видимо, протекцией при трудоустройстве. Из формулярного списка Милюкова известно, что в начале своего преподавания в гимназии он получал 360 рублей в год (т.е. вел 6 уроков в неделю).⁵⁷

Вторым постоянным местом работы Милюкова была Московская земледельческая школа, где он числился учителем истории с 1 сентября 1882 по 1 марта 1895 г. У нас нет полных сведений о нагрузке и заработке здесь, но известно, что в 1885/86 г. он получал 40 рублей в месяц (480 рублей за год за 8 недельных часов), в начале 1893/94 г. вел 12 уроков в неделю, т.е. вообще все уроки истории в этой школе (720 рублей в год), а с декабря 1893 г. отказался от части нагрузки, оставив себе лишь 4 часа. О чрезмерности педагогической нагрузки Милюкова свидетельствует тот факт, что из 18 учителей земледельческой школы, помещенных в ведомости о «пропущенных гг. преподавателями уроках в 1893/94 г.» он занимает первое место: из положенных по плану 218 уроков он пропустил 63.⁵⁸

Вскоре после защиты магистерской диссертации, осенью 1892 г., Милюков приступил к чтению лекций на женских педагогических курсах. А.Н.Шаханов полагает, что Милюков преподавал также на Высших женских курсах В.И.Герье, действовавших в 1872 — 1888 гг., а затем возобновленных в 1900 г.⁵⁹ Нами не найдено аргументов ни за, ни против такого мнения. Сам Милюков о своей причастности к этим курсам в мемуарах ничего не говорит, лишь один факт наводит на мысль о его преподавании там. По его словам, когда он в своем курсе по истории колонизации по критиковал Ключевского, факт критики был разглашен некими «ревнительницами».⁶⁰ В университете Милюков читал историю колонизации в 1887/88 гг. Возможно, тогда же, в последний год существования курсов Герье, он читал ее и курсисткам.

Вышеупомянутые женские педагогические курсы находились под эгидой Московского общества, состоящего под Августейшим государыни императрицы покровительством, воспитательниц и учительниц. Очевидно, накануне 1892 г. они существовали в скромной форме «коллективных уроков», а с осени 1892 г. приобрели более солидный статус. В конце 1891 г. Милюков писал С.Ф.Платонову: «Вы, вероятно, знаете, что на будущий год и нам разрешены женские курсы — с интернатом и официальным директором».⁶¹

О том, что курсы не были для Милюкова синекурой, свидетельствуют его письма С.Ф.Платонову. Осенью 1892 г. он писал: кроме университетских лекций «буду еще читать это полугодие на педагогических курсах “Введение в русскую историю” – курс общего характера, который в эти месяцы и займет мое главное внимание». 21 ноября 1893 г. Милюков жаловался на обремененность заботами: «А тут еще подоспели Педагогические курсы, на которых я обещал продолжить прошлогодний курс, требующий, в сущности, больше хлопот и обработки, чем университетские лекции».⁶²

Традиционная хронологическая композиция курса русской истории не нравилась Милюкову. Он полагал, вдохновившись примерами иностранных популяризаторов, что «для истинного понимания истории России нужно нечто совсем другое»,⁶³ а именно то, что он преподнес в своем «Введении в курс русской истории». Под таким названием он читал в 1892–1895 гг. лекции на педагогических курсах, а в 1894/95 г. также и в университете. В них русская история была представлена по «проблемному принципу» в серии очерков, каждый из которых был посвящен отдельной крупной теме (население, экономический быт и т.д.) и освещал ее по всей хронологической протяженности, вплоть до современности.

Этот курс стал основой «Очерков по истории русской культуры». Первоначально, сам Милюков в сентябре 1892 г. собирался переработать «Введение в курс русской истории» и отдать ряд статей для напечатания в «Мир Божий». С редактором этого научно-популярного журнала, В.П.Острогорским, Милюков познакомился во время поездки в Петербург в январе 1892 г. Милюков тогда выразил сочувствие полезному начинанию, что дало право Острогорскому вскоре обратиться к нему с просьбой, написать популярную статью по русской истории. Милюков не хотел отказывать редактору, однако стоящего сюжета не нашел. Писать же о реформах Петра Великого историк, уставший от написания диссертации, отказался. Милюков пообещал летом 1892 г. написать «что-нибудь приличное», но слова не сдержал. Узнав о желании Милюкова переработать лекции для журнала, Острогорский в письме от 24 сентября 1892 г. попросил дать материал не в виде лекций, а как ряд статей с отдельными названиями. Редактор предполагал начать печатание с первых месяцев 1893 г.⁶⁴ Но, видимо, из-за сложности обработки и сильной занятости Милюкова «Очерки» стали печататься в этом журнале лишь с января 1895 г.

«Мир Божий» надолго сделался пристанищем «Очерков». Все три части их первоначально были помещены на его страницах: первая – в 1895 г., вторая – в 1896 г., третья – в 1899-1902 гг. «Очерки» имели громадный успех у читательской публики. Не говоря о том, что «Мир Божий» был одним из самых тиражных в России «толстых журналов» (в лучшие годы, приходившиеся как раз на период публикации «Очерков», число его подписчиков превышало 10000), «Очерки» выдержали несколько отдельных изданий. До начала первой русской революции общий тираж отдельных изданий «Очерков» превысил 58 тысяч экземпляров (см. таблицу 8).

Когда Милюкова уволили с курсов в феврале 1895 г., то на его место поступил другой ученик В.О.Ключевского, М.Н.Покровский, преподававший на курсах до 1903 года.⁶⁵

Кроме перечисленных учебных заведений, в «Воспоминаниях» Милюков говорит о преподавании истории литературы в одной частной женской школе.⁶⁶

В первой половине 1890-х гг. при написании учебника по всеобщей истории (древний мир и средние века) П.Г.Виноградов воспользовался советами и замечаниями ряда опытных педагогов, среди которых он назвал и Милюкова. Последний откликнулся на появление первой части учебника благожелательной рецензией, а неопубликованная рецензия на вторую часть пособия сохранилась в личном фонде П.Н.⁶⁷

При всей «живости» гимназического преподавания Милюков стремился стать преподавателем университетским. По вступившему в силу в августе 1884 г. новому университетскому уставу обладатель кандидатской степени должен был для получения звания приват-доцента выполнить два основных условия: сдать магистерские экзамены и прочесть две пробные лекции.

«Исходным пунктом для подготовки» к экзаменам «должны были служить программы вопросов, составленные по соглашению с экзаменаторами». Программа по главному предмету – русской истории – насчитывала, по словам Милюкова, 12 – 15 вопросов; программы по дополнительным предметам – всеобщей истории и политической экономии – по 6.⁶⁸ На последних страницах одной из записных книжек Милюкова содержится два списка вопросов. Первый из них, по русской истории, написан спокойным, ровным почерком и содержит 12 пунктов: 1. Отношения между князьями; 2. Русская правда; 3. Судебники; 4. Уложение; 5. История помещенного владения; 6. Объединение Руси с Ивана IV; 7. Административные реформы Петра (в начале одно слово неразборчиво); 8. Дворянство в XVIII в. 9. Наказ уложенной комиссии; 10. Александр I и Наполеон; 11. Крестьянский вопрос при Александре I и Николае. С двенадцатым вопросом полной ясности нет. Под этим пунктом в списке два варианта. Первая строчка предположительно может быть прочтена: «12. Укр[аинная] служба при Петре», причем цифра «12» и первые три слова взяты Милюковым в квадратные скобки, а из слов вполне разборчиво только слово «Петре». Вторая строчка читается ясно, но она зачеркнута: «Двор[янского] самоуправления XVIII в.».⁶⁹ Очевидно, что такой вопрос затрагивал бы лишь один из аспектов 8-го вопроса; поэтому, видимо, он и зачеркнут. Первый же вариант 12-го вопроса нарушает довольно стройную хронологическую последовательность списка. В прочих источниках указаны еще два вопроса из магистрантской программы Милюкова: в его мемуарах – «Освобождение крестьян при Александре II», в одном из отчетов о подготовке к экзаменам – «Дипломатические сношения с Литвой при Иване III и Василии III».⁷⁰ Первый из этих вопросов следует исключить, т.к., видимо, в памяти мемуариста один вопрос (11-й по списку) расширился по хронологии (от Екатерины II до Александра II) и распался на два. Воп-

рос же о дипломатических сношениях с Литвой следует включить в приведенный список. Но тем самым нарушается равенство количества вопросов по «древней» (допетровской) и «новой» русской истории. Впрочем, поскольку Милюков не настаивает в мемуарах на цифре 12, можно предположить, что в окончательном варианте списка вопросов было больше.

Второй список вопросов — по всеобщей истории — в записной книжке имеет два внешних отличия от первого. Во-первых, он написан торопливым, размашистым почерком (вероятно, запись под диктовку); во-вторых, при каждом вопросе помещен краткий перечень из двух-четырёх авторов монографий.⁷¹ Это позволяет предположить, что список вопросов по русской истории Милюков предварительно набросал сам и отнес на утверждение Ключевскому, а по всеобщей — взял готовый список у В.И.Герье.

При более точной датировке первого списка следует иметь в виду письмо Милюкова к Н.А.Попову от 23 апреля 1883 г. с просьбой дать ему несколько книг о Русской правде и Уложении.⁷² Логично заключить, что данное письмо было написано Милюковым вскоре после утверждения программы экзамена по русской истории. Так как программа по всеобщей истории следует в записной книжке спустя три листа после программы по русской, вероятно, она была утверждена вскоре после нее, т.е. еще весной 1883 г. Но П.Г.Виноградов, отправившийся в командировку летом 1883 г., писал 23 сентября к В.И.Герье: «Представил ли Вам свою программу Милюков? Будьте к нему благосклонны. Он очень странный, но очень способный и трудящийся малый. Я твердо уверен, что из него выйдет хороший ученый. Только бьется теперь с бедностью: хорошо было бы дать ему стипендию».⁷³

Перечень вопросов по всеобщей истории в записной книжке Милюкова следующей: 1. Учреждения (в Греции) до Перикла; 2. Дом Юлиев; 3. Английская конституция (государственное устройство Англии в средние века); 4. Флоренция в средние века; 5. Английские секты и их политическое значение; 6. Французское крестьянство в XVIII в.

Упомянутое письмо к Н.А.Попову свидетельствует, что Милюков начал серьезную подготовку к экзаменам с апреля 1883 г. О ходе подготовки к экзамену по русской истории Милюков составил два отчета. 25 апреля 1884 г. Н.А.Попов на заседании факультета сообщил свой отзыв о первом из этих отчетов, признав его «весьма удовлетворительным». По решению факультета отчет был передан на рассмотрение Ключевскому и сохранился в архиве последнего. Отзыв о втором отчете Милюкова, сохранившемся в его собственном архиве, составил Ключевский, признавший его «удовлетворительным». Этот отчет был заслушан на факультете 13 февраля 1885 года.⁷⁴

Вскоре Милюков приступил к сдаче экзаменов. На экзамене по древней русской истории 10 апреля 1885 года испытуемому были предложены вопросы о Русской правде и об Уложении. Ответы на оба вопроса были признаны «весьма удовлетворительными». На экзамене 17 апреля по новой русской истории за ответ на вопрос «Александр I и Наполеон I» Милюков получил ту же оценку. Экзаменатором был Ключевский. По вос-

поминаниям Ю.В.Готье, Ключевский обычно держал себя на экзаменах «просто и обаятельно», ободряя испытуемого. Но это не означает, что высшая оценка была обеспечена заранее. М.К.Любавский, сдававший русскую историю почти одновременно с Милюковым, 3 и 17 апреля, получил «удовлетворительно», а в 1895 г. М.Н.Покровский вообще провалился на экзамене у Ключевского.⁷⁵

20 ноября 1885 г. Милюков сдал всеобщую историю. В.И.Герье поставил «удовлетворительно» за ответ на вопрос «Английское государственное устройство в средние века».

Политическую экономию Милюков сдавал 4 декабря. Экзаменатор А.И.Чупров предложил ему вопрос «О поземельной ренте» и признал ответ «весьма удовлетворительным». В общем, несмотря на оценку по всеобщей истории, факультет постановил «признать испытание оконченым... Павлом Милюковым весьма удовлетворительно».⁷⁶ Однако итоговая оценка была вписана в протокол позже остального текста. Видимо, профессора колебались.

Следующим этапом на пути к приват-доцентуре было чтение пробных лекций. Темой, заданной Милюкову факультетом, в документах значится «Юридическая школа в русской историографии». Скорее всего, факультет согласовал тему с Милюковым. Стало быть, хотя формально университетский устав был соблюден и одна тема считалась назначенной, фактически обе были выбраны лектором. Впрочем, в свое время В.О.Ключевский перед поступлением на службу в Московскую духовную академию читал пробную лекцию на заданную тему «О житиях русских святых как источнике сведений для русской гражданской истории».⁷⁷ Следовательно, назначение для пробной лекции темы, над которой специально работал лектор, было традицией.

О теме второй лекции — «Древнейшая разрядная книга» — Милюков пишет, что взял ее «из области своей архивной работы». «Я выбрал для нее очень узкую, но важную задачу - осветить происхождение и степень достоверности “Древнейшей Разрядной Книги”... Списков частных — и недостоверных - этой древнейшей ... книги было сколько угодно. Но в московском архиве министерства иностранных дел мне удалось найти правительственный текст и доказать его официальное происхождение». Милюков указывает, что лекция о разрядной книге была тогда же опубликована. Однако можно усомниться в том, что его статья «Официальные и частные редакции древнейшей разрядной книги» была печатным аналогом лекции. Милюков подал прошение директору Московского главного архива министерства иностранных дел (МГАМИД) о допуске к занятиям в архиве лишь 11 февраля 1886 г., а уже 1 марта — прошение на факультет о назначении времени чтения пробных лекций.⁷⁸ Крайне сомнительно, чтобы за неполных три недели архивной работы Милюкову удалось доказать официальное происхождение указанного им текста. Скорее всего, Милюков в лекции изложил лишь самые предварительные результаты своих архивных изысканий по вопросу о «происхождении и степени достоверности» разрядных книг и лишь в ходе дальнейшей рабо-

ты смог «найти правительственный текст и доказать его официальное происхождение». На это указывает и различие в приведенных выше заголовках лекции и статьи. В заголовке лекции нет речи об «официальных и частных редакциях».

Чтение Милуковым 13 марта пробных лекций на сверхочередном заседании факультета было признано «весьма удовлетворительным». ⁷⁹ С этим моментом, когда окончательно были выполнены формальности, обуславливающие доступ к университетскому преподаванию, связан также выход в свет первой печатной работы Милукова. В марте 1886 г. в журнале «Русская мысль» была опубликована его небольшая анонимная рецензия на изданные Д.И.Багалеем «Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI—XVIII столетии». Очевидно, лишь закончив напряженную экзаменационную страду, Милуков мог позволить себе роскошь печатных выступлений.

В конце 1885 — первой половине 1886 гг. разворачивались также события, связанные с отношением Милукова к службе в армии. Обильная переписка многочисленных инстанций завершилась высочайшим разрешением от 10 июля 1886 г. предоставить Милукову дополнительную отсрочку «для достижения степени магистра» до 1 декабря 1886 г. ⁸⁰

Милуков, в отличие от других учеников Ключевского, «не думал надолго отлагать» свое приват-доцентство. 22 апреля 1886 г. он подал на факультет заявление, в котором просил ходатайствовать о зачислении его в приват-доценты. М.М.Богословский объяснял неторопливость свою, а также А.А.Кизеветтера и Н.А.Рожкова в достижении прав университетского преподавания желанием уделять больше времени работе над диссертациями. Тем более что существенных доходов приват-доцентство не приносило. Но Милукова такие соображения не останавливали, он стремился в приват-доценты для «закрепления» своего «положения в московском обществе». ⁸¹

Факультет, рассмотрев прошение Милукова, постановил ходатайствовать о его утверждении перед попечителем. Предстояло выяснить вопрос о его политической благонадежности. Но и с этой стороны препятствий не возникло. 2 июля московский генерал-губернатор В.А.Долгоруков известил ректора, что возражений по кандидатуре Милукова у него нет. 19 июля 1886 г. попечитель разрешил принять Милукова в число приват-доцентов Московского университета для преподавания русской истории. ⁸² Но прежде чем перейти к приват-доцентскому периоду его биографии, следует упомянуть еще одно событие, которое относится к предшествующему времени и стоит несколько особняком, т. к. не принадлежит к летописи карьерных и творческих достижений молодого ученого.

11 января 1885 г., накануне Татьянина дня, Милуков был повенчан в церкви села Ахтырка Дмитровского уезда с Анной Сергеевной Смирновой. Венчание совершал московский священник А.К.Смирнов. Отец невесты, Сергей Константинович Смирнов (1818-1889), в 1878-1886 гг. был

ректором Московской духовной академии. В ученом мире он пользовался достаточной известностью, состоял в переписке с С.М.Соловьевым, читавшим его труды «с большим удовольствием», был коллегой В.О.Ключевского по службе в академии. Жена С.К.Смирнова, Софья Мартыновна, урожденная Ловцова (1830-1916), хорошо знала Е.П.Победоносцеву и ее младшего брата К.П.Победоносцева. ⁸³

Известны две даты рождения Анны Сергеевны Смирновой. Первая - 9 декабря 1859 г. Она приводится в юбилейном сборнике материалов «У Троицы в Академии». Другая дата рождения — 9 декабря 1861 г. Она указана в формулярном списке С.К.Смирнова. Мы склоняемся ко второй дате, тем более, что в некрологах А.С.Милуковой фигурировала именно она.

Сведения о жизни А.С.Смирновой до замужества крайне скудны. В 10 лет ее отдали в закрытый пансион Дюмушель, где она получила светское образование. Это увело ее в сторону от быта духовенства. Анна Сергеевна имела неплохие музыкальные способности, в пансионе увлеклась игрой на пианино. По возвращении из пансиона она уехала в Москву, где поступила на Высшие женские курсы В.И.Герье, и почти оторвалась от семьи. На жизнь она зарабатывала уроками музыки. В Москве А.С.Смирнова попала под внимательную опеку В.О.Ключевского, знавшего ее еще с детского возраста. Анна Сергеевна была ученицей Ключевского по курсам Герье и, видимо, не без его влияния занялась русской историей. ⁸⁴

Милуков познакомился со своей будущей женой у Ключевского «как с своего рода коллегой по занятиям русской историей». (Возможно, что знакомство было как-то связано с курсами В.И.Герье. В 1892 г. на магистерском обеде прозвучал тост А.И.Чупрова, где он «указал на семейное счастье Милуковых, как отчасти на плод этих курсов»). Первоначально знакомство молодых людей носило товарищеский характер, но вскоре переросло в более сильную привязанность. Видимо, в начале 1884 г. П.Н.Милуков и А.С.Смирнова решили пожениться. Почти до самой свадьбы молодые люди хранили свое решение в секрете. И только накануне свадьбы сообщили о нем самым близким людям, родителям, потребовав устроить свадьбу в строгом секрете. ⁸⁵

С.К.Смирнов отнесся к зятю хорошо. В письме архиепископу Тверскому и Кашинскому Савве от 20 января 1885 г. он написал, что Милуков «юноша во всех отношениях отличный». Хуже сложились отношения между свекровью и невесткой. Кроме того, поскольку никого из знакомых о свадьбе молодожены не предупредили и после нее обычных свадебных визитов не делали, возникли другие сложности. «Мой лучший друг, П.Г.Виноградов, — вспоминал Милуков, — а с ним и его семья, узнав о моей женитьбе не от меня, были страшно обижены моим укрыпательством - и выразили это довольно демонстративно. П.Г. сохранил наши добрые отношения, но дружба с семьей разладилась, так как моя жена там не была “принята”».

С другой стороны, В.О.Ключевский отнесся к свадьбе своей любимой ученицы и своего «аспиранта» очень хорошо. Как писал Милуков, «отношения наших семейств... стали самыми интимными». ⁸⁶

23 мая 1885 г. молодожены отправились на дачу в Пушкино. В ответ на какую-то выходку М.А.Милюковой молодые собрались и уехали. Судя по материалам полицейского надзора, они отправились 24 июля 1885 г. в с.Хотьково Дмитровского уезда. В начале сентября они вернулись в Москву. Милюков подыскал квартиру в доме Салтыкова в Крестовоздвиженском переулке на Воздвиженке, в Тверской части, куда они вселились 3 сентября 1885 года. Милюков скрывал от всех свой новый адрес, а все просьбы и записки просил передавать матери по старому адресу. П.Н.Милюков несколько раз заезжал к ней в номера, но посещения становились все более редкими. Наконец из Ярославля, куда М.А.Милюкова отправилась на похороны сестры, пришло известие, что и сама она находится при смерти. Милюков не застал ее в живых. По-видимому, она скончалась приблизительно в 1886-1889 гг.⁸⁷

Анна Сергеевна была женщина эмансипированная, зарабатывала на жизнь уроками музыки, что давало до 120 рублей в месяц. Замужество не увело ее в сторону от интереса к истории. Она поддерживала отношения с коллегами мужа по научным обществам (например, с Е.В.Барсовым), интересовалась публикациями по темам, которыми в свое время занималась у Ключевского.

С людьми Милюкова сходилась тяжело. В спорах она была бескомпромиссна. По мнению С.Ф.Платонова, она искусственно создала себе жизненные рамки, безупречно-логические, которые превращали жизнь в ряд упражнений на заданные самому себе темы. Анна Сергеевна была умственна развита, но вот умна ли Платонов ответить не решался. Напротив, жене Платонова Милюкова понравилась. Правда, Н.Н.Платонова отметила излишнюю прямолинейность в характере супруги Милюкова. Случай 1899 г. в Болгарии с бонной, попытавшейся отравиться после строгого выговора хозяйки, подтверждает эту характеристику Милюковой.

В июле 1889 г. у Милюковых родился первенец, сын Николай. В 1894 г. появился второй сын Сергей. Оба мальчика родились в Москве. 30 января 1898 г. в Вене родилась дочь, которую родители назвали Наталья⁸⁸

Надо сказать, что П.Н.Милюков не был образцовым семьянином. В первой половине 1890-х гг. у него начался роман с С.С.Маньковской, видимо, его слушательницей по женским педагогическим курсам, ныне почти забытой писательницей и журналисткой из Ковенской губернии. Милюков пытался через знакомых редакторов журналов (В.А.Гольцева, В.Г.Короленко, А.А.Давыдову и В.П.Острогорского) устроить печатание повести Маньковской («по-моему есть у этой барыни талант и следовало бы поощрить ее напечатанием»), но все редактора отказали из-за невысокого ее качества. Во время пребывания Милюкова в Париже в августе-сентябре 1897 г. между ними произошло объяснение, в результате которого Милюков остался в семье. Несмотря на разрыв, С.С.Маньковская до 1917 г. продолжала питать к Милюкову теплые чувства.

А.С.Милюкова была достаточно ревнива и старалась пресекать контакты мужа с другими женщинами. Так произошло в 1899 г. с сестрой И.Д.Шишманова Марой.⁸⁹

Переход от сдачи магистерских экзаменов к университетскому преподаванию сделался в биографии Милюкова символом перехода от «ученичества» к самостоятельной научной работе. К этому рубежу он подошел с солидной подготовкой. Путь Милюкова в науку как коренного москвича, дворянина, выходца из сравнительно обеспеченной семьи не был сопряжен со значительными трудностями. Но решающим фактором была не благоприятная внешняя обстановка, а личность самого историка. Гимназические и университетские успехи в учебе создали прочную базу для последующего научного роста. В то же время Милюков сделал свои первые шаги на политическом арене. Стабилизация внутривосточной жизни на время лишила его возможности активного участия в политике и тем самым благоприятно отразилась на его научных интересах. Работой по обширной программе магистерских экзаменов завершилась предварительная стадия формирования Милюкова как самостоятельного исследователя.

в) Преподавание в университете. Работа над диссертацией и ее защита

С сентября 1886 г. Милюков сделался сотрудником факультета. Это произошло, едва ли не в самую спокойную пору университетской жизни - в мае 1886 г. в знак примирения с университетом его посетил император с супругой. Но спокойствие оказалось недолгим. Уже осенью 1887 г. разыгралась шумная студенческая «история» и университет был даже временно закрыт. С этого времени «барометр общества» показывал растущее «давление», и к 90-м годам атмосфера в нем существенно изменилась.⁹⁰

Отмена штатной доцентуры и широкое привлечение приват-доцентов в университет способствовали росту числа преподавателей. Но приват-доценты материально обеспечивались гораздо хуже штатных доцентов. Приват-доценты не состояли в штате университета, получали не жалованье, а гораздо меньшее по размерам «вознаграждение».⁹¹

Наряду с вознаграждением приват-доценты, как и профессора, получали «гонорар». Поскольку спецкурсы приват-доцентов не собирали многочисленной аудитории, гонорар не давал существенной прибавки к доходам. Формально приват-доцент мог «конкурировать» с профессором, читая обязательный курс, или факультет мог ввести один из спецкурсов приват-доцента в обязательную программу. Но то и другое, по словам Милюкова, было возможно лишь при поддержке профессора-«конкурента».⁹²

Первоначально Ключевский благоволил к Милюкову. Так, объявляя на весеннее полугодие 1887 г. четырехчасовой курс истории России, В.О.Ключевский оговорился в заявлении факультету, что спецкурс он назначать не будет. Дополнительные знания по русской истории студенты могут получить на спецкурсах В.Е.Якушкина и П.Н.Милюкова, писал профессор. Назначив спецкурс, Ключевский отвлек бы часть и без того немногочисленной аудитории из групп двух приват-доцентов.⁹³

В осеннем семестре 1886 г. Милюков прочел свой первый курс - «Русская историография». Курс под аналогичным названием читался им позднее еще трижды. Разработкой историографического курса Милюков, судя по теме одной из его пробных лекций, занимался ранее. Работая над этим курсом, Милюков ставил перед собой две цели: учебную и научную. Этот спецкурс не имел аналогов в университете. Поэтому у него было больше шансов быть введенным в обязательную программу или, в крайнем случае, привлечь большое число студентов. Важность спецкурса для самого Милюкова в научном отношении отмечена в его письме к В.И.Семевскому. Милюков предполагал «расчистить себе окончательно вход в святилище науки». Еще в гимназии он придерживался того взгляда, что лучше воспользоваться плодами развития предыдущих веков может тот, кто проследил теории в их историческом развитии. Милюков стремился к сознательному самоопределению в науке с первых шагов и для этого считал необходимым тщательно изучить ее историю.

Курс собирал немного слушателей. Так, в первом полугодии 1886/87 академического года к Милюкову на занятия ходили 7 человек (в т.ч. Я.Л.Барсков). Во втором полугодии число слушателей увеличилось до 21 студента I-IV курсов и 1 вольнослушателя. Среди них - будущие историки П.Н.Ардашев и Ф.А.Смирнов.

Результаты работы Милюкова в области историографии были в значительной части опубликованы. Сначала в ограниченном количестве экземпляров был издан литографированный курс (М., 1887) его бывшим слушателем Я.Л.Барсковым. Впрочем, свой курс Милюков считал «скверно изданным». Возможно, это и было одной из причин, побудивших его к переработке курса для публикации - сначала в журнале «Русская мысль» (1893-1895 гг.), затем отдельной книгой под заголовком «Главные течения русской исторической мысли» (выдержала три издания: М., 1897; М., 1898; СПб., 1913). Эта монография охватывала лишь первую часть курса. Вторая часть не была подготовлена к печати. Частично ее материалы нашли свое отражение в ряде других опубликованных и неопубликованных работ.⁹⁴

Занятия Милюкова историографией принесли свои плоды. Именно к нему в сентябре 1890 г. обратился С.А.Венгеров с просьбой написать заметку для «Критико-биографического словаря» о К.Н.Бестужева-Рюмина. Поддержав предприятие Венгерова, Милюков отказался от самого предложения. Он написал Венгерову, что «моя оценка личности К.Н., после личного с ним знакомства, оказывается значительно выше, чем оценка результатов его ученой деятельности, а характеристика его направления, даже самым объективным тоном написанная, ... была бы в моих устах и Вашем словаре вместе и осуждением этого направления». Помимо этого, Милюков, не будучи свидетелем профессорских чтений Бестужева-Рюмина («той стороны его деятельности, которая ... производила наиболее выгодное для него впечатление»), считал себя не вправе писать об ученом, когда были живы его слушатели и ученики. В результате статью о Бестужева-Рюмине написал Д.А.Корсаков.

В марте 1892 г. Венгеров предложил Милюкову написать об И.Н.Болтине. На этот раз Милюков такую заметку подготовил и в мае 1892 г. отправил Венгерову. По библиографической полноте статья несколько отличалась от того идеала, что пытался достичь Венгеров, и Милюкову пришлось дополнить ее. Одновременно историк предложил Венгерову «если хотите, прибавьте что-нибудь уже сами». В печатном виде заметка о Болтине, состоящая из двух частей (Милюкова и Венгерова), появилась в 1897 г.⁹⁵

Кроме историографии, большое внимание Милюков уделял историко-географической тематике. Его осенний курс 1887 г. был озаглавлен «О колонизации русских земель»; весенний 1888 г. курс — «История русской колонизации в XVI-XVIII вв.» — продолжение предыдущего. Осенний курс Милюкова посещали 22 студента III-IV курсов историко-филологического и юридического факультетов, среди них будущие историки и этнографы — А.А.Кизеветтер, В.Н.Сторожев, С.П.Моравский, Ф.А.Смирнов, Н.Н.Харузин. Весной число посещавших сократилось до 9. При этом из вышеперечисленных слушателей лишь Харузин перестал ходить на курс.

Дважды Милюков прочел курс под названием «Русская историческая география»: осенью 1888 г. и осенью 1891 г. Последний курс был им заявлен на весь 1891/92 академический год, но на второй семестр Милюков его отменил. Причиной была необходимость отдохнуть после окончания диссертации. Наконец, в 1893/94 г. Милюков читал курс «Историческая география России».⁹⁶

В отличие от историографического, курсы по исторической географии и истории колонизации не были опубликованы, хотя, по отзыву такого компетентного слушателя как А.А.Кизеветтер, они «представляли собой самостоятельные монографические исследования». Притом и сам Милюков планировал написать «работу историко-географического характера». Но такая книга не была написана, т.к. Милюков ушел в политику. Впрочем, Я.Л.Барсков намеревался летом 1888 г. осуществить литографированное издание милюковского курса истории колонизации, затем хотел размножить этот курс иным способом. В его личном фонде сохранился беловик записи курса Милюкова «История русской колонизации».⁹⁷ Однако о плодах его намерений нам ничего неизвестно.

Кое-что по историко-географической тематике Милюков все же успел опубликовать. Из массы мелких заметок и рецензий следует выделить две «программные» статьи: «Русская историческая география и атлас проф. Замысловского» и «Колонизация России». Кроме того, в архиве Милюкова сохранились рукописи его курсов по истории колонизации и исторической географии.⁹⁸

Несмотря на отсутствие у него монографии по этой теме, Милюков слыл в научной среде конца 80 - начала 90-х гг. XIX в. одним из ведущих специалистов по русской исторической географии. Именно к нему в 1890 г. обратился Н.И.Кареев по поручению библиографической комиссии Исторического общества при Петербургском университете с просьбой «взять на себя составление библиографических указаний по исторической гео-

графии и этнографии, а также по истории колонизации и областей» для задуманного обществом обширного историко-библиографического предприятия (см. ниже). Летом 1891 г. П.Г.Виноградов вел переговоры о составлении Милуковым карты для французского исторического атласа. В январе 1892 г. Д.Н.Анучин в качестве председателя комиссии по устройству в Москве Международного конгресса по доисторической археологии и антропологии просил Милукова подготовить доклад для секции «доисторической этнографии» и «принять участие в комиссии по географической выставке... — набросать программу выставки по исторической географии, как вообще, так и особенно России». Наконец, в «Энциклопедическом словаре» Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона было принято именно то определение предмета русской исторической географии, которое предложил Милуков.⁹⁹

Все прочие свои университетские курсы Милуков прочел по одному разу. Весной 1890 г. им был объявлен курс «Реформа Петра Великого». В нем он изложил предварительные итоги работы над диссертацией. В 1890/91 г. Милукову пришлось взять на себя обязательный курс «Обзор источников русской истории XVI и XVII вв.». Известно также, что в 1890/91 г. он вел семинар, в котором студенты знакомились «с главнейшими видами официальных памятников Московского государства (XVI и XVII веков), относящихся к служилому сословию, финансам, администрации и суду. Независимо от этого желающим были предложены работы по летописям московского периода и по разрядной книге XVI в.» В сентябре 1890 г. Милуков писал С.Ф.Платонову: «Во вторник начну в университете курс или семинарий, сам еще не знаю». В письме от 17 января 1891 г. он сообщал: «В этом полугодии университетской возни будет больше, так как поспели рефераты на данные в начале года темы и придется позаняться правильной постановкой семинария». Но соответствующая рукопись в архиве Милукова озаглавлена «Курс 1890-91 (источники XVI и XVII в.)». Следовательно, это были занятия смешанного, лекционно-семинарского типа, или параллельные курс и семинар на одну и ту же тему. (Судя по «Воспоминаниям» самого Милукова, он не проводил строгого разграничения между курсами и семинарами). Во всяком случае, это был первый университетский семинар Милукова, т.к., судя по мемуарам А.А.Кизеветтера и М.М.Богословского, до осени 1890 г. он семинаров не вел.

В области источниковедения, которой был посвящен указанный курс, Милуков серьезно заявил о себе как исследователь разрядных книг, опубликовал краткий обобщающий обзор источников русской истории и статью о писцовых и переписных книгах в «Энциклопедическом словаре» Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона.¹⁰⁰

В 1893/94 г. Милуковым был заявлен курс «Историческая статистика России».

В том же году в связи с отъездом В.О.Ключевского в Абастуман для преподавания великому князю Георгию Александровичу Милуков с ноября 1893 по апрель 1894 г. вел обязательный семинар для III и IV курсов по источникам русской истории. Он следующим образом охарактеризо-

вал этот семинар: «Вначале я думал, что дело сведется, как сводится и у Ключевского, к курсу лекций об источниках, но студенты принялись серьезно работать на предложенные мною темы, — и мне приходится усиленно работать самому».¹⁰¹

Последний университетский курс Милукова, читанный в 1894/95 г., — «Введение в курс русской истории». Впоследствии из этого курса выросли «Очерки по истории русской культуры». О своих университетских занятиях осенью 1894 г. Милуков сообщал С.Ф.Платонову, что не хотел читать необязательного курса, но не удалось: «... Пришли мои прошлогодние семинаристы и упростили меня вести с ними нечто вроде практических занятий, которых Ключевский не дает им».¹⁰²

Таким образом, за неполных 9 лет преподавания Милуков разработал и прочел семь спецкурсов (см. таблицу 9). Он объявлял курсы в университете каждый семестр, кроме весны 1889 г., когда с разрешения факультета освободился от лекций «ввиду занятий по магистерской диссертации». Разнообразная тематика курсов говорит о широте исследовательских интересов Милукова. При объявлении спецкурсов он всегда придерживался мнения, однажды высказанного в письме к А.С.Лаппо-Данилевскому, что «удобнее излагать не эпоху, а вопрос», т.е. был сторонником проблемного метода в преподавании.¹⁰³

Сохранился ряд мемуарных отзывов слушателей Милукова о его преподавании. А.А.Кизеветтер принадлежал к самым первым из них. Его отзыв выдержан в сугубо положительном тоне и лишь проникнут легким оттенком сожаления о том, что Милуков занялся политикой, не дав раскрыться своему научному потенциалу. Двумя курсами младше Кизеветтера был М.М.Богословский. Он отзывался о преподавании Милукова кратко и сдержанно. Небольшой восторженный отзыв принадлежал другому слушателю Милукова — М.Л.Брамсону.¹⁰⁴

Ни Кизеветтер, ни Богословский в студенческие годы не занимались в семинарах Милукова. Двум другим известным историкам, обучавшимся в 1891—1895 гг., — С.К.Богоявленскому и Ю.В.Готье — довелось работать в его семинаре 1893/94 г. Богоявленский отнесся к этому семинару настолько серьезно, что стал заниматься в Московском архиве министерства юстиции (ММЮ). Итогом этих занятий стала статья, опубликованная благодаря протекции Милукова в «Журнале министерства народного просвещения».¹⁰⁵

Ю.В.Готье признавал: «...Милуковский семинарий имел решающее значение для всей моей жизни... Работа в милуковском семинарии, и, может быть, еще больше работа над зачетным сочинением под непосредственным руководством П.Н. углубила и определила мои научные интересы. Я решил окончательно стать русским историком. И за это руководство я всю свою жизнь сохраняю благодарность П.Н.Милукову, которого в той же мере, как В.О.Ключевского, считаю своим учителем». В напечатанном тексте воспоминаний Готье публикаторы выпустили фразу, характеризующую отношение первого к Милукову: «Я всегда думал и жалел — какого великолепного профессора и руководителя начинающих

ученых потерял в нем Московский У[ниверсите]т». Под руководством Милюкова Гюте написал работу «Оборона степных границ Московского государства в XVI—XVII столетиях».¹⁰⁶

Перечисленные отзывы показывают, что Милюков с успехом перенял преподавательское мастерство высоко ценимого им П.Г.Виноградова. Что же касается коллег Милюкова по преподаванию, то их признание выразилось в активном использовании его трудов в педагогическом процессе (см. таблицу 10).

Но, кроме научной и научно-педагогической, университетское преподавание Милюкова имело также «карьерную», материальную сторону. (Найденные нами отрывочные данные о вознаграждении Милюкова в университете мы свели в таблицу 11). Милюков рассчитывал на продвижение по службе и рост дохода, который мог бы освободить его от гимназического преподавания. Однако с начала 90-х гг. перспективы для служебной карьеры Милюкова в Московском университете вырисовывались неблагоприятные. У него не сложились отношения с занимавшим кафедру русской истории В.О.Ключевским, от которого в значительной степени зависела эта карьера.

Как отмечалось выше, Ключевский не особенно благоволил к Милюкову еще в момент оставления последнего при университете. Но позднее, после женитьбы Милюкова на А.С.Смирновой, Ключевский стал относиться к нему более благосклонно. По словам Ф.Е.Корша, приведенным в дневнике Н.Н.Платоновой, Ключевский «был влюблен» в Милюкова. Настоящая история их громкого конфликта началась, судя по мемуарам Милюкова, около 1887-1888 гг. в связи с милюковским курсом истории колонизации, в котором содержались возражения против взглядов Ключевского. Во-первых, Милюков выражал свое несогласие с «теорией массового передвижения русских племен с юга на север», из Киевской Руси во Владимиро-Суздальскую, «теорией, которой, следуя Погодину, держался В.О.Ключевский»; во-вторых, Милюкову пришлось «коснуться и довольно искусственной конструкции начала русской истории, как она была изложена в первом издании... “Боярской думы”» Ключевского, т.е. концепции «городовой, торговой Руси» киевского периода. Причем, как явствует из милюковской рукописи курса истории колонизации (которую следует датировать весной 1888 г.), по вопросу о «торговой Руси» Милюков прямо полемизировал с Ключевским. Там же, где в рукописи идет речь о характере колонизации Северо-Восточной Руси, фамилия Ключевского не упоминается. Разумеется, никаких отступлений от норм научной полемики в рукописи не содержится и рядом с мнением Ключевского в ней критикуются также мнения С.М.Соловьева и Н.И.Костомарова. Однако, как вспоминает Милюков, «нашлись ревнители (и особенно ревнительницы), которые разгласили, что я в своих лекциях опровергаю Ключевского. Я с огорчением заметил после этого некоторое охлаждение ко мне моего учителя, к которому относился с любовью и безусловным почтением. Такая реакция слишком отзывала старыми университетскими нравами. Пожертвовать свободой собственной исследовательской мысли я, конечно, не мог».¹⁰⁷

Затем отношения двух историков еще более осложнились в связи с подготовкой Милюковым диссертации. А кроме этих конкретных поводов для конфликта, по словам Милюкова, существовал общий фон его разногласий с Ключевским. Даже в лучшие времена между ними всегда ощущалось «различие поколений», «подчас мучительное и тем более болезненное, чем теснее становилась связь». Оно выражалось в различии воззрений «на русскую историю и способы ее изучения», в разнице политических взглядов. Давала знать себя и разница социального происхождения при всем демократизме Милюкова и «при всей модернизации Ключевского». Общеизвестна бытовая приверженность Ключевского к духовной среде, выходящем из которой он был, и, с другой стороны, его неприязнь к дворянству. Впрочем, что касается политических разногласий Ключевского и Милюкова, их не следует преувеличивать.

Кроме всего прочего, Милюков отмечал личные качества Ключевского, затруднявшие взаимопонимание: «причудливый, неровный характер» и «усиливавшуюся с годами замкнутость и нервность». О справедливости такой характеристики свидетельствуют отзывы других учеников Ключевского.¹⁰⁸

Историю взаимоотношений Милюкова с Ключевским в первой половине 1890-х гг. можно проследить по письмам первого к С.Ф.Платонову. 22 апреля 1890 г. в ответ на вопрос Платонова — можно ли обратиться к Ключевскому за советом по поводу докторской диссертации — Милюков писал, что не может прогнозировать реакцию профессора: «...Мы с Ключевским теперь в самых отвратительных отношениях; он проявлял уже не раз враждебность ко мне, в случаях настолько мелких, что надо было быть или очень мелочным, или уж очень раздражительным, чтоб не воздержаться от таких проявлений». Из письма следует, что о характере своих отношений с Ключевским Милюков уже информировал Платонова, во время приезда последнего в Москву зимой 1889/90 г. В письме сообщается также, что Милюков не знает мнения Ключевского о магистерской диссертации Платонова: «...Ко времени его ознакомления с вашей диссертацией мы с ним уже не вели интимных разговоров». (Магистерская диссертация Платонова была опубликована в октябре 1887 — апреле 1888 г. на страницах «Журнала министерства народного просвещения», а затем вышла отдельным изданием).

Платонов осторожно отвечал, что сведения Милюкова «чрезвычайно удивили» его: «...Удивили тем, что совпали с темными слухами, циркулирующими здесь о В.О. Здесь смотрят на него, как на человека, с которым случилось что-то неладное и странное. Я не давал этим слухам до сих пор никакой цены, теперь же — удивляюсь». В письме Платонову от 29 июля Милюков писал о Ключевском уже с обличительным пафосом: «...В нравственной, как и физической жизни, бывает момент, когда все носившиеся в воздухе микроорганизмы, безвредные для живого тела, набрасываются на угасающую жизнь и начинается ужасающий процесс разложения заживо. Не дай Бог никому дожить до момента, когда жалкие микробы сплетен начинают хозяйничать в нравственном существовании, как в

пустой квартире, оставленной жильцами, и когда они действительно становятся губительными для существования, не догадавшегося прекратиться вовремя, сделавшегося заживо добычей смерти».¹⁰⁹

В этих «ламентациях» любопытны два момента. Во-первых, среди афоризмов Ключевского имеется не менее резкое высказывание в адрес Милукова, записанное, очевидно, после публичной лекции последнего «Разложение славянофильства» (прочитана в январе 1893 г.): «Разложение славянофильства — пахнет от разлагателя».¹¹⁰ В этой характеристике содержится тот же самый термин «разложение», который был применен Милуковым по отношению к Ключевскому. Совпадение, видимо, случайное, но показательное для оценки взаимоотношений двух ученых. Во-вторых, вся критика Милукова в адрес Ключевского упирается в один животрепещущий для него самый пункт — в то, что в «нравственном существовании» профессора «хозяйничают микробы сплетен». Как представляется, речь идет о тех самых «ревнителях», на которых Милуков сетует в мемуарах за то, что они «разгласили» факт его выступления против Ключевского в курсе истории колонизации. Если это так, остается предположить одно из двух: или Ключевский был не прав, так резко выражая свое недовольство исследовательской самостоятельностью Милукова, или устная критика Милуковым взглядов Ключевского отличалась от рукописной и в чем-либо отклонялась от этических норм.

В.О.Ключевский не скрывал своего неприязненного отношения к Милукову и на публике. Об одном из таких эпизодов сохранилось свидетельство М.С.Корелина. 12 января 1893 г. на традиционном обеде преподавателей историко-филологического факультета среди прочих речей прозвучало выступление Милукова о научном и гуманитарном направлении (в изучении истории?). Речь Милукова была резко оборвана Ключевским, который заявил: «Ваша наука — глупая наука». Корелин в дневнике посетовал, что отношения между историками обнаруживаются вполне, «вражда касается не только направлений, но и лиц».

Правда, некоторые люди, особенно в Петербурге, не замечали конфликта двух историков. Так, редактор журнала «Мир Божий» В.П.Острогорский в начале мая 1892 г. просил Милукова, как «любимейшего ученика Ключевского», повлиять на профессора, чтобы тот написал статью для его издания.¹¹¹

По свидетельству А.Ф.Селиванова, записанному Н.Н.Платоновой в 1895 г., ссоры Ключевского и Милукова начались давно. Последний вел себя слишком заносчиво, его рецензии, в которых Милуков резко критиковал старших коллег (например, Е.Е.Замысловского), также не нравились Ключевскому. Е.Ф.Шмурло, с чужих слов, записал в своих воспоминаниях, что нежелание Ключевского признать достоинства милуковской диссертации — «результат издавна обостренных отношений». В дневнике Н.Н.Платоновой имеется запись, что ее мужу кто-то сказал в Москве после магистерского диспута Милукова, что ссора последнего с Ключевским произошла из-за самых вздорных пустяков.¹¹²

А.Н.Савин, обучавшийся на историко-филологическом факультете в 1891-1895 гг., после смерти Ключевского записал в своем дневнике со слов М.К.Любавского, удачливого конкурента Милукова в борьбе за кафедру русской истории, следующее: «Любавский подтверждает мои предположения о том, что с Ключевским было нелегко даже его собственным ученикам, и что присутствие Бориса [сына Ключевского — А.М., П.Т.] делало положение еще более трудным... Милуков в восьмидесятых годах был очень близок к Ключевскому, часто бывал в доме и даже учил Бориса ездить на велосипеде. Но из-за Бориса же (но и из-за амикошонства, которое позволил себе Милуков) будто и произошла резкая размолвка в начале 90-х годов. Любавский подтвердил мою догадку, что отказ дать Милукову доктору за диссертацию, объясняется в значительной степени и личной неприязнью. Политические разногласия с 1894 еще более удалили их друг от друга. Но политика же, кадетство обоих, привело к новому сближению в последние годы, хотя никакой интимности не получилось». Далее Савин добавляет со слов П.Г.Виноградова: «Что касается Милукова, то, по мнению Виноградова, у Милукова не могло быть настоящей близости к Ключевскому ввиду резкого различия душ, но одно время Милуков часто бывал у Ключевского и много беседовал с ним...». В свете свидетельства Савина в упрек Ключевскому может быть поставлен лишь его «тяжелый» характер, ответственность же за конкретный повод к конфликту распределяется между его сыном и Милуковым. Неясно, в чем выразилось «амикошонство» Милукова: в том же самом курсе истории колонизации или в чем-либо другом. Кстати, как утверждает Милуков в «Воспоминаниях», он научился ездить на велосипеде в рязанской ссылке (1895-1897 гг.). С другой стороны, существует неопровержимое доказательство, что уже в 1887 г. Милуков совершал велосипедные прогулки.¹¹³

Замечание П.Г.Виноградова о «резком различии душ» двух ученых справедливо, но мало что разъясняет в истории конфликта, как и замечание С.К.Богоявленского: «Между ними было много недоразумений. И Ключевский, и Милуков были люди резкие, и каждый из них имел свое твердое самостоятельное мнение». Личные симпатии самого Богоявленского, однокурсника Савина, были в свое время (как и у большинства тогдашних студентов-историков) на стороне Милукова.¹¹⁴ Нам, во всяком случае, за отсутствием вразумительного ответа на вопрос «кто виноват?», остается присоединиться к нейтральному мнению Виноградова и Богоявленского.

Прошлое кафедры русской истории Московского университета представляло собой непрерывную цепь конфликтов, таким образом, Милуков лишь продолжил «традицию». По его собственным работам можно проследить сложные перипетии взаимоотношений М.П.Погодина с его предшественником по кафедре М.Т.Каченовским, С.М.Соловьева — с М.П.Погодиным, В.О.Ключевского — с С.М.Соловьевым. Несомненно, именно это подразумевал Милуков, жалуясь Платонову: «...Видно, такая судьба нашего просвещения, что каждое новое поколение сваливается с неба и каждое сызнова открывает свою Америку».¹¹⁵

При всей напряженности конфликта, то, что Ключевский подал в отставку от проректорства «и, следовательно, возвращается к науке», Милюков сообщил Платонову 7 октября 1890 г. как «приятную новость». Позже, в 1893 г. Милюков отказался поверить в сообщенные ему через В.Н.Сторожева А.А.Кизеветтером неприглядные факты о Ключевском, сочтя, что это «карикатурная мистификация».¹¹⁶ Стало быть, существовали пределы взаимного недовольства.

Характер отношений с Ключевским вызывал у Милюкова подозрение, что быстрой карьеры в Московском университете ему не сделать. Он обдумывал возможность перехода в другой университет. Последовавшее в начале 1890 г. от А.С.Будиловича предложение о переходе в Варшавский университет Милюков отклонил на том основании, что возможная денежная прибавка в Варшаве компенсируется в Москве заработком в средних учебных заведениях, «а московских архивов в Варшаве нет».¹¹⁷

Следующим предложением Милюков был обязан С.Ф.Платонову. Летом 1890 г. в Александровском лицее наметилась вакансия преподавателя русской истории. Начальство лицея было настроено взять кого-либо из московских историков. Постепенно речь стала идти о двух возможных кандидатурах: П.Н.Милюкова и В.Е.Якушкина. Платонов в письме от 3 ноября 1890 г. предложил Милюкову, под влиянием сообщений об отношениях с Ключевским и «о необходимости держаться 17 уроков», хлопотать о его трудоустройстве в Петербурге (в Александровском лицее и на женских курсах). Милюков отказался уже не без колебаний. Он выдвинул две причины отказа: «Во-первых, мое положение в здешнем университете далеко еще не выяснилось окончательно в неблагоприятном для меня смысле и выяснится, вероятно, не ранее защиты диссертации». Во-вторых, в Петербурге, в лицее (800 р.) и на курсах (400 р. за 5 уроков), Милюков в общей сложности получил бы 1200 р. в год, а в Москве совместный доход его и жены составлял около 2000 р.¹¹⁸

Получив отказ Милюкова, Платонов не успокоился. Когда 31 января 1891 г. В.Г.Васильевский сообщил об открывающейся вакансии в Дерптском университете, Платонов предложил Милюкова. Но Васильевский видел на этой кафедре Е.Ф.Шмурло, поэтому кандидатура Милюкова даже не стала обсуждаться.

В начале февраля 1891 г. Платонов сообщил Милюкову то, на что мог бы рассчитывать москвич при переезде в столицу. Милюкову предлагалась вся нагрузка по истории в лицее (800 р. за 3 лекции в неделю и 1250 р. за 10 уроков), а Платонов передавал ему свои четыре лекции (по 200 р. за каждую в год) на педагогических курсах, оставив себе лишь две. В общей сложности доход Милюкова в Петербурге составил бы 2850 рублей. В случае получения докторской степени доход Милюкова в лицее должен был возрасти с 800 до 1200 р. за лекции. Помимо этого, 17 февраля 1891 г. Платонов, имевший доступ к сведениям министерства, сообщил Милюкову, что вскоре открываются вакансии в Дерпте, Киеве и Одессе. Однако Милюков не проявил интереса к этим университетам, а попросил дать характеристику женских курсов и лицея и сообщил, что обра-

тился к П.Г.Виноградову — узнать его мнение о своем возможном уходе из Москвы. Платонов 1 марта выслал просимые сведения, но, видимо, стал подозревать, что, сделавшись петербуржцем, Милюков составит ему серьезную конкуренцию на курсах, а потом и в университете. Поэтому Платонов посоветовал добиваться кафедры в одном из провинциальных университетов: «уж если изменять Москве, то для университета». Он предлагал не спешить с переходом в Петербург, тем более, что его покровитель академик В.Г.Васильевский сказал о Милюкове: «встретить следует радушно, но радоваться не придется». Милюков попытался успокоить Платонова: «Петербургского университета я, во всяком случае, вовсе не имею в виду, так как там есть свои и попасть туда — значило бы перерезать дорогу Лаппо-Данилевскому и другим приват-доцентам, которые могут надеяться на кафедру. Если я попаду в Питер, то я ни в каком случае не выступлю, даже как приват-доцент». Однако заверения Милюкова, видимо, не успокоили подозрений Платонова, который 10 марта поинтересовался: «не откажите сообщить, в каком направлении выскажется Виноградов». Платонов также предупредил, что у Милюкова в Санкт-Петербургском университете будут конкуренты, и вновь настойчиво посоветовал хорошо подумать, прежде чем уезжать из Москвы.¹¹⁹

Виноградов высказался за переход в Петербург: таким путем карьера Милюкова была бы ускорена, даже при условии возвращения в Москву — уже на более высокую позицию. Письмо свое, имея в виду предполагаемую помощь Платонова при переводе Милюкова в Петербург, Виноградов завершил характерным замечанием: «Если бы Платонов всегда употреблял свое влияние так хорошо, как в данном случае, то можно было бы только радоваться, что он им пользуется».

Когда Милюков сообщил Платонову о положительном отношении Виноградова к его переходу в Петербург, Платонов, очевидно, не на шутку встревожился. В письме Милюкову он выразил удивление мнению Виноградова: «Неужели Ваши шансы в факультете [в Москве — А.М., П.Т.] представляются ему столь малыми?» Платонов стал всячески уговаривать коллегу предварительно еще раз выяснить все шансы в Москве. В случае полного отсутствия таких шансов петербуржец настаивал на выгоды для Милюкова занять кафедру в Одессе.

Более того, Платонов привлек к этому вопросу внимание влиятельного В.Г.Васильевского. Последний высказался против перехода Милюкова в Петербург: «Без мысли об университете лицей для Милюкова мало имеет смысла, а наш университет, кажется, в нем не нуждается». В крайнем случае Васильевский советовал Милюкову взять кафедру в Одессе или Киеве.

Платонов пересказал Милюкову разговор с Васильевским и добавил: «Васильевский не уполномочил меня передавать Вам его слова, я делаю нескромность и прошу Вас не употреблять ее во зло. Делаю нескромность потому, что она поставит Вас в известность, что влиятельные лица нашего факультета не будут за Вашу натурализацию у нас. Это новость и для меня самого. Васильевский Ваш полный благодетель и за Ваши инте-

ресы станет, ручаюсь, — но оказывается, не здесь». После такого письма дорога в Петербург была для Милюкова закрыта. Виноградов следующим образом прокомментировал данный инцидент: «В Петербурге... во всей фантазмагии наверно повинен Платонов, кот[орый] зараз явился и в роли бескорыстного друга и в качестве внушителя Васильевского, издавшего оракул о том, что Вам там не будет “смысла”». ¹²⁰ Как представляется, это резкое суждение во многом справедливо. Хотя Платонов и оказал Милюкову массу значительных услуг, едва ли его благорасположение к Милюкову простиралось до самоотречения.

Пока Милюков колебался, переходить ли ему в Петербург или нет, он решил выяснить перспективы своей карьеры в Москве. 12 марта 1891 г. он послал письмо Ключевскому с вопросом: «...Я не знаю, в какой степени я могу рассчитывать на выяснение в ближайшем будущем моего положения в здешнем университете. Может быть, Вы согласитесь помочь мне выяснить это весьма для меня важное обстоятельство?». О результатах своего объяснения с Ключевским он 31 марта сообщил Платонову: «Ключевский выразил готовность начать немедленно справки, нельзя ли мне дать доцентский оклад. Положим, в результате этих справок оказалось, что наш ректор боится отказа со стороны министерства и советует отложить этот вопрос до получения мною степени; но собственно, мне и нужно было не столько немедленное увеличение моих доходов, сколько уверенность в том, что в более или менее ближайшем будущем я получу более определенное положение в университете, чем теперь. Кажется, теперь я должен получить эту уверенность — и, следовательно, остаюсь дома». ¹²¹

Несмотря на положительный итог переговоров Милюкова с Ключевским, коренного улучшения в их отношениях не произошло. Напротив, год спустя, дело дошло до «окончательного разрыва» в связи с выступлением Ключевского против присуждения Милюкову докторской степени. Ключевский не исполнил обещания похлопотать об окладе, и Милюков его не получил. Весной 1893 г. он в письме к В.И.Семевскому открыто сожалел, что отказался от петербургского приглашения. В октябре 1893 г., накануне отъезда в Абастуман Ключевский заходил к Виноградову, и тот завел с В.О. разговор о гонораре для Милюкова. Как заметил М.С.Корелин, отношения Ключевского и Виноградова в последнее время сделались лучше, но вопрос о вознаграждении Милюкова «их снова расстроит».

Правда, в 1893/94 г. Милюкову заплатили повышенное вознаграждение в связи с ведением им обязательного семинара вместо командированного в Абастуман Ключевского. Об этом просил сам Милюков, который из-за занятости в университете потерял ряд уроков в средних учебных заведениях. За повышенное вознаграждение высказался Виноградов. Через М.С.Корелина Ключевский передал просьбу выплатить Милюкову вознаграждение в максимальном размере, чуть позже он прислал письмо с аналогичным ходатайством, доложенное на факультетском заседании 23 марта 1894 г. Совет постановил ходатайствовать перед министерством о выплате Милюкову 800 рублей. В конце концов, Милюков получил 750 рублей в два приема.

На упомянутом заседании Виноградов и А.Н.Шварц попытались помочь Милюкову, предложив сократить чтение древних авторов на III и IV курсах на 1 час, что и было принято факультетом. М.С.Корелин в своем дневнике указал на причину такого шага — Виноградов хотел добиться двух обязательных часов для Милюкова. Корелин сам хотел воспользоваться этими часами, но, по-видимому, у него ничего не получилось. В 1894/95 академическом году Милюков стал читать два часа в неделю. ¹²²

Но Милюкову был нужен постоянный оклад, а не единовременные выплаты. Такого оклада ему так и не суждено было получить. Более того, после инцидента на лекции 30 ноября 1894 г. (см. ниже) Ключевский, поверивший в причастность к нему Милюкова, говорил многим, что он решил не давать Милюкову оклада, даже если бы был вынужден читать 5 обязательных лекций в неделю. В письме А.Е.Преснякова матери от 25 января 1895 г. сообщается, что Ключевский не дает Милюкову оклада и грозит не допустить его до профессорского звания в Москве. В результате Милюкову приходится жить на доходы от литературной работы и 11 уроков.

В конце 1894 г. Платонов пытался, используя свое влияние в министерстве, помочь московскому коллеге. Для этого требовалось содействие факультета. Однако Ключевский в таком содействии отказал. Милюков сообщал Платонову: «...Все обязательные часы по русской истории Ключевский взял себе, сдвоив даже для этого семинарий на двух старших курсах и сведя четыре часа к двум. Я же имею через год по два часа обязательных для курса исторической географии. В переговорах с Виноградовым Ключевский прямо выставил против моего вознаграждения то обстоятельство, что пришлось бы, дав мне деньги, «ломать преподавание», — другими словами, дать мне также и часы». В этом же письме он строил всевозможные предположения о том, как добиться желаемого. ¹²³ Но что-либо предпринять Милюкову было не суждено, т. к. в феврале 1895 г. его уволили из университета.

Хотя в годы университетского преподавания Милюков, как приват-доцент, не был полноправным членом факультета и имел столь могущественного недоброжелателя, как Ключевский, его участие в факультетских делах не ограничивалось одним только чтением лекций. Так, 7 мая 1890 г. он выступил в качестве второго официального оппонента на магистерском диспуте В.Е.Якушкина, подвергнув диссертацию острой критике. В письме к Платонову Милюков охарактеризовал ее как «довольно позорную», с чем адресат согласился. Статью Милюкова о книге Якушкина с удовольствием прочел В.И.Семевский, разделив критические высказывания первого.

21 октября 1892 г. Милюков был включен в состав факультетской комиссии, созданной для рассмотрения школьных учебников русской истории, представленных на соискание премии имени М.Н.Муравьева. Осенью 1893 г. Милюков составлял по поручению факультета список книг по русской истории, желательных для приобретения в библиотеку университета. Еще более активным было участие Милюкова в неформаль-

ном общении университетских преподавателей. Он посещал многочисленные профессорские журфикисы (в т.ч. празднование юбилея П.Г.Виноградова 5 января 1891 г., на котором сказал речь) и в целом, как свидетельствует дневник Н.П.Боголепова, был едва ли не полноправным членом профессорской корпорации.¹²⁴

Эпизод с подготовкой и защитой Милюковым магистерской диссертации, хотя хронологически и относится к периоду его университетского преподавания, заслуживает специального рассмотрения.

Как отмечалось выше, в кандидатской диссертации Милюков исследовал различные виды землевладения в Московском государстве XVI в. Возможно, Ключевский порекомендовал Милюкову продолжить занятия по этой теме. После сдачи магистерских экзаменов у Милюкова появляется время для занятий новой диссертацией. С этой целью он подает 11 февраля 1886 г. ходатайство о разрешении ему работать в МГАМИД.

Как писал Милюков в письме В.И.Семевскому летом 1887 г., темой своей диссертации он в 1886 г. выбрал историю служилого сословия, преимущественно его низших, провинциальных слоев. Милюков не сразу определился, с какой точки зрения следовало начинать разработку этой темы (со служебной или землевладельческой). Работу над диссертацией он начал с изучения писцовых и разрядных книг, но сразу же наткнулся на пробел в критике этих источников. В ходе архивных разысканий Милюков обнаружил текст древнейшей разрядной книги и смог доказать его официальное происхождение. Ему удалось поработать со списком разрядной книги, принадлежавшим секретарю Общества истории и древностей российских (ОИДР) Е.В.Барсову. Вероятно, именно ему Милюков обязан публикацией результатов своих изысканий в «Чтениях» ОИДР.

5 июня 1887 г. Милюков подал прошение в МАМЮ с просьбой допустить его к работе с документами для научных целей. Лето он надеялся полностью посвятить диссертации. Но возникла необходимость подготовить курс по истории колонизации России. Семевскому Милюков писал, что не знает, какой вид примет его тема, когда он вновь за нее возьмется. Он надеялся, что этот вопрос выяснится при «столкновении» с архивным материалом.¹²⁵

Когда точно произошло это «столкновение», в ходе которого Милюков сменил тему диссертации, ответить сложно. Вероятнее всего, что осень-зима 1887 г. стали определяющими, т.к. уже с весны 1888 г. Милюков прилагает целенаправленные усилия для разработки новой темы. При этом и старую тему он не забросил окончательно. Так, летом 1888 г. он изучал один из списков разрядной книги.

Несмотря на небольшой срок занятий первоначальной темой диссертации, Милюков смог добиться ощутимых результатов в деле изучения разрядных книг. Его наблюдения и выводы были высоко оценены Н.П.Лихачевым, который, правда, не соглашался с Милюковым по частным вопросам. На замечания Лихачева Милюков ответил отдельной статьёй.¹²⁶ Показательно, что эта статья была опубликована в 1889 г., когда полным ходом шла работа Милюкова над новой темой. Он продолжал следить за

публикациями по своей первоначальной теме, очевидно, надеясь когда-нибудь вернуться к истории служилого сословия в XVI и XVII вв.

Более того, Милюков продолжал пользоваться заслуженным авторитетом специалиста по истории XVI в. К нему обращались за советом и помощью молодые историки, специализирующиеся на этом периоде. В июне 1892 г. петербургский историк И.И.Лаппо прислал Милюкову рукопись своей магистерской диссертации «Тверской уезд в XVI веке». Видимо, вопрос о посылке работы Милюкову был решен в январе 1892 г. во время его приезда в столицу. Вероятно, тогда Милюков пообещал Лаппо прочитать работу, высказать свои замечания, а также прозондировать вопрос о печатании диссертации в «Чтениях» ОИДР. На Милюкова работа произвела не вполне благоприятное впечатление. Тем не менее, он переговорил с влиятельными членами ОИДР и предложил напечатать диссертацию Лаппо в «Чтениях». На заседании Общества 24 апреля 1893 г. было решено напечатать это исследование после соответствующей переработки и сокращения. Лаппо была выслана рукопись с правкой, проведенной, вероятно, Милюковым. После исправления указанных огрехов работа была возвращена в ОИДР и вскоре появилась в «Чтениях».¹²⁷

Новая тема диссертации, выбранная Милюковым, должна была показать связь финансового состояния России конца XVII – начала XVIII веков с административными реформами Петра Великого. Этот вопрос автор решал в духе Ключевского: Северная война породила финансовые трудности, а они, в свою очередь, принудили Петра к широкомасштабным изменениям центральной и местной администрации, изменениям поспешным, часто не продуманным, противоречащим друг другу и, в конечном счете, малоэффективным.

Работая над диссертацией, Милюков изучил массу архивных источников. В Москве он занимался в МГАМИД и МАМЮ. Два лета подряд, в 1888 и 1889 г., Милюков работал в Петербурге. Там его интересовал, главным образом, Государственный архив министерства иностранных дел (Госархив МИД). Разрешение министра иностранных дел на допуск в этот архив он получил в апреле 1888 г. В конце мая Милюков с женой уже был в столице. Судя по косвенным данным, они вернулись в Москву в середине августа. В целом Милюков ходом работы над диссертацией и поездкой был очень доволен. Время второй поездки Милюкова в Петербург определяется тем фактом, что в 1889 г. он обращался к ректору с прошением о выдаче «билета для проезда в Санкт-Петербург и проживания там с 15-го мая по 15-е августа».

За два сезона работы Милюкову не удалось скопировать все нужные ему документы. Это заставило его обратиться в 1891 г. за помощью к архивисту Госархива МИД Н.А.Гиббенету. Ранее, в 1890 г., Милюков попытался организовать копирование нужных ему документов в Морском архиве. Ему помог Платонов, поручивший сделать выписки на платной основе своему ученику С.А.Адрианову.¹²⁸

Уже после второй поездки в Петербург Милюков решил начать публиковать отдельные найденные им материалы. Так, для «Русской стари-

ны» он предложил осенью 1889 г. для напечатания роспись государственного бюджета 1680 г., но редактор М.И.Семевский отказал. Семевский признавал важность этого документа для русской истории, но писал, что он «слишком грузен для моего издания». Более того, вплоть до апрельской книжки 1890 г. в «Русской старине» не было места для публикации. При этом Семевский не отказал Милукову в возможности напечататься в журнале в будущем,¹²⁹ чего, впрочем, не произошло.

Энтузиазм Милукова, порожденный успехами архивных изысканий, охлаждался отношением к его работе Ключевского. В мемуарах Милуков рассказывает о «тяжелом разочаровании», которое он испытал, когда, возвратившись из первой поездки в Петербург и обрисовав Ключевскому блестящие перспективы исследования, услышал в ответ: «Вы бы лучше взяли и разработали грамоты какого-нибудь из северных монастырей. Это было бы гораздо короче — и послужило бы для магистерской диссертации, а эту свою работу вы бы лучше отложили для докторской диссертации».¹³⁰ Милуков был оскорблен, так как, по его мнению, Ключевский предлагал ему, вместо «вклада в науку», «ворох монастырских грамот и тощую книжонку в результате!» Описывая этот эпизод, Милуков не договаривает свою мысль до конца. Цитированный ответ, несомненно, намекает на позицию С.М.Соловьева при выборе темы магистерской диссертации самим Ключевским, а тощая «книжонка» как результат обработки «вороха монастырских грамот» — явный намек на эту диссертацию («Древнерусские жития святых как исторический источник»).

В мемуарах Милуков вообще не упоминает о роли Соловьева при выборе темы Ключевского. В других случаях он достаточно говорит об этом и везде характеризует эту роль как отрицательную, ссылаясь на мнение самого Ключевского.¹³¹ Но и в этих случаях он опять-таки не проводит прямой параллели между своими отношениями с Ключевским и отношениями Ключевского с Соловьевым. Такую параллель провел Г.В.Вернадский, правда, по-иному: «Ключевский не сочувствовал тому, что Милуков взялся писать диссертацию, требующую так много времени. Сам Ключевский, для своей магистерской диссертации, получил от Соловьева тему о древнерусских житиях святых как историческом источнике — работу кропотливую, но не требовавшую много времени. Только для докторской своей диссертации Ключевский выбрал обширную тему...».¹³² Предпринятая здесь Вернадским попытка оправдать Ключевского (если он нуждается в оправданиях) не выдерживает критики, т. к. никто из других учеников Ключевского, успевших защитить магистерские диссертации в период его профессорства, не потратил меньше времени, чем Милуков (10 лет), на путь от окончания университета до защиты, а большинство потратило даже больше. Да и сам Ключевский на свою магистерскую диссертацию, «не требовавшую много времени», потратил более шести лет (1865–1872), которые можно приравнять к десяти милуковским, если сопоставить средние темпы подготовки диссертаций в 60-е и 80-е гг. (тем более, что собственно над диссертацией Милуков работал всего четыре с половиной года: вторая половина 1887 — 1891 гг.).

В письме Милукова Платонову от 29 июля 1890 г. С.М.Соловьев охарактеризован как представитель «ученой публики», мешавшей Ключевскому «выйти на свою дорогу», как человек, «навязавший ему (это одно из больших его мест) глупую тему о житиях святых...».¹³³ Очевидно, что материал для этой характеристики был взят Милуковым из его прежних «интимных» разговоров с Ключевским, и, что аналогично оценивал Милуков предложение Ключевского о «разработке грамот какого-нибудь северного монастыря». Судя по всему, у него имелись основания для такой оценки. Ведь незадолго до первой поездки в Петербург, весной 1888 года, Милуков прочел тот самый курс истории колонизации, с которого он ведет в мемуарах начало своего длительного конфликта с Ключевским.

Как бы то ни было, описанный эпизод не способствовал взаимопониманию между двумя историками и послужил тревожным предзнаменованием дальнейших событий.

Важным для Милукова был вопрос о публикации исследования. Еще в октябре 1889 г. А.С.Лаппо-Данилевский поинтересовался у Милукова, где тот собирается печатать свой труд. В первых числах января 1890 г. Милуков поделился с петербургским корреспондентом своими сомнениями относительно места печатания диссертации. Он собирался обратиться в «Журнал министерства народного просвещения», но не знал, к кому конкретно, к В.Г.Васильевскому или Л.Н.Майкову. Для Милукова печатание в этом журнале было важно, т. к. гонорар за публикацию позволял в значительной степени компенсировать расходы по выпуску отдельного издания. В случае отрицательного ответа Милуков намеревался напечатать свою диссертацию в «Чтениях» ОИДР. В начале января 1890 г. Милуков еще не собрал весь необходимый материал для первой и последней глав. Для остальных материалов был «почти подобран». Милуков предполагал начать печатать диссертацию, т.к. «общие выводы и архитектурника книги» были ему уже достаточно ясны. В более четкой формулировке отдельных положений и выводов Милукову должен был помочь объявленный им на весеннее полугодие 1890 г. курс «Реформа Петра Великого». Работу непосредственно над текстом диссертации Милуков начал зимой 1890 г., еще до окончательного решения вопроса о публикации.

После получения письма от Милукова А.С.Лаппо-Данилевский «по собственному почину» поговорил с В.Г.Васильевским о печатании милуковской диссертации. Последний ответил, что если работа не слишком переполнена материалом, то редакция примет ее для напечатания, начиная с осени. Лаппо-Данилевский посоветовал Милукову предварительно условиться об этом с редакцией. Вероятно, Милуков сначала решил проконсультироваться с членом редакции С.Ф.Платоновым. И Милуков, и Платонов участвовали в работах VIII археологического съезда в Москве в январе 1890 г. Именно там Милуков впервые поднял этот вопрос перед Платоновым, и последний пообещал «разведать почву» для печатания диссертации в журнале. В письме от 1 марта 1890 г. Платонов сообщил, что редакция готова принять диссертацию. Милуков приступил к выяснению деловой стороны предполагаемой публикации в письме

Платонову от 15 марта 1890 г. Он пожелал узнать «с какого месяца можно будет начать печатание» и опубликует ли журнал хотя бы часть весьма объемных приложений к диссертации. В случае отрицательного ответа на последний вопрос Милюков предполагал или опубликовать приложения в «Чтениях» ОИДР, или печатать их в типографии «Журнала министерства народного просвещения» за свой счет, в качестве частного заказа. В конечном счете, был реализован последний вариант, т. к. опубликовать приложения Васильевский отказался и в Москве Милюкову не удалось их поместить в «Чтениях».¹³⁴

23 марта Милюков сообщил Платонову, что уже пишет диссертацию, но потом он был занят подготовкой к диспуту Якушкина, и составлением отчета о русской беллетристике 1889/90 г. для английского еженедельника «The Athenaeum». 23 мая он писал Платонову: «сегодня, наконец, ... я могу окончательно и решительно засесть за диссертацию». Милюков надеялся начать публикацию диссертации летом, но с трудом попал в сентябрьский номер. Такая задержка давала автору дополнительное время на отделку рукописи, которая постепенно росла. Редакции желательно было получить всю рукопись сразу, но труд Милюкова был принят на более выгодных для автора условиях. Вначале Милюков рассчитывал послать первую главу 10 июля, но этот срок отодвинулся. В письме 7 июня он излагал Платонову план подготовки рукописи: «Между 15 июля и 1 августа я вышлю все, что успею отделать до того времени; в моих интересах обработать большую часть текста летом; но наверное, при соблазнительности постоянной работы в архивах и вытекающего отсюда увеличения материала во время самой обработки текста, я засяду преимущественно на первой половине, а вторую придется доделывать зимой; ... всего оригинала сразу я, конечно, не доставлю, и то, что не пришло в первый срок, мне всего удобнее досылать частями по мере появления в журнале и под давлением журнальных сроков».¹³⁵

Ни большей части, ни даже половины диссертации написать летом 1890 года Милюкову не удалось. Закончил он всего три главы, объем которых значительно превысил его предварительные расчеты. Эти главы были опубликованы в трех осенних номерах журнала. Работа имела заглавие «Государственное хозяйство России в связи с реформой Петра Великого». Платонов опасался, что Милюков и в диссертации проявит полемический задор, свойственный его статьям и рецензиям. Когда он увидел, что опасения эти не оправдываются и выразил свое удовлетворение, Милюков в ответ изложил ему свое кредо: «Общие приемы изложения я сознательно изменил сравнительно с приемами моих журнальных статей: тон книги и статей должны быть, как мне кажется, различны, как различна та публика, для которой они предназначены: там я обыкновенно созидаю во французском вкусе, а здесь мне хочется произвести постройку на английский манер, чтобы было просто, прочно и дельно».¹³⁶

С четвертой главы начались перебои в публикации. Милюков не справлялся с заданным темпом. Посылая в конце октября IV главу, чтобы успеть к декабрьскому номеру, он писал Платонову: «Сию минуту кончил

4-ю главу и не дописал еще заключения, которое вставлю в корректуре: боюсь, что и так затянул посылку дальше всех возможных сроков. Судя по тому, как шло писанье этой главы, следующую вряд ли изготовлю к январю». Однако положение облегчила сама редакция. Платонов сообщил, что в декабре IV глава не может быть опубликована ввиду первоочередности других материалов. 28 октября Милюков отвечал: «Представьте себе, что я даже очень доволен этой задержкой...: таким образом, моя совесть останется спокойна, а между тем я выигрываю целый месяц в довольно важный для меня момент: следующая глава будет посвящена происхождению губерний, и я теперь погружусь по уши в изучение разрядной организации областных военных ведомств, которая должна объяснить многое».

IV глава появилась в журнале в январе 1891 г. Следующая задержка произошла уже независимо от редакции. Хотя Милюков планировал завершить очередную главу перед Рождеством, чтобы она попала в февральский номер, на деле «глава пятая разрослась в конце концов, в две главы», которые Милюков приготовил лишь к мартовскому номеру, где они обе и были опубликованы.¹³⁷

Получив рукопись V и VI глав, доведивших объем диссертации до солидных размеров, Платонов дал понять Милюкову, что гостеприимство журнала не безгранично, выразив надежду, что VII глава будет последней. Надежда Платонова была объяснима в свете предшествовавших заверений Милюкова. Последний еще в письме от 7 июня 1890 г. оценивал объем текста диссертации приблизительно в 20 печатных листов (этот лимит был исчерпан в V главе). Позднее он писал, что три первых главы составляют «полдиссертации». Однако уже 15 декабря 1890 г. он предупреждал Платонова: «Всего у меня предполагалось при начале работы 8 глав, но теперь имеется в виду и девятая: впрочем, это — вопрос не об увеличении материала, а об ином его распределении». В связи с этим понятно, что пожелание Платонова привело Милюкова «в немалое смущение» и показалось ему преждевременным. Он поспешил разочаровать петербургского коллегу: «У меня главой VII-й кончается второй отдел, за которым следует третий, распадающийся также на три главы. Разросшись таким образом, я чувствую, что обманул доверие редакции и заслуживаю самых жестоких упреков с Вашей стороны; но я уж право, не знаю, что же теперь делать: могу только уверить, что этот невольный обман произведен bona fide с моей стороны — без всякого dolus malus» (т.е. без злого умысла).¹³⁸

Седьмую главу Милюков собирался написать к апрельскому номеру, но Платонов предупредил его, что место для нее имеется лишь в майском, чему Милюков оказался «в сущности тоже рад, так как вряд ли бы успел приготовить VII-ю главу к апрелю». И тут ход публикации был нарушен. 24 января 1891 г. Академия наук поручила Милюкову составление отзыва на книгу А.С.Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований», представленную на соискание Уваровской премии. Отзыв следовало подать к 15 мая. Кандидатуру Милюкова в качестве рецензента

выдвинул академик В.Г.Васильевский. Сам Милюков предполагал, что его предложил К.Н.Бестужев-Рюмин, и был удивлен, узнав истину.

Милюков отнесся к этому поручению неоднозначно: «Жаль..., — писал он Платонову, — что этот академический разбор отодвинет печатание диссертации, так как совместить и то, и другое мне вряд ли удастся. Но что делать: конечно, это — честь, и отказываться нельзя, а напротив надо благодарить. Кажется, в академических рецензиях принято не ограничиваться критикой, а предлагать и нечто положительное? Материалец-то у меня кой-какой найдется, но во всяком случае придется засесть. Ввиду этого я уже совсем перестал предвидеть что-нибудь относительно дальнейшего хода диссертации. Так как пришпоривать себя — дело необходимое, то я все-таки, если позволите, буду считать, что VII глава может пойти в мае, а в случае неудачи — в июне. Июль я постараюсь по Вашему совету освободить, но в таком случае мне необходимо будет допечатать остальное в августе, сентябре и октябре, так как к ноябрю я должен уже представить книгу на Соловьевскую премию».

Ранее Милюкову довелось в благожелательном тоне отрецензировать книгу Лаппо-Данилевского в «Русской мысли». Свои поздравления Милюков сообщил и автору книги лично. По переписке с Платоновым можно проследить хронику работы Милюкова над академическим отзывом. 20 февраля 1891 г. он писал: «На днях принялся, наконец, серьезно обдумывать рецензию на Лаппо-Данилевского. Когда вернусь к седьмой главе, теперь уж совсем не знаю и о ней не думаю». 5 марта: «За следующую главу я примусь только тогда, когда покончу рецензию на Лаппо-Данилевского; когда это будет, не знаю; вряд ли раньше срока, так как я все еще не принимался ее писать, а пока лишь перечитываю книгу и обдумываю содержание возражений». 10 апреля: «Наконец, у меня есть досуг заняться рецензией, но срок так возмутительно короток!» 14 мая: «Последнее время сидел над ней целые дни, гнал к сроку изо всех сил, но все-таки не успел, так что выслал только половину; остальная готова, но не переписана... Вместо листа вышло целых 8, если не 10». Из Академии наук торопили, т.к. неофициальное присуждение премий уже произошло и для составления отчета о наградах по конкурсу 1890/91 г. требовалась вся рецензия. Пока же непреходящий секретарь академии А.А.Штраух письмом от 18 мая просил выслать конец рецензии, где Милюков делал основные выводы о книге Лаппо-Данилевского.¹³⁹

Официальное заседание по тридцать третьему присуждению Уваровских премий состоялось 25 сентября 1891 г. Лаппо-Данилевский получил малую премию (500 рублей); Милюков, как рецензент — золотую медаль (стоимостью 50 рублей). Отзыв Милюкова был опубликован трижды: в конце августа 1892 г. отдельной брошюрой тиражом 260 экземпляров под заголовком «Спорные вопросы финансовой истории Московского государства», осенью 1892 г. в приложении к «Отчету о тридцать третьем присуждении наград графа Уварова...», в 1893 г. при переиздании «Отчета» в составе 70-го тома академических «Записок».¹⁴⁰

Работу над диссертацией Милюков продолжил лишь после того, как вслед за окончанием отзыва составил очередной обзор для «Атенеума»,

т.е. с конца мая. И хотя еще 5 марта он намеревался опубликовать VII главу в июле, считая что «она совсем готова и приготовить ее к печати потребует немного времени», он успел лишь к августовскому номеру. Следующую главу Милюков обещал представить к сентябрю, но так как редакции вновь (ввиду большого объема VII главы) потребовалась передышка, он вознамерился написать сразу две главы к октябрьскому номеру, с тем, чтобы меньше осталось доделывать осенью, в рабочее время. Причину своего желания побыстрее выпустить диссертацию и защититься он объяснял Платонову 9 августа: «...Время окончания для меня небезразлично, так как от него зависит и время получения оклада».¹⁴¹ Как видно, после переговоров с Ключевским в марте 1891 г. (см. выше) Милюков всерьез надеялся на оклад.

Восьмая глава появилась в октябрьском номере, девятую и часть десятой Милюков выслал в Петербург 5 октября с расчетом попасть в ноябрьский номер, а оставшиеся полторы главы дописать к декабрьскому. Но для ноябрьского номера такой срок присылки был, очевидно, слишком поздним, а в декабре редакция не имела свободного места. Публикация сдвинулась на январь (IX глава) и февраль (X и XI) 1892 г.

Книгу, сверстанную из журнальных оттисков, Милюков надеялся выпустить и представить на факультет до Рождества, т.к. текст был готов примерно к середине декабря. Но затем он вступил в переписку с ярославским историком, профессором Демидовского лицея Э.Н.Берендтсом, надеясь (как выяснилось, тщетно) по его указаниям отыскать нужные для уточнений опубликованные шведские источники. На этом Милюков потерял еще две недели. Тогда же Милюков переписывался с историком и публицистом К.И.Якубовым, приславшим ему ряд шведских книг и сборник шведских инструкций. Якубов говорил о невозможности найти в них источники петровских регламентов. К началу декабря 1891 г. относится и присылка Милюкову «Пропозиций Федора Салтыкова», изданных П.Н.Тихановым, членом Общества любителей древней письменности. В ответном письме Милюкова высказано сожаление, что издание такого ценного источника оставалось неизвестным ему в ходе работы над восьмой главой диссертации. В свое время Милюков ознакомился с пропозициями в оригинале, работая в Госархиве МИД.¹⁴²

К выходу книги Милюков приурочил свою поездку в Петербург 1 января 1892 г., где пробыл полторы недели. Книга вышла в свет 7 января тиражом 600 экземпляров под несколько измененным заголовком: «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого». 8 января Милюков лично отвез один экземпляр книги М.И.Семевскому. В составленный Милюковым список бесплатных экземпляров были включены следующие лица: С.Ф.Платонов, В.Г.Васильевский, Л.Н.Майков, К.Н.Бестужев-Рюмин, А.Ф.Бычков, В.Г.Дружинин, С.М.Середонин, Н.Д.Чечулин, Е.Н.Щепкина. По почте книга была послана М.М.Ковалевскому, К.И.Якубову, Г.И.Перетятковичу, А.И.Маркевичу, М.А.Дьяконову, А.А.Шахматову, А.П.Казанскому, В.З.Завитневичу, Э.Н.Берендтсу, Н.А.Фирсову, Н.П.Лихачеву, В.Б.Антоновичу.¹⁴³

В сравнении с первоначальными планами дата появления книги была крайне запоздалой. В свое время П.Г.Виноградов предупреждал Милюкова о необходимости защитить диссертацию как можно раньше. Летом 1890 г. Милюков во многих письмах писал своим коллегам, что надеется защититься весной 1891 г., «если можно раньше, — разумеется тем лучше». Осенью 1890 г. Милюков еще продолжал питать надежду, защититься весной, хотя его уверенность постепенно начинала слабеть. В начале 1891 г. Милюков надеялся уже только на издание книги до ноября, умалчивая о сроке защиты.¹⁴⁴

Издание книги означало, что первая часть задачи Милюкова выполнена. И в этом была большая заслуга С.Ф.Платонова, без которого Милюков, по его собственному признанию, «никак не мог бы проникнуть» в министерский журнал. Платонов вел все финансовые дела Милюкова, связанные с печатанием диссертации. Он не стал требовать сокращения чрезмерно увеличивавшегося текста. Платонов взял на себя труд рассылки и продажи «Государственного хозяйства» и «Спорных вопросов». Последние сведения о посылке Милюкову денег за «Государственное хозяйство...» датируются 25 августа 1899 г. Как свидетельствовал сам Милюков, полностью «Государственное хозяйство...» было распродано в 1902 году.¹⁴⁵

Диссертация отняла у Милюкова много сил, лишила его полноценного летнего отдыха в 1890 и 1891 гг. Постоянное напряжение отрицательно сказывалось на здоровье. В августе 1891 г. он жаловался Платонову на «некоторую нервозность», к которой привело его «временное проведение последних лет»: «Представьте, что за эти дни мне все кажется, что я непременно что-нибудь забыл или перепутал. Скандал: надо лечиться».¹⁴⁶

Второй частью задачи Милюкова была защита диссертации. Она требовала значительно меньше усилий, но оказалась более сложной. У историка возникло честолюбивое намерение сделаться доктором, минуя магистерскую степень. Трудно сказать, возникло оно самостоятельно или было внушено почитателями его исследовательского таланта и когда именно это произошло. 24 января 1891 г. С.Ф.Платонов писал Милюкову: «Сообщу Вам по секрету: А.И.Маркевич сообщал мне, что он не усумнился бы сделать попытку, принять Вашу работу докторской, если бы она была подана в Одессе». Милюков отвечал: «Очень мне было легко прочитать в Вашем письме, что... Маркевич готов сделать меня доктором. Жаль, что из последнего обстоятельства я не могу сделать никакого употребления».¹⁴⁷ «Употребления» из предложения Маркевича Милюков, видимо, «не мог сделать» потому, что это выглядело бы пренебрежительным жестом по отношению к Ключевскому и окончательно лишило бы Милюкова служебных перспектив в Московском университете. Милюков в то время безусловно, предпочел бы магистерство и доцентский оклад в Москве докторству и профессорскому окладу в провинции.

Несмотря на невозможность воспользоваться предложением Маркевича, оно, видимо, заронило в душу Милюкова зерна сомнения. Горьким

плодам этих сомнений предстояло произрасти на защите и после нее. Диссертация, очевидно, была представлена автором на факультет по возвращении из Петербурга. 19 января Милюков писал Платонову, что на факультете, «к сожалению, ... кажется, находят», что ввиду большого объема диссертации (46 печатных листов) защиту можно отложить «на более или менее продолжительное время». 22 января факультет официально рассмотрел прошение П.Н.Милюкова о принятии книги «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого» в качестве магистерской диссертации и постановил поручить ее рассмотрение В.О.Ключевскому.¹⁴⁸

5 февраля на заседании членов факультета прошло обсуждение кандидатуры второго оппонента. Так как милюковский труд имел ближайшее отношение к финансовому праву, и вследствие имевшихся прецедентов назначения одного из официальных оппонентов с другого факультета, собравшиеся решили просить декана снести с профессором И.И.Янжулом, занимавшим кафедру финансового права на юридическом факультете, с тем чтобы он был вторым оппонентом. Милюков сообщал Платонову: «Янжул сдается, но просит искать других оппонентов и соглашается только в случае крайности». Диссертант был заинтересован в оппонентстве благожелательно относившегося к нему Янжула как противовеса Ключевскому. 11 марта факультет заслушал письмо Янжула, в котором он соглашался быть вторым оппонентом при условии, что диспут будет назначен в период между 1 и 22 мая. Факультет учел пожелание Янжула.¹⁴⁹

Так как дата магистерского диспута была отложена на достаточно продолжительный срок, Милюков получил возможность для отдыха. В начале апреля 1892 г. он поехал с женой в Крым. Попутчиком оказался редактор «Русской мысли» В.А.Гольцев.¹⁵⁰ Пока Милюков отдыхал в Крыму, в Москве разворачивались драматические события.

События эти стерлись в памяти Милюкова. В его изложении все происходило так: «Незадолго перед тем факультет пропустил другую толстую диссертацию моего старшего товарища М.С.Карелина [т.е. Корелина — А.М., П.Т.] об эпохе Возрождения и, по предложению Герье и Виноградова, дал магистранту сразу докторскую степень. Виноградов сразу заключил из этого, что я заслуживаю такого же отличия. Герье и некоторые другие члены факультета к этому присоединились. Это мнение распространилось и стало общим. Запротестовал... Ключевский! Его пробовали уговорить. Он остался непреклонен. Когда ему говорили, что книга выдающаяся, он отвечал: пусть напишет другую; наука от этого только выиграет. Члены факультета понимали, что речь идет не о продвижении науки, а о продвижении в университетской карьере. С сокрушением и с негодованием все это мне рассказал и объяснил Виноградов».¹⁵¹

В действительности все произошло несколько иначе. Судьба милюковской диссертации была решена на неделю раньше корелинской. 22 апреля факультет заслушал отзыв Ключевского о книге Милюкова, признанной им достойной публичной защиты. Факультет постановил допустить Милюкова к защите диссертации, назначив диспут на 17 мая, а официальными

ми оппонентами - профессоры В.О.Ключевского и И.И.Янжула. Тезисы к диссертации Милюкова были одобрены к печати на следующем заседании, 29 апреля. На этом же заседании факультет рассмотрел отзыв В.И.Герье и Н.И.Стороженко о диссертации М.С.Корелина. Труд признавался достойным не только степени магистра всеобщей истории, но в виде исключения, предусмотренного университетским уставом (статья 27, § 2, пункт 5), даже докторской. Сразу же нашлись противники. Р.Ф.Брандт возразил, что, по его мнению, эту статью следовало бы применять как можно реже. Брандт не был убежден, что диссертация Корелина имеет такие необыкновенные достоинства, которыми можно было бы оправдать степень доктора. П.Г.Виноградов нашел несправедливым давать Корелину преимущество перед Милюковым, который, по мнению выступавшего, имел не меньше прав на степень доктора. Брандт, в свою очередь, согласился с этим. Затем прошло голосование, на котором за предложение Герье и Стороженко было подано 10 голосов, а против – 2.

На этом заседании выяснилось еще одно неприятное для Милюкова обстоятельство: И.И.Янжул по состоянию здоровья не сможет быть оппонентом. Вместо него назначили В.Е.Якушкина.¹⁵² Это не сулило Милюкову ничего хорошего. Можно было предвидеть, что основательно раскритикованный им два года назад Якушкин не станет чрезмерно хвалить его диссертацию.

Таким образом, борьба на факультете шла не за то, чтобы дать докторскую степень Милюкову по примеру Корелина, а за то, чтобы не дать ее Корелину (по примеру Милюкова). Возможно, впрочем, что в кулуарах вопрос о докторстве Милюкова обсуждался до 22 апреля и что позднее (особенно после 29 апреля) Виноградов мог вести агитацию за изменение факультетского решения в благоприятном для Милюкова направлении. И он, возможно, имел успех настолько, что его мнение «распространилось и стало общим». Но против был главный официальный оппонент – Ключевский, и это имело решающее значение. Так же, как в вопросе о назначении Милюкову доцентского оклада, факультет не намеревался принимать сторону молодого приват-доцента в его конфликте со знаменитым профессором.¹⁵³

10 мая успешно прошел диспут Корелина. Приехавший накануне Милюков 11 мая писал Платонову, что «починил несколько свои нервы» в Крыму, и комментировал: «Поездка пришлось как раз вовремя, так как в Москве расход на нервы предстоял, оказалось, порядочный. Вы, наверное, знаете про наши факультетские события, в результате которых докторство Карелина прошло как по маслу, а мое наткнулось на пассивное сопротивление Ключевского. Признаться, хоть мне и говорили со всех сторон о докторстве, я плохо в него верил, но такого обидного сопоставления все же не ожидал. Диспут, должно быть, будет жаркий, так как Ключевскому надо будет оправдать свой образ действий, о котором так говорят в Москве».¹⁵⁴

Строки эти дышат обидой. Хотя Милюков и «плохо верил» в докторство, однако же надеялся на него. И вопрос – быть или не быть докто-

ром, – затмил для него более скромную перспективу получения при содействии Ключевского доцентского оклада после магистерской защиты. Можно предположить, что если бы Милюков смирился со своим магистерским будущим и не перечил Ключевскому, последний помог бы ему, как обещал, получить оклад. Однако Милюков предпочел довести дело до «форменного разрыва». Такой выбор основывался более на эмоциях, чем на трезвом расчете, иначе он не предвкушал бы «жаркого» диспута.

В самом деле, ведь «победить» Ключевского на диспуте Милюков не мог, т. к. решающую роль в определении судьбы диссертанта играло мнение факультета, а не диспут. Однако в мемуарах Милюков заявляет: «..Публика собралась на диспут, как на борьбу чемпионов тяжелого веса. Мнения о том, кто победит, были различные».¹⁵⁵ Едва ли он был настолько наивным, чтобы верить в возможность своей «победы». Очевидно, под «победой» он имел в виду нечто другое: удастся ли Ключевскому на диспуте «оправдать свой образ действий», или его решение окажется в глазах публики несправедливым.

29 апреля Ключевский письменно уведомил Милюкова: «Предположительно возражения будут относиться к главам I, VII, IX, X, XII и XIV, если ход диспута не заставит коснуться и других глав».¹⁵⁶ В диссертации было всего 11 глав, Ключевский же имел в виду параграфы.

Диспут состоялся в воскресенье, 17 мая. Он начался в 13 часов с речи Милюкова, который кратко рассказал об истории происхождения диссертации и изложил ее выводы.

Ключевский высказался против утверждения диссертанта, что не существует ни одного верного изображения петровских реформ. По свидетельству Платонова, оппонент назвал книгу Милюкова «счетом, предъявленным к уплате русской науке, но не уплаченным».

Далее Ключевский выступил против милюковского толкования живущей четверти, указал на неразработанность в диссертации вопросов косвенного обложения. Общие результаты переписи 1710 г. и процент убыли населения, подсчитанный Милюковым, также вызвали возражения Ключевского. Милюков не показал связи государственного хозяйства с ходом реформ Петра I, настаивал Ключевский. Но в целом Ключевскому пришлось признать, что труд Милюкова практически не дает поводов для серьезной критики. «Ваша книга, – сказал он, – более нуждается в комментариях, чем в возражениях».

После Ключевского с краткой речью выступил второй оппонент, В.Е.Якушкин. Он сделал ряд мелких замечаний. Его наибольшие возражения вызвали подсчеты Милюковым движения населения по данным переписей 1678 и 1710 гг. Якушкин заявил, что лишь по результатам исследования финансовой стороны реформы нельзя давать общую оценку преобразованиям.

В заключении декан М.М.Троицкий зачитал отзыв Ключевского о сочинении Милюкова. Факультет нашел защиту удовлетворительной и признал Милюкова магистром русской истории. Диспут закончился в 17 часов 15 минут.¹⁵⁷

Судя по воспоминаниям Милюкова, даже в глазах публики ему не удалось добиться эффекта полной «победы». «Я не припомню, — пишет он о Ключевском, — чтобы хоть одно из его возражений было основательно, хотя часть публики, уверенная в авторитете профессора и подчинившаяся его менторскому тону, наверное, думала иначе. У меня росло только чувство оскорбления за эту профанацию, рассчитанную на внешнее впечатление». Впрочем, эту цитату можно рассматривать не как общую характеристику впечатления, произведенного диспутом на публику, а как косвенную полемику с одним из представителей той «части публики», которая «подчинилась» тону Ключевского и сочла его возражения «основательными» — с В.А.Маклаковым. Маклаков, успевший в конце 80-х — начале 90-х гг. поучиться на всех факультетах Московского университета, кроме медицинского, и весной 1892 г. обретавшийся на историко-филологическом, присутствовал на диспуте и в 1930 г., в эмиграции, находясь далеко не в лучших отношениях с Милюковым, коснулся этого эпизода в своих воспоминаниях. Он пишет, что «поспешная на выводы студенческая молодежь» усмотрела в нежелании Ключевского сделать Милюкова доктором «пристрастие и несправедливость. Она пришла на диспут, настроенная против Ключевского, и он это знал». Далее Маклаков излагает свое впечатление от возражений Ключевского, связанных с характеристикой финансовой политики московских властей XVII века: «...Впечатление на публику было произведено; ... и мы, студенты, поневоле перестали негодовать, что Ключевский не дал Милюкову сразу докторской степени. Все это происходило настолько давно, а эти вопросы были для меня так мало знакомы, что я не могу ручаться за полную точность моего понимания; передаю только впечатление слушателя».¹⁵⁸

Впечатление другого слушателя, И.А.Линниченко (в ту пору приват-доцента русской истории), от описанного Маклаковым эпизода несколько отличается: «...В.О. обладал особенным талантом изводить диспутанта, на диспуте П.Н.Милюкова он, напр[имер], час с четвертью говорил о живущей четверти...». Еще один очевидец, С.К.Богоявленский, описывает ход диспута так: «Речь Милюкова была встречена аплодисментами. Студентов собралось большое количество. Ключевский обычно блистал на диспутах, но на этот раз он чувствовал некоторую как бы пришибленность, ему было не по себе. А Милюков на каждое возражение давал свой ответ, подчас в очень резкой форме. Ключевский говорит: такого документа нет. Милюков отвечает: есть, я сам видел его. Вот в таком роде шел спор. И когда Ключевский кончил говорить, раздалось несколько свистков, а обычных аплодисментов не было». По мнению М.К.Любавского, из 13 диспутов, на которых Ключевский выступал в качестве оппонента, «особым интересом отличались диспуты Семевского, Милюкова, Фирсова, Рожкова и Готье, на которых Ключевский был в особом ударе».¹⁵⁹

И, наконец, ценным свидетельством являются дневник Н.Н.Платоновой, в котором она записала ход диспута со слов мужа. На С.Ф.Платонова диспут произвел тяжелое впечатление. Милюков держался прекрасно, и публика относилась к нему с большой симпатией. А вот оппоненты

не удовлетворили Платонова. Выступление В.Е.Якушкина было слабым, а В.О.Ключевский был равнодушен и холоден к Милюкову, как будто это был не его ученик, а посторонний человек. Платонову было жалко Милюкова и его жену, присутствовавшую на диспуте. После окончания диспута Платонов сказал Милюкову, что теперь точно не поедет в Москву с докторской диссертацией.¹⁶⁰

Совокупность перечисленных свидетельств позволяет заключить, что в глазах публики диспут завершился «вничью». Ключевскому удалось в какой-то мере «оправдать свой образ действий», а Милюков сохранил сочувствие аудитории. Но по большому счету Милюков оказался в проигрыше.

На обеде после защиты у Милюкова дома присутствовали П.Г.Виноградов, В.И.Герье, В.А.Гольцев, М.А.Дьяконов, Г.А.Мачтет, В.Ф.Миллер, В.А.Мякотин, С.Ф.Платонов, А.И.Чупров и др., но не было ни одного из оппонентов.¹⁶¹ «Пирушка» прошла весело. Правда, на ней было несколько неловких моментов, вызванных выступлениями С.Ф.Платонова. Но так как они касались общественно-политических вопросов, то будут подробнее рассмотрены в соответствующем месте.

Позиция, занятая Ключевским, оценивается в литературе по-разному. В.М.Далин, например, счел его выступление пристрастным и несправедливым. Н.Г.Думова, напротив, полагает, что Милюков напрасно обиделся: Ключевский не сделал его доктором, т. к., кроме неодобрения выбора темы, не разделял «западнических позиций своего ученика» и взгляд его «на реформу Петра и на саму его личность сильно отличался от позиции Милюкова. Василий Осипович видел в Петре сознательного и целеустремленного реформатора, считал его решимость и волю важнейшими факторами преобразований».¹⁶²

Относительно последней точки зрения едва ли есть необходимость доказывать, что Ключевский, как и Милюков, не считал Петра «сознательным и целеустремленным реформатором», а признавал его реформы стихийными, движимыми сиюминутными военными и финансовыми потребностями. Следовательно, мотивы поведения Ключевского следует искать не в расхождении его взглядов с милюковскими. Сам Ключевский, стоявший перед необходимостью «оправдать свой образ действий», разумеется, должен был указать изъяны диссертации, не позволяющие принять ее в качестве докторской. Но он в этом занятии далеко не преуспел. Кроме частных замечаний, главной мишенью он выбрал обстоятельство совершенно надуманное: будто бы Милюков не ответил «достаточно прямо и отчетливо» на вопрос о связи «государственного хозяйства России» с «ходом реформы Петра».¹⁶³ Таким образом, мотив непригодности диссертации отпадает.

Остается искать причину произошедшего в характере личных отношений Милюкова и Ключевского, на что прямо указывают А.Н.Савин, С.К.Богоявленский и Е.Ф.Шмурло. В таком случае эта история с защитой представляет собой трагическое недоразумение. Даже если прегрешения Милюкова (таинственное «амикошонство») были достаточно ве-

лики, чтобы вызвать негодование, объективно его диссертация заслуживала присуждения ее автору докторской степени. И «реакция» Ключевского действительно «отзывала старыми университетскими нравами».¹⁶⁴

Рассуждая о конфликте двух историков, нельзя не упомянуть свидетельство, рисуемое отношении Ключевского к Милокову в ином свете. В 1929 году В.Н.Сперанский в приветственной речи на юбилее Милокова рассказал следующий эпизод: «Я, старый московский студент, имел счастье лично довольно близко знать Ключевского и пользоваться некоторым его доверием. Однажды при мне Ключевский с кипучим негодованием, точно кидая из своих несравненных глаз колючие искры, говорил о недопустимости для учителя кружить голову ученику, о непростительной ошибке одного известного профессора, который любимому ученику перед магистерским экзаменом сказал: “Не волнуйтесь: ваша судьба предрешена”. Разве можно кружить так голову мальчишке, разве можно поощрять самовлюбленность? Я дерзнул спросить Ключевского: “Неужели вы и Милокову говорили так беспощадно жестоко?”. На это он мне отвечал неизгладимыми словами: “Ну, нет, за Милокова, и только за него одного, можно быть всегда уверенным и спокойным”».¹⁶⁵ То ли Сперанский спрашивал об этом уже в 900-е годы, когда отношения Ключевского и Милокова более-менее наладились, то ли Ключевский предпочел не посвящать его в тонкости этих отношений. Да и вообще сложно доверять юбилейным речам.

Еще не защитив магистерской диссертации, Милоков приступил к сбору материалов для докторской диссертации. Именно так надо трактовать прошение Петровской сельскохозяйственной академии в МАМЮ от 5 февраля 1892 г. с просьбой допустить его до занятий в архиве для изучения источников по истории землевладения и земледелия в России XVI и XVII веках. Характерно, что не университет просил допустить Милокова в архив, а академия. О том, что Милоков не просто подал прошение в архив, а начал заниматься в МАМЮ, свидетельствуют воспоминания А.А.Кроткова.

После диспута Платонов сказал Милокову, что попытается, не ручаясь за успех, поговорить о почетном докторстве для Милокова в Санкт-Петербургском университете, когда последний напечатает свой историографический курс. В письме от 7 июня 1892 г. Платонов повторил предложение Милокову попытаться достичь докторства в Петербурге. Он сообщил, что за его идею докторства высказались также профессора Санкт-Петербургского университета М.И.Горчаков и В.И.Ламанский. Платонов выступал за достижение степени по совокупности (рецензии, историографический курс и публикация древнейшей разрядной книги), правда, оговариваясь, что дело может провалиться. Милоков заинтересовался этим предложением, предпочитая хранить его в тайне (знали лишь П.Г.Виноградов и Н.Н.Шамонин), но считал свой историографический курс слишком крамольным для достижения докторства. Поэтому он предложил выдвинуть как докторскую диссертацию «Спорные вопросы...», немного задержав их публикацию, дабы «не ставить события в чересчур скандальное соседство».

Этот замысел остался нереализованным, по всей видимости, потому, что инициатива Платонова не была поддержана в университете: трудно

было бы ожидать, что отзыв на магистерскую диссертацию будет принят к защите в столице в качестве докторской. Но слухи о возможном докторстве стали распространяться, и Милокову пришлось приложить немало усилий, дабы пресечь их.

В 1896 году, когда Платонов, хлопотавший за подследственного Милокова перед властями, составлял отзыв о его научных трудах, о «Спорных вопросах...» он написал: «Научное значение этой работы Милокова таково, что она сама по себе могла бы доставить автору ученую степень магистра». Но не доктора.

Как признавался сам Милоков, зимой 1892/93 г. он все еще намеревался писать докторскую диссертацию. Вполне возможно, что прекращение работы над ней было связано необходимостью много трудиться для пополнения семейного бюджета, что влекло за собой недостаток свободного времени для ученых занятий. Так, в январе 1893 г. Милоков жаловался М.А.Дьяконову, что почти все время уходит на лекции в университете, на педагогических курсах, уроки, занятия в редакции «Русской мысли», тогда как на научные исследования ничего не остается. Много жалоб на недостаток времени и в письмах к Платонову.¹⁶⁶

Итак, Милоков очутился перед перспективой долгосрочного пребывания магистром. Подобная перспектива была для него довольно безрадостной, т. к. по уставу 1884 г. никто не мог стать профессором без докторской степени, штатная доцентура была отменена, а получить доцентский оклад в индивидуальном порядке нельзя было из-за сопротивления Ключевского. В данном случае сказалось несовершенство нового устава. По логике вещей, получение очередной ученой степени должно было давать право на получение очередного ученого звания. Иначе, для чего вообще существовала магистерская степень и для чего Милоков потратил четыре с половиной года напряженного (и небезрезультатного) труда. Никаких законных прав (кроме ненужного для него права на IX классный чин при поступлении на гражданскую службу) Милоков благодаря этой степени не приобрел и по-прежнему оставался в полной зависимости от капризов Ключевского и покорного его воле факультета.

Независимо от судьбы автора, книга Милокова после выхода в свет обрела свою собственную судьбу, которая оказалась более благополучной. Публикация диссертации в «Журнале министерства народного просвещения» сразу привлекла внимание историков. В.И.Семевский, ознакомившись с первыми тремя главами диссертации, написал в январе 1891 года Милокову, что рад за науку, которая обогатилась таким прекрасным исследованием, основанным на массе ранее неизвестных источников. Семевский также успокаивал Милокова, что не стоит обращать внимания на критику за чересчур «неудобочитаемое» изложение. Много новых и интересных фактов в диссертации Милокова нашел другой корифей исторической науки, К.Н.Бестужев-Рюмин, с нетерпением ожидавший продолжения печатания его труда.

Уже в 1891-1892 гг. появились первые работы, содержащие как оценку значения, так и критику отдельных положений милоковского труда.¹⁶⁷

После публикации отдельным изданием диссертация вызвала множество откликов, в большинстве благожелательных. Но Милюкову приходилось вступать и в полемику. Его внимание привлекли две рецензии. Первая, опубликованная в консервативном журнале «Русское обозрение», принадлежала перу московского приват-доцента кафедры всеобщей истории, византолога П.В.Безобразова (зятя покойного С.М.Соловьева). Критика Безобразова сводилась к двум моментам: во-первых, по его мнению, Милюков неправоммерно принизил и исказил значение Петра I в русской истории; во-вторых, он отвергал вывод Милюкова о разорении населения в результате петровской реформы. Недоброжелатели Милюкова распространяли слух, что истинный автор безобразовской рецензии — В.Г.Васильевский, но Милюков не верил этому, зная, что Васильевский расположен к нему.

Снисходить до полемики с неспециалистом Милюков первоначально не намеревался, но его возмутило повторение аргументов Безобразова в рецензии, опубликованной в либеральном петербургском журнале «Вестник Европы» под псевдонимом «Д». За этим псевдонимом скрывался А.Н.Пыпин, труды которого Милюкову доводилось рецензировать ранее в довольно благожелательном духе, но Милюков предполагал, что автор рецензии — профессор Казанского университета Д.А.Корсаков. Милюков решил отвечать сразу двум критикам — Безобразову и «Д» — и хотел сделать это на страницах «Вестника Европы». Но редактор М.М.Стасюлевич отказался печатать ответ, в результате чего Милюкову пришлось опубликовать его в «Русской мысли». Ответ этот, несмотря на заголовок, был адресован в большей степени Безобразову, т. к. по жесткости тона соответствовал скорее его рецензии, чем достаточно мягкой манере критики Пыпина. Милюкову вполне удалось уличить Безобразова в некомпетентности в том вопросе, о котором тот взялся судить.¹⁶⁸

Книгу Милюкова заметили за границей. Французский историк А.Рамбо прочел книгу с огромным интересом и в личном письме Милюкову выразил уверенность в том, что его работу оценят по достоинству как русские, так и иностранные ученые. Б.(Я).Д.Минцес благожелательно отзывался о книге Милюкова в рецензии, опубликованной в одном из немецких журналов. Особого интереса, по мнению рецензента, заслуживала глава, посвященная проектам преобразований эпохи Петра. Шведский историк Х.Ерне также высоко оценил милюковский труд.¹⁶⁹

Благодаря «Государственному хозяйству» Милюков стал считаться одним из крупнейших специалистов по петровской эпохе. В это время известный петербургский издатель серии «Жизнь замечательных людей» Ф.Ф.Павленков решил выпустить биографию Петра Великого. В.И.Семевский рекомендовал Павленкову Милюкова, добавив, что последний сейчас очень занят. Павленков был готов ждать, но хотел заручиться согласием Милюкова. Гонорар за печатный лист был довольно высоким (60–70 рублей) и для Милюкова выгодным.¹⁷⁰ Но, видимо, у Милюкова не было времени на подобную работу и он не написал популярную книгу о Петре I.

Помимо научного авторитета, книга Милюкова укрепила и его финансовое положение. Он получил за нее «полную» премию имени С.М.Соловьева, размер которой составил 1678 р. Еще в 1889 г. «комиссией, составленной из профессоров историко-филологического факультета», была «назначена следующая тема на соискание премии имени С.М.Соловьева: “Государственное хозяйство в России при Петре Великом в связи с его преобразовательной деятельностью”». Задача, разрешение которой имела в виду комиссия, состояла «в том, чтобы выяснить по изданным и преимущественно по неизданным архивным источникам влияние государственного хозяйства в России при Петре Великом на ход, порядок и цели преобразований». Отсюда можно заключить, что тема первого присуждения премии была запланирована явно «под Милюкова».

Следует обратить внимание, что В.О.Ключевский был до 28 марта 1889 года деканом факультета, а после — проректором. Если бы он в то время имел серьезный конфликт с Милюковым и желал бы чинить ему препятствия — полномочий и влияния у него хватило бы. Поскольку же факультет утвердил названную тему, видимо, отношения Ключевского и Милюкова были тогда вполне сносными. Правда, письмо Ключевского Милюкову от 22 апреля 1889 г. уже содержит указание на какой-то инцидент, случившийся в «прошедшую субботу» (15 апреля?). Но это не помешало Ключевскому в этом письме пригласить Милюкова к себе домой как раз для разговора о возможном представлении работы Милюкова на соловьевскую премию.¹⁷¹

Выше упоминалось, что Милюков, чтобы представить свою работу на соискание премии, торопился опубликовать ее к ноябрю 1891 г., но в результате завершил рукопись лишь в декабре, а опубликовал в январе 1892 года. Неясно, была ли принята работа в ноябре 1891 г. в частично опубликованном журнальном варианте, или срок представления был продлен, но к первому присуждению Милюков успел. Комиссию по присуждению возглавлял Ключевский. Кроме него, в комиссию входили В.М.Пржевальский — от Московской городской думы (внесшей крупную сумму в капитал премии) и С.А.Белокуров — от Общества истории и древностей российских. 19 октября 1892 г. Ключевский известил Милюкова: комиссия, «выслушав отзыв мой о Вашем труде, приговорила удостоить Вас полной премии имени С.М.Соловьева».¹⁷²

С выходом в свет диссертации и отзыва на книгу А.С.Лаппо-Данилевского Милюков приобрел репутацию специалиста по финансовой истории Московской Руси и начала империи. Видимо, этим была вызвана просьба к нему Совета Петровской сельскохозяйственной академии составить отзыв о магистерской диссертации И.Н.Миклашевского «К истории хозяйственного быта Московского государства», а затем принять на себя обязанность официального оппонента на диспуте Миклашевского 30 января 1894 года. Милюков выполнил обе просьбы. Надо полагать, инициатором приглашения Милюкова в качестве оппонента выступил брат профессора-лингвиста Ф.Ф.Фортунатова А.Ф.Фортунатов, бывший до 1893 г. профессором Петровской академии и автором второго отзыва

на диссертацию Миклашевского. С А.Ф.Фортуновым Милюков был лично знаком еще в период работы над собственной диссертацией. Милюков положительно оценил работу Миклашевского. Правда, после диспута отношения между Милюковым и Миклашевским испортились по неизвестным для нас причинам.¹⁷³

Несмотря на признание в научном мире, Милюков после своего диспута «тяжело переживал чувство... моральной обиды» и расценивал результат защиты как крах собственной карьеры.¹⁷⁴ О том, что такое восприятие было довольно субъективно, свидетельствует сопоставление темпов этой карьеры с показателями прочих учеников Ключевского, успевших защититься в годы его профессорства (см. таблица 12).

Как видно из таблицы, на путь от выпуска до защиты Милюков потратил 10 лет, столько же, сколько Якушкин и Рожков. Остальные четверо историков затратили на это более длительное время. Так что, карьеру Милюкова можно было бы даже считать быстрой. Кстати, любопытно, что все «медлительные» ученики Ключевского защитили впоследствии докторские диссертации, чего не удалось сделать никому из трех «быстрых».

г) Сотрудничество в научных обществах. Взаимоотношения с коллегами.

Отдельную страницу в научной деятельности Милюкова составляет его участие в ученых обществах. 19 октября 1887 г. по предложению секретаря Общества Е.В.Барсова Милюков был избран в действительные члены Общества истории и древностей российских (ОИДР). Вместе с ним в тот день в Общество были избраны И.П.Барсуков, С.А.Белокуров, А.А.Титов, В.А.Ульяницкий (Уляницкий). На двух следующих заседаниях в 1887 г. Милюков не присутствовал. Благодарственное письмо председателю Общества И.Е.Забелину он прислал 5 февраля 1888 г., а 11 февраля впервые был на заседании.

Первоначально Милюков принимал в жизни ОИДР активное участие. Он участвовал в обсуждении доклада В.А.Ульяницкого «О междукняжеских отношениях Московского государства в XIV и XV веках» (24.04.1893). Помимо этого, Милюков рецензировал поступающие в ОИДР рукописные материалы. На заседании 23 марта 1890 г. он доложил о присланной статье С.П.Кубеницкого «Вече на Руси». Статья произвела на Милюкова негативное впечатление, о чем он и сообщил членам общества. В результате ОИДР постановило вернуть работу автору.

По просьбе Милюкова ОИДР в 1891 г. выписало из петербургской Публичной библиотеки семь необходимых ему рукописей. В ноябре 1892 г. и в октябре 1893 г. он избирался в состав комиссии по присуждению премии имени Г.Ф.Карпова. В апреле 1893 г. Милюков был избран одним из пяти депутатов от Общества на IX археологический съезд в Вильно, но не попал туда, т. к. ездил за границу.¹⁷⁵

В период с 11 февраля 1888 г. по 24 апреля 1893 г. из 29 заседаний ОИДР Милюков пропустил лишь два. Причем 19 мая 1889 г. он не мог присут-

ствовать на заседании потому что находился в Петербурге в официальной командировке. 18 мая 1892 г., на следующий день после неудачной защиты Милюкова, на чрезвычайном заседании в присутствии своеобразного «актива» Общества — Ю.Д.Филимонова, Е.В.Барсова, В.О.Ключевского и С.А.Белокурова — решался единственный вопрос об избрании временного члена от Общества в комиссию по присуждению премии имени С.М.Соловьева. Очевидно, Милюков, книга которого была выдвинута на премию, и не мог участвовать на этом заседании.

Однако после 24 апреля 1893 г., до своего отъезда из Москвы в феврале 1895 г., Милюков из 16 заседаний ОИДР посетил лишь одно — 29 сентября 1893 г. Правда, не бывая на заседаниях ОИДР, Милюков принимал участия в собраниях комиссии по присуждению премии имени Г.Ф.Карпова 9 ноября 1893 г. и 13 апреля 1894 г.¹⁷⁶ За неимением точных сведений приходится строить догадки о причинах такой резкой перемены. Вероятно, началась его переориентация с научной деятельности на общественную в связи с созданием в 1893 г. Комиссии по организации домашнего чтения. Для такого объяснения можно найти почву в мемуарах самого Милюкова.¹⁷⁷ Но указанная причина выглядит недостаточной для столь резкого охлаждения Милюкова к Обществу. Едва ли он в 1893 г. всерьез мог задуматься о возможности полного ухода из науки.

Возможно, что определенную роль в самоотстранении Милюкова от ОИДР сыграл конфликт, разразившийся в Обществе в конце 1892 — начале 1893 г. Еще в середине октября 1892 г. Московское археологическое общество послало в ОИДР уведомление о намеченном на 1 ноября праздновании 50-летия ученой деятельности И.Е.Забелина. Эта бумага не была сообщена членам Общества, а Забелину была послана лишь поздравительная телеграмма. На самом праздновании не было ни одного должностного лица ОИДР. Это произошло, скорее всего, по инициативе временного заместителя председателя Ю.Д.Филимонова, имевшего натянутые отношения с Забелиным. 5 ноября член Общества Н.С.Тихонравов направил письмо Филимонову с просьбой созвать заседание, т.к. положение дел в ОИДР, по его мнению, было ненормальным. Филимонов это письмо скрыл. Тогда Тихонравов 21 декабря через А.С.Павлова передал записку Филимонову, в которой пригрозил последнему сообщить о его действиях в министерство народного просвещения, при попытке замолчать очередное письмо. Обращение к членам ОИДР, с требованием восстановить честь Общества, Тихонравов передал через Милюкова. В тот же день, 21 декабря, ряд членов ОИДР (в том числе, Милюков) написали заявление, в котором выражали сожаление по поводу случившегося инцидента, по их мнению, совершенно случайного. На состоявшемся 21 декабря заседании Общества было решено собраться для выяснения всех обстоятельств дела 7 января 1893 г. К этому заседанию Тихонравов составил доклад, который из-за его болезни был передан в ОИДР через Милюкова. Основные положения доклада сводились к признанию вины Филимонова за инцидент с празднованием юбилея Забелина и требованию немедленного избрания постоянного председателя Общества. На

заседании 7 января 1893 г. доклад Тихонравова был оглашен, а на следующем собрании ОИДР — 26 февраля — Филимонов сложил с себя звание временного заместителя председателя и на основании недавно утвержденного устава Общества был избран новый председатель — В.О.Ключевский. Как признавался сам Милюков, он в результате всех этих событий попал в «довольно неловкое положение».¹⁷⁸

Между тем, в рамках ОИДР Милюков планировал осуществить один из своих научных проектов. Еще летом 1892 г. он обнаружил среди рукописного собрания Александровского женского монастыря «Список служилых людей Московского государства по городам середины XVI века (в списке конца XVII в.)» и «Тысячную книгу в списке конца XVII в.» Первый документ известен в литературе как «Тетрадь дворовая». Списки «Тетради» и «Тысячной книги» из Александровского монастыря уже были описаны в печати в 1885 году архимандритом Леонидом (Л.А.Кавелиным), т.о. Милюков не был первооткрывателем. Но, скорее всего, Милюков не знал об этом описании памятников.

Тогда же, летом 1892 г. Милюков написал о своих находках С.Ф.Платонову, который высказал свою заинтересованность в публикации «Списка служилых людей...». К осени, по уверениям Милюкова, «Тетрадь» была подготовлена к печати.

Первоначально Милюков предложил опубликовать «Тетрадь дворовую» и «Тысячную книгу» ОИДР. Произошло это на заседании 24 апреля 1893 г. Помимо этого, Милюков предложил Обществу опубликовать в его переводе с шведского и датского статьи Н.Гойера и В.Л.П.Томсена по норманнскому вопросу. Эта полемика была вызвана появлением книги Томсена. Русские историки были знакомы с книгой по переводу Н.И.Аммона, напечатанному в 1891 г. в «Чтениях» ОИДР.¹⁷⁹

Предложенные Милюковым публикации не вышли в свет в издании Общества, несмотря на постановление собрания напечатать их. Как увидим ниже, Милюков параллельно зондировал почву о печатании «Тетради дворовой» в «Записках» Русского археологического общества.

Другую публикацию, предпринятую Милюковым в «Чтениях» ОИДР, ожидал больший успех, но и он пришел не сразу. Еще в статье 1887 г. Милюков разделил редакции разрядных книг по происхождению на три вида (официальные, частные и компилятивные). Исходя из выработанной схемы, Милюков выступил против издания сводного текста разрядов за первую половину XVI в. Он настаивал на первоочередности издания официального текста, за которым должна была последовать публикация независимых частных редакций. В качестве дополнения к официальному тексту необходимо было привлечь компилятивные редакции, «которые ни в каком случае не должны быть вводимы в самый официальный текст, если мы не хотим повторить ошибки компиляторов конца XVI и XVII века».

Видимо, в 1888 (1889 ?) г. он увлек своей мыслью секретаря Общества Е.В.Барсова и в 1889 г. под редакцией Милюкова начала печататься «Древнейшая разрядная книга официальной редакции». За год было напеча-

но 5 полулистов. В следующем году — 19 полулистов. Как писал Милюков в марте 1890 г. Платонову, он «спешил допечатывать» книгу, но не успел — отвлекла работа над текстом диссертации. В 1891-1892 гг. не было набрано ни одного полулиста. В 1893 г. работа возобновилась и был напечатан 1 полулист, в 1894 г. — еще 3. К 1895 г. в типографии находилось 9 ненабранных писарских листов разрядной, заканчивавшихся 7072 г.

Печатание затянулось до того времени, когда Милюков был выслан из Москвы. Лишь благодаря этому событию имя его вновь появилось в протоколах Общества. В заседании 18 марта 1895 г. было зачитано письмо П.Н.Милюкова к члену Общества В.А.Ульяницкому с просьбой, исходатайствовать у ОИДР разрешение переслать ему в Рязань две рукописи разрядных книг, принадлежащие Академии наук. В свое время они были выписаны Обществом для издания «Древнейшей разрядной книги официальной редакции» и находились на квартире Милюкова. Теперь высланный историк имел достаточно свободного времени, чтобы закончить издание.

Но Общество не сочло возможным послать рукописи и поручило Ульяницкому уведомить об этом Милюкова, а также узнать у историка, «какими средствами могло бы быть доведено до конца издание Разрядной книги». На следующем заседании, 24 апреля, Ульяницкий сообщил, что Милюков согласен на то, чтобы сверка набора разрядной книги с рукописными оригиналами была произведена кем-либо из членов Общества. В.А.Ульяницкий сам согласился взять на себя этот труд.

В апреле 1895 г. Милюкову были отправлены гранки, а в июне — копия одного листа разрядной книги «для подведения вариантов». Но в течение года Милюков ничего не прислал ни в типографию, ни в ОИДР. Такое положение не устраивало Общество, и в январе 1896 г. секретарь ОИДР С.А.Белокуров попросил Милюкова сообщить, когда тот сможет закончить правку гранок и выслать их. Белокуров прямо спрашивал Милюкова собирается ли он продолжать печатание разрядной. В противном случае Белокуров просил сообщить о своем отказе, дабы ОИДР могло предпринять необходимые меры к окончанию работ. Видимо, допечатывать оставалось немного, т. к. в апреле 1896 г. С.Ф.Платонов указывал в обзоре трудов Милюкова, что «Древнейшая разрядная книга» уже отпечатана, но еще не издана.

Вероятно, после своего январского письма Белокуров предложил помочь Милюкову с корректурой, но последний в ноябрьском письме 1896 года отказался, сославшись на сложность работ. В свою очередь, Милюков предостерегал ОИДР от высылки гранок чересчур маленькими партиями, ибо в таком случае он не мог поручиться «за скорое окончание печатания».

Работу над корректурой Милюков продолжил и в Болгарии, но ее темп был крайне невысок. В январе 1898 г., после получения Милюковым отпуска в училище, он оптимистически сообщил в ОИДР о своем намерении в скором времени закончить печатание разрядной. (Правда, работа на некоторое время остановилась из-за потери Милюковым нескольких

гранок). Ученый планировал не просто издать текст памятника, но составить предисловие, описание использованных рукописей и указатели. Последние Милоков начал составлять сам еще в России, но закончить не успел. Из письма Милокова С.А.Белокурову (1897 г.) видно, что ОИДР вначале было против составления любых указателей, но, в конце концов, на заседании 24 января 1898 г. было решено поручить работы по окончанию указателей С.К.Богоявленскому, которому за это полагалось 100 р.

Видимо, к декабрю 1899 г. текст разрядной книги был отпечатан. Тогда же Белокуров попросил вернувшегося в Россию Милокова срочно составить предисловие и выслать в ОИДР. В ответном письме Милоков составил написание предисловия в прямую зависимость от составления указателей. Возможно, он еще надеялся разобрать в предисловии памятник и указать его значение и место среди источников по истории России XV-XVI вв.

В письме от 17 декабря 1899 г. Белокуров сообщил, что Богоявленский еще не приступил к работе, т.к. не получил начала милюковского указателя, «которым он должен руководствоваться». Белокуров писал, что ОИДР хочет немедленно издать разрядную книгу, а указатель будет напечатан впоследствии. В ответном письме от 19 декабря 1899 г. на имя председателя Общества В.О.Ключевского Милоков сообщил, что в предисловии он собирался дать «некоторую обработку материала», чего нельзя сделать до того, как будет напечатан указатель. Милоков считал недопустимым издание разрядной книги без указателей, почему и отказывался писать предисловие. Он просил ускорить составление именного и географического указателей по упрощенной, по сравнению с его первоначальными замыслами, схеме.¹⁸⁰

В конце концов, предисловие было написано С.А.Белокуровым, который указал принципы издания памятника, а также рукописи, привлекавшиеся для этого. Описание одного из списков разрядной книги, находившегося в Публичной библиотеке в Петербурге, предоставил А.Е.Пресняков. С.К.Богоявленский составил вспомогательный указатель имен и географических названий. Сам Милоков дал лишь небольшое предисловие, в котором постарался объяснить причины задержки. Как писал Милоков, он собирался «присоединить к издаваемому тексту исследование самого содержания Древнейшей разрядной книги, а также ее отношения к летописным текстам московской эпохи». Милоков долго не решался выпустить памятник без такого исследования, тогда как в силу обстоятельств у него на это просто не было времени. Именно поэтому историк «задержал издание в свет давно уже напечатанного текста долее, чем позволяло научное значение самого текста».

Отдельное издание «Древнейшей разрядной книги официальной редакции», помеченное 1901 г., появилось в начале января 1902 г. тиражом 300 экземпляров. Помимо этого, памятник был издан в двух первых номерах «Чтений» ОИДР за 1902 г.

В основу публикации был положен Головинский список разрядной книги. Варианты к основному тексту давались Милоковым по шести

спискам разрядных официальной редакции (Евреинский, Колычевский, Академические I и II, Орловский и Библиотечный II) из архивов и библиотек Москвы и Санкт-Петербурга. Те из вариантов, что, по мнению Милокова, давали, бесспорно, лучшее чтение, вносились в текст курсивом. Остальные варианты давались в подстрочных примечаниях, где иногда приводились доводы Милокова в пользу того или иного чтения, а также данные летописей, разрядной книги, опубликованной Н.И.Новиковым в «Древней Российской Вивлиофике», и других источников для сравнения. В некоторых подстрочных примечаниях Милоков давал толкование значения слов по словарю В.И.Даля и полемицировал с Н.П.Лихачевым о разрядных книгах.

В дальнейшем исследование Милоковым разрядных книг получило признание специалистов. Публикация им «Древнейшей разрядной книги официальной редакции» имеет ряд таких достоинств, как введение в оборот наиболее ранних текстов, использование для издания семи списков, указание разночтений в примечаниях. Вместе с тем, исследователи отмечают относительную узость источниковой базы Милокова, ошибки в передаче текста и разночтений, хаотичный характер ссылочного аппарата и т.д.¹⁸¹ Справедливы упреки, что Милоков затянул публикацию памятника на 12 лет, и не смог подготовить добротное издание, сопроводив его необходимым исследованием.

В середине 1890-х гг. в Московском университете была предпринята попытка организовать новое историческое общество. Предыстория этого восходит к собиравшемуся на квартире П.Г.Виноградова кружку молодых историков. Милоков как наиболее заметная величина среди этой научной молодежи и как личный друг Виноградова играл в кружке видную роль. Работа кружка, среди членов которого были М.К.Любавский, А.А.Кизеветтер, М.М.Богословский, М.Н.Покровский, В.Н.Сторожев, П.И.Беляев, А.Н.Филиппов, Д.М.Петрушевский, С.Ф.Фортунагов, С.П.Моравский, М.С.Корелин, И.И.Иванов, Ф.А.Смирнов, Н.Н.Шамолин, А.И.Гучков, А.А.Мануйлов, С.Н.Трубецкой и др., заключалась в чтении рефератов «по выдающимся вопросам и явлениям исторической литературы». По воспоминаниям Кизеветтера, «здесь Милоков, с головой ушедший тогда в архивы, излагал свои открытия по истории петровских реформ...». По воспоминаниям Богословского, Милоков читал в кружке реферат «о только что вышедшей книге Лаппо-Данилевского». Как видно из перечня имен, в состав кружка входили не только историки. Помимо квартиры Виноградова, «более тесный кружок» собирался у Милокова, у которого бывали журфики по вторникам, а по воскресеньям - у С.Ф.Фортунагова.¹⁸²

В 1889 г. Виноградов поднял вопрос о создании исторического общества. В письме от 3 мая 1889 г. М.С.Корелин просил Н.И.Кареева, занятого хлопотами по организации Исторического общества при Петербургском университете, сообщить, в каком состоянии находится это дело: «У нас этим очень заинтересован Виноградов и просил меня достать у Вас подробные сведения: он думает последовать Вашему примеру, но боится,

что не разрешат. Я боюсь другого — ничего не выйдет, если и разрешат, п[отому] ч[то] у нас сил мало, а если и есть, то до крайности истощенные».

Пока «мысль о переходе в официальное общество не раз высказывалась среди членов кружка, обсуждались выгоды и невыгоды такого перехода», инициативу взял в свои руки В.И.Герье. 19 января 1892 г., принимая многочисленную группу своих бывших учеников (в том числе Милюкова), пришедших поздравить профессора с тридцатилетием ученой деятельности, Герье в ответной речи намекнул, что не прочь учредить и возглавить историческое общество. Официальные барьеры, которых опасался Виноградов, удалось преодолеть легко. 14 апреля 1893 г. группа преподавателей (в том числе Милюков) обратилась в историко-филологический факультет с просьбой исходатайствовать через Совет Московского университета разрешение министра, учредить Историческое общество при университете. А уже 27 сентября министр такое разрешение дал.¹⁸³

Далее сказались не истощение ученых сил, а их направленность друг против друга. Члены кружка хотели видеть во главе общества П.Г.Виноградова и были очень недовольны тем, что Герье «как бы предвосхитил обсуждавшуюся в кружке мысль». По уставу общества, его руководящим органом должен был быть комитет из 10 членов, кроме председателя. На первом учредительном заседании общества 9 марта 1893 г., в котором принимали участие те лица, чьи подписи стояли под обращением 14 апреля, Герье был почти единогласно избран председателем. Кроме него, избрали шестерых членов комитета: В.О.Ключевского (13 голосов), П.Г.Виноградова (12), М.С.Корелина (10), П.Н.Милюкова (9), В.М.Михайловского (7) и Р.Ю.Виппера (количество голосов неизвестно). Остальные 4 места по просьбе Герье зарезервировали для новых членов из гимназических учителей, которых еще только предстояло избрать в состав Общества. Уже после первого собрания Виноградов отметил неловкость и неумелость Герье в технических вопросах, что произвело несколько неблагоприятное впечатление на всех.¹⁸⁴

Затем комитет собрался 18 марта 1894 г. на квартире Герье для решения «кадровых вопросов». При этом Виноградов и Милюков, представляющие интересы кружка, рассчитывали, что комитет постановит принять на следующем заседании общества в состав последнего весь кружок целиком. «Вы знаете, — писал две недели спустя после описываемого заседания комитета, 2 апреля, Милюков С.Ф.Платонову, — как таинственно велись подготовительные действия к учреждению общества и как раздражен был наш исторический кружок этим ходом дела; знаете и то, что кружок решил войти in согрее [целиком — *А.М., П.Т.*], или не входить вовсе». Список членов кружка насчитывал 35 человек. Со своей стороны Герье хотел ввести в общество почти всех лиц (около 80), подписавших ему юбилейный адрес — «без различия их ученого ценза».

Герье предполагал, что если большое количество новых членов будет избрано на следующем заседании общества, то затем выборы членов ко-

митета на 4 вакантных места окажутся неуправляемыми. Между тем теперь, на заседании комитета, он настаивал, чтобы, кроме нескольких учителей, в состав комитета вошли непременно А.Н.Шварц и В.Е.Якушкин (неясно, почему в таком случае нельзя было избрать их в состав комитета еще на учредительном заседании — ведь они принадлежали к числу членов-учредителей). В связи с этим Герье предложил на следующем заседании общества избрать лишь часть из предлагаемых им, а также Виноградовым и Милюковым новых членов, а затем, после окончательного формирования комитета, избрать в общество всех остальных. Но Милюков и Виноградов, связанные обязательством перед кружком провести его «целиком и в первом же заседании» в состав Общества, не согласились с предложением Герье.

Герье оскорбился и «стал говорить, что ему с самого начала делают неприятности и т.д. Виппер хотел поправить дело и вызвал новый трагикомический инцидент. Ранее было условлено между Виноградовым и Герье (или Виноградов считал это условленным), что в секретари будет выбран Виппер; и В[иппер] так приготовился к этой мысли, что предложил — упростить дело, выбрав секретаря из присутствующих. Герье совершенно смутился и стал спрашивать: кто же пойдет? Ведь Вы (т.е. Виппер) не пойдете? Виппер отвечал, что он занят теперь диссертацией — но пойдет. Ну вот видите, заявил Г[ерье], Вы сами говорите, что Вам некогда... Да Вы и в Одессу уедете! Оказалось потом, что у Г[ерье] есть другой кандидат, товарищ Карелина, один из московских учителей».

Виноградов и Милюков вернулись к предложению «сперва ввести новых членов, а потом выбрать должностных лиц». «Мы с Виноградовым ручались, — пишет Милюков, — что наши члены выберут в секретари, кого угодно будет Герье». Но Герье продолжал возражать против массового избрания новых членов общества до завершения формирования комитета. В случае такого избрания, говорил он, выбор на вакантные места в комитет может оказаться «случайным и несолидным». Возражение Милюкова и Виноградова, что «в таком случае не следует выбирать случайных и несолидных» членов общества, Герье отнес на счет своих «подписантов» и оскорбился еще сильнее.

«После всего этого, — пишет Милюков, — обращаясь ко мне, говорившему все время резче других, — но, как признали присутствующие, в вполне приличных случаях выражениях, Герье вдруг раздраженным тоном заговорил: нет, это наивность, — это невероятная наивность! Я отвечал ему: к чему личные характеристики: пусть я наивен, оставим это и перейдем к делу. Герье тогда произнес: Вы забываете, с кем вы говорите и к кому обращаетесь. Тут уже я инстинктивно вскочил со стула, сказал, что, кажется, я действительно забыл, с кем имею дело, — и ушел из квартиры Герье, заявив, что выхожу из комитета и общества».

В письме М.С.Корелина к Н.И.Карееву от 21 марта 1894 г. апофеоз конфликта описан несколько иначе. Судя по этому письму, Герье возмутило предложенное Милюковым «соломоново решение», «когда Милюков сказал, что их список следует принять целиком, а из Герьевского взять

нескольких», то Герье «обратился к нему со словами: “Вы забываете, где Вы и с кем Вы говорите”. Милуков встал и тотчас ушел, не простившись, а из передней крикнул, что слагает с себя звание члена общества».

В краткой дневниковой записи Виноградова несколько по-другому звучит фраза Герье: «Вы забываете, с кем Вы говорите и что Вы говорите». Виноградов упоминает о пятиминутном молчании после ухода Милукова.

Надо сказать, что предложение Милукова вовсе не было таким «наивным» и дерзким, каким оно показалось Герье: ведь число членов кружка было значительно меньше числа подписавших адрес. Но, видимо, Герье не устраивало то, что и при избрании на паритетных началах число новых членов (35+35=70) оказалось бы слишком большим, чтобы иметь уверенность в исходе выборов комитета.

Как бы то ни было, отношения Милукова с Герье испортились после этого случая навсегда. Проигравшим же в этой схватке чувствовал себя Виноградов. Он, писал Корелин, «страшно струсил и продолжает трусить. Действительно, его положение преотвратительное. Если общество не состоится — скандал; если Герье уйдет — скандал; если Милуков взбунтует кружок и его члены не пожелают войти в общество — опять скандал».¹⁸⁵

Возможно, Корелин, недолюбливавший Виноградова, преувеличивал трудность положения, в котором оказался последний. В конце концов, почему именно Виноградов должен был нести персональную ответственность за скандал? Но, во всяком случае, Виноградов предпринял серьезные усилия, чтобы смягчить последствия конфликта. Он упорно настаивал на том, чтобы придать случившемуся чисто личный характер. У Виноградова состоялся разговор с Виппером о поступке Милукова, а 21 марта — объяснение с Герье. Как записал в дневнике Виноградов, Милуков производил впечатление человека, довольного произведенным скандалом.

Первоначально кружок, как и предсказывал Корелин, «взбунтовался» и «решил воевать». Кружковцы ждали, что Герье извинится. Когда же все сроки для извинения прошли, кружок собрался 27 (?) марта без Виноградова. Был составлен протест и решено, что члены кружка вступят только в том случае, если Милуков найдет возможным вступить в общество. Однако Виноградов стал протестовать против решения кружка и не довел его до сведения Герье. Как писал Милуков, Виноградов «просто взял свой список членов; так что из нашего кружка вступят в общество, может быть, три-четыре человека».

М.М.Богословский, принадлежавший к числу членов кружка, первоначально поддержавших Милукова и отказавшихся войти в Общество, пишет, что Виноградов «решительно объявил, что надо войти в общество, отказался наотрез продолжать далее работу кружка, о чем некоторые члены его просили. Некоторых отказывавшихся было войти в общество членов кружка он призывал к себе и довольно внушительно уговаривал их войти в общество, в чем и имел успех. Так исторический кружок прекратил свою деятельность». Среди кружковцев произошел раскол: часть продолжала игнорировать общество, другие согласились вступить. Судьба кружка вызвала сожаление и у самого его руководителя.¹⁸⁶

Виноградов в сентябре 1894 г. отметил в дневнике, что отношения с Милуковым стали достаточно натянутые. Было ли это результатом скандала в Историческом обществе, ответить трудно. Но в данном случае до «полного разрыва» дело не дошло.

Милуков, при всей его самоуверенности, не считал себя абсолютно неповинным в инциденте. «Иные винят меня в свойственной мне резкости», — признавал он и с сожалением резюмировал: «Как бы то ни было, — случившегося не вернешь назад — и вот Вам история нашей истории». В поддержку Милукова выступил В.А.Мякотин. Когда был опубликован список членов Общества, где имена Милукова, а также его нескольких сторонников отсутствовали, Мякотин едко прокомментировал это обстоятельство.

Сожаления о судьбе виноградовского кружка и произошедшем скандале усугублялись тем, что новое общество «оказалось безжизненным и заглохло». На том самом заседании, где разгорелся пожар конфликта, в конечном итоге возобладало первоначальное мнение Виноградова и Милукова. Как писал Корелин, «по удалении Милукова решили пустить на баллотировку в ближайшем заседании оба списка», т.е. провести массовое избрание новых членов Общества до заполнения вакансий в комитете. Но если тут, после скандала, Герье пошел на уступку, то вообще он был человек неуступчивый и в роли председателя Общества проявил себя не лучшим образом.¹⁸⁷

В связи с этим научная молодежь вынуждена была искать неофициальные формы общения. Еще до того как 23 января 1895 г. состоялось первое (не считая учредительного) заседание Исторического общества, в ноябре 1894 г. 11 четверокурсников историко-филологического факультета (в их числе Ю.В.Гюте, С.К.Богоявленский, А.Н.Савин) объединились в ученый кружок под руководством С.Н.Трубецкого, П.Н.Милукова и П.Г.Виноградова, ставшего председателем кружка.¹⁸⁸

Кроме исторических, Милуков участвовал в работе других ученых обществ, состоявших при университете. Из них упомянуто в его мемуарах Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ). Точная дата принятия Милукова в члены Общества нам неизвестна, как и то, через какое его структурное подразделение он впервые вошел в его состав. В 1890 г. в составе отдела естествознания было открыто географическое отделение под председательством Д.Н.Анучина. Милуков принадлежал к группе лиц, стоявших у истоков этого отделения и вошедших в его состав на самом первом заседании 22 сентября.

Известно также, что Милуков активно участвовал в работе этнографического отдела Общества. Избрание его в члены отдела могло произойти уже в начале 80-х гг., вскоре после того, как отдел возглавил В.Ф.Миллер, т.к. членами ОЛЕАЭ могли быть и студенты — участники научных кружков. По воспоминаниям Милукова, «Миллер был в связи с Московским археологическим обществом и с обществом антропологии: так, работа у него положила начало моим позднейшим занятиям в той и другой области». Собственно, у Миллера он занимался не антропологией, а этнографией.¹⁸⁹

С этнографическими штудиями Милюкова было связано несколько его печатных работ. В 1890–1892 гг. он регулярно публиковал в редактируемом Миллером органе этнографического отдела – «Этнографическом обозрении» – рецензии на очередные тома «Истории русской этнографии» А.Н.Пыпина. В 1894 г. Милюков, став председателем Комиссии по организации домашнего чтения, привлек этнографический отдел ОЛЕАЭ к занятиям комиссии «по выработке плана систематических занятий по этнографии, причем ввиду отсутствия в русской литературе хорошего руководства для изучения этнографии России», отдел решил начать его составление. Еще ранее Милюков рекламировал в печати «общественную организацию этнографических исследований». В 1900 г. в юбилейном сборнике в честь В.Ф.Миллера он поместил небольшую заметку, тема которой находилась «на стыке» исторической географии и фольклористики. В рецензиях на сборник заметка Милюкова оценивалась очень высоко.¹⁹⁰

Несомненно, и к работе антропологического отдела ОЛЕАЭ Милюков тоже был причастен. Сохранились следы его участия в работе Международного конгресса антропологии и доисторической археологии, проходившего в Москве 1–8 августа 1892 г. Выше упоминалось, что Милюков входил в состав комиссии по устройству конгресса и привлекался к работам по этнографическому и географическому профилям. Но и собственно антропологии он был не чужд. Об этом свидетельствует его отчет о конгрессе. Кроме того, в 1894 г. Милюкову довелось рецензировать антропологическое исследование Н.Ю.Зографа и брошюру А.А.Ивановского и А.Г.Рождественского, опровергавшую выводы Зографа. Опровержение это Зограф воспринял болезненно как доказательство собственной научной несостоятельности, и это крайне негативно отразилось на его последующей научной деятельности. Позднее специалистами было доказано, что, несмотря на арифметические погрешности в расчетах, по существу выводы Зографа были верны. Милюков в своей рецензии установить этого, разумеется, не смог и лишь выразил сожаление, что любопытные наблюдения Зографа не подтвердились.¹⁹¹

Милюков был связан с ОЛЕАЭ также и по линии управления. 14 декабря 1892 г. он был избран кандидатом в члены Совета Общества. Принимал Милюков участие и в разного рода торжествах Общества. Так, после годовичного заседания, 15 октября 1893 г. члены ОЛЕАЭ собрались в ресторане «Славянская беседа». В их числе был и П.Н.Милюков.¹⁹²

В состав еще одного университетского научного объединения – Общества любителей российской словесности (ОЛРС) Милюков попал сравнительно поздно. Вместе с П.Г.Виноградовым и М.И.Соколовым он был предложен в действительные члены этого Общества 15 декабря 1893 г., а само избрание произошло на следующем заседании – 15 января 1894 г. Правда, за 1894 – начало 1895 г. Милюков не посетил ни одного заседания ОЛРС. Зато существует несомненное свидетельство того, что публичные заседания этого Общества Милюков посещал еще в студенческие годы. Он упоминает, что был свидетелем «разноса», устроенного в

1879 г. «на студенческом годовичном акте» студентом П.П.Викторовым И.С.Тургеневу «за то, что он ушел от русской жизни за границу и перестал понимать Россию». На деле указанный инцидент произошел на заседании ОЛРС.

В отличие от сугубо научного характера деятельности ОИДР, научно-просветительского – ОЛЕАЭ, деятельность ОЛРС, и в прежние времена вызывавшая широкий общественный резонанс, с начала 1890-х годов, вследствие политического оживления в стране, все более политизировалась. Но сотрудничество Милюкова с ОЛРС не осталось для него бесследным и в научном отношении. Заинтересовавшись историей общественных настроений в России 30-х годов XIX в., он в конце 1895 г. в рязанской ссылке написал обширное предисловие к публикации писем В.Г.Белинского для сборника общества «Почин». Критика отметила статью Милюкова как одну из самых ценных в сборнике.¹⁹³

Милюков также был членом Психологического общества при Московском университете, куда его выбрали 30 октября 1893 г. Обществом руководили «метафизики» (Н.Я.Грот, Л.М.Лопатин и др.). В связи с этим членство в нем воинствующего позитивиста Милюкова было, по-видимому, номинальным.¹⁹⁴

Кроме университетских обществ, деятельность Милюкова как историка была связана еще с двумя московскими учеными корпорациями – Московским археологическим обществом (МАО) и исторической секцией Учебного отдела Общества распространения технических знаний (УО ОРТЗ).

Милюков был предложен в члены-корреспонденты вместе с А.С.Архангельским, С.С.Слуцким и Н.А.Янчуком на заседании МАО 22 декабря 1887 г., а избран 22 января 1888 г. «во внимание к заслугам на поприще русской археологии и истории». Избрание Милюкова действительным членом общества состоялось 6 марта 1890 г. «во внимание к... деятельности в обществе в качестве его члена-корреспондента и во уважение трудов... на поприще русской археологии, русской истории, исторической географии и этнографии и [во внимание] к постоянному участию ... в трудах и занятиях русских Археологических съездов». Археологией в современном понимании этого слова Милюков в то время не занимался, он принял участие в раскопках лишь позднее. Но тогда под археологией понималась наука о «древностях» в широком смысле, памятниках старины.

В самом начале своего пребывания в составе общества, 10 мая 1888 г., Милюков прочел два небольших доклада: «О загадочном знаке на монетах Киевского периода» и «Где был город Бездеж?». В обсуждении докладов приняли участие Д.И.Иловайский, В.Ф.Миллер и Н.М.Турбин. Второй доклад представлял собой историко-географический этюд. Сперва он появился в «Древностях», а чуть позже – в виде отдельного оттиска. Версия Милюкова о местонахождении Бездежа оказалась неверна и вскоре была опровергнута Д.Ф.Кобеко. В первом докладе автор углубился в область нумизматики. Он был напечатан в трудах французского общества нумизматов в 1889 г., откуда была сделана отдельная перепечатка.¹⁹⁵

На заседании МАО 15 апреля 1888 г. Д.Н.Анучин зачитал проект программы для составления археологической карты России, выработанный специальной комиссией. Милюков не только принял участие в обсуждении проекта, но и предложил свои услуги обществу. Он предполагал составить археологическую карту по Калужской и Тульской губерниям.

Милюков участвовал в обсуждении докладов Д.Н.Анучина «Древнерусское сказание о неведомых людях в Сибири» (25.11.1888), Ф.Е.Корша «О греческом лицевом сборнике XVI ст. из собрания гр. А.С.Уварова» (16.12.1888), М.А.Веневитинова «По поводу 500-летия первого путешествия по Дону: Хождение митрополита Пимена в 1389 г.» (21.03.1889), В.Ф.Миллера «Добрыня-Змееборец» (30.11.1890), В.И.Сизова «Отчет о раскопках в Смоленской и Московской губерниях в 1890 г.» (18.01.1891), С.С.Слуцкого «Барон Бай о готских древностях России» (22.01.1891), Д.И.Иловайского «Богатырь казак Илья Муромец, как историческое лицо» (16.02.1893).

Помимо этого, Милюков рецензировал поступавшие в МАО рукописные и печатные материалы. На заседании 2 марта 1893 г. он доложил о присланной статье П.Иванова «К вопросу о походе князей северских на половцев в 1185 г.», которую счел достаточно интересной, несмотря на ряд недочетов. На этом же заседании Милюков дал оценку брошюре В.Успенского «Литовские пограничные городки» (Тверь, 1892), присланной в МАО при посредничестве А.К.Жизневского вместе с проектом карты упомянутых городков. По докладу Милюкова члены общества постановили сообщить Жизневскому о важности сведений, приведенных в брошюре, и высказались в пользу издания карты. Статью же П.Иванова было решено напечатать в приложении к протоколам.

В 1892 г. в МАО был поставлен вопрос о раскопках вдоль Рязано-Уральской железной дороги. Найти археологов-специалистов на лето было трудно, и председательница общества графиня П.С.Уварова согласилась с предложением Милюкова воспользоваться его услугами. В июне ему был выдан открытый лист на раскопки, инструкции по их проведению, но, судя по всему, поездка не состоялась.

Из девяносто четырех заседаний МАО, состоявшихся в 1888 – начале 1895 г., Милюков посетил сорок одно, причем, начиная с 1892 г. посещения им собраний общества становятся более редкими.¹⁹⁶

В 1889 г. Московское археологическое общество отмечало свой 25-летний юбилей. Было решено издать юбилейный сборник с некрологами наиболее известных членов общества. Уварова обратилась к Милюкову с просьбой написать несколько заметок. Милюков согласился, но предложил сначала обратиться к более авторитетным членам общества – Н.А.Попову и В.О.Ключевскому. Милюков аргументировал это тем, что Попов давно работает над биографией С.М.Соловьева, а Н.Я.Аристов знал еще по работе в Казанском университете. Если бы Попов отказался от написания этих некрологов, то их можно было предложить Ключевскому, и лишь в случае его отказа Милюков брался за написание требуе-

мых справок. Н.А.Попов ответил Уваровой, что биографию С.М.Соловьева еще не составлял, а биографии Аристова не знает. В результате Милюков написал для юбилейного сборника некрологи пяти покойных членов общества – Н.Я.Аристова, О.М.Бодянского, Н.И.Костомарова, М.П.Погодина, С.М.Соловьева. Кроме научных трудов покойных и различного рода опубликованных биографических материалов, Милюков воспользовался устными рассказами о Погодине и Соловьеве лиц, близко знавших этих историков (в т.ч. Ф.И.Буслаева).

В январе 1892 г. Уварова предложила Милюкову прочесть речь в память Н.А.Попова. Милюков не отказался, лишь просил перенести заседание, т.к. в предложенные сроки ему было трудно приготовить приличный доклад, тем более, что тема была, как писал Милюков, «не из благодарных». В результате Милюков проигнорировал заседание, на котором собирались почтить память Попова. Вместо Милюкова речь о Попове прочел В.Н.Сторожев. Не исключено, что Милюков, не желая ссориться с Уваровой, предварительно договорился со Сторожевым о своей замене. Как писал Милюков, ему было бы «трудно найти подходящее содержание и тон, и только по необходимости» он «согласился занять пустое место».

В другой раз, в январе 1897 г., Уварова пригласила Милюкова прочесть речь в память скончавшегося академика К.Н.Бестужева-Рюмина. В то время он уже находился в ссылке в Рязани и ждал разрешения принять предложение болгарского правительства о переходе в Софийское Высшее училище. После его получения он собирался выехать в Москву для подготовки лекций. Из-за запоздавшего разрешения Милюкову не удалось выступить с речью на заседании МАО. Вместо него 21 января это сделал Д.Я.Самоковасов.¹⁹⁷

Милюков входил в состав двух комиссий, Славянской и Археографической, созданных при МАО. Он был одним из 12 членов общества, подписавших заявление об учреждении в составе МАО отдельной Славянской комиссии. Вопрос был решен положительно, и Милюков вошел в ее состав. На первом заседании комиссии 23 октября 1892 г. при обсуждении формы и порядка извещения об открытии действий комиссии Милюков предложил план предполагаемых действий. Он включал в себя избрание специальной комиссии для составления формы извещения, подготовки списка лиц и учреждений, с которыми предполагалось войти в сношения. План Милюкова был принят собранием, а самого его выбрали в состав специальной комиссии. Помимо этого, Милюков принимал участие в прениях по докладом на заседаниях комиссии. Самым заметным его выступлением стало дополнение к докладу И.А.Линниченко об одном из первых славяноведов К.Г.Антоне.

На первом, организационном заседании Археографической комиссии 22 декабря 1896 г. было решено известить о начале ее работы всех иногородних членов общества, «на содействие которых можно было бы рассчитывать и считать их членами комиссии». Такое извещение было послано и Милюкову. Но тому было явно не до участия в работе комиссии,

почему он и не откликнулся на ее призыв, лишь формально числясь ее членом.¹⁹⁸

Кроме того, Милуков принимал участие в работе всероссийских археологических съездов, проходивших под эгидой МАО. 9–24 января 1890 г. в Москве проходил VIII археологический съезд. За несколько дней до открытия Милуков присутствовал на заседании совета съезда, где был избран секретарем отделения «древностей историко-географических и этнографических». На самом съезде он принял активное участие в прениях по докладам И.Е.Забелина, Ф.Ф.Чекалина. Особенно заметными были его выступления против выдвинутой Д.Я.Самоковасовым этнографической классификации археологического материала (13 января), по вопросу о необходимости составления и напечатания географического индекса и датировок «новых дел», поступивших в МАЮ (17 января), по норманнской проблеме, где его главным оппонентом был Д.И.Иловайский (18 января).

Сам Милуков выступил с докладом «Время и место действия записки греческого топарха». Попытки хронологической и географической привязки «записки греческого топарха», относящейся якобы к истории славяно-византийских отношений X века, предпринимались до Милукова несколькими учеными, в том числе такими корифеями отечественного византиноведения, как В.Г.Васильевский и Ф.И.Успенский. Милуков предложил собственную версию, согласно которой записка была написана между 893 и 913 гг., и относилась к войне болгарского царя Самуила с Византией. Но как оказалось впоследствии, усилия исследователей были напрасными — записка была фальшивкой, «услужливо» сфабрикованной немецким эллинистом К.Б.Хазе в начале XIX в. в ответ на просьбу собирателя материалов по русской истории графа Н.П.Румянцева отыскать в архивах «что-нибудь этакое».

По результатам съезда Милуков написал большую статью, позже изданную отдельно. Как отмечал в рецензии на нее Н.Н.Харузин, среди множества отчетов о съезде работа Милукова производит наиболее благоприятное впечатление своей цельностью и тем, что отмечала наиболее крупные и важные факты, сопровождая их взвешенной оценкой. Помимо этого, Милуков поделился с Е.Ф.Шмурло информацией о некоторых заседаниях, на которых последний отсутствовал, для написания петербургцем отчета о съезде.

Следующий, IX археологический съезд проходил в августе 1893 г. в Вильно. Милуков был избран делегатом на этот съезд от ОИДР, но не участвовал в нем. По линии МАО Милуков также был связан с этим съездом. Еще 21 декабря 1890 г. он был избран в качестве одного из представителей МАО в состав Предварительного комитета по выработке программы и правил виленского съезда.¹⁹⁹ Об участии Милукова в X и XI археологических съездах речь пойдет позже.

В исторической секции (в некоторых документах — комиссии) УО ОРТЗ обсуждались вопросы методики преподавания истории в средней школе. Секция начала свое официальное существование 15 апреля 1890

года. В ее работах, помимо преподавателей средних учебных заведений приняли участие профессора университета П.Г.Виноградов, В.И.Герье, В.О.Ключевский. Работа секции шла активно, заседания собирались дважды в месяц. На них читались и обсуждались рефераты о постановке школьного исторического преподавания в России и странах Западной Европы, разрабатывались программы школьных курсов по русской и всеобщей истории. Милуков часто выступал в прениях. Особенно заметными были его выступления по программам преподавания истории О.П.Герасимова, С.В.Зенченко, М.К.Любавского, Е.Н.Щепкина.

Работа секции еще более оживилась после избрания 27 апреля 1892 г. председателем ее бюро Виноградова. Именно ему принадлежали инициатива и план создания книги для чтения по истории средних веков. Милуков принял самое деятельное участие в обсуждении статей для этой хрестоматии. Для первого выпуска Милуков написал три статьи — «Расселение славян», «Древнейший быт славян» и «Религия славян». Вторая из этих статей подробно обсуждалась на заседании секции 13 декабря 1893 г. Основные возражения участников обсуждения сводились к схеме родового быта, данной Милуковым, и фактам, ее подтверждающим.

Деятельность секции после 1893 г. прослеживается плохо. Видимо, ее заседания были полностью посвящены подготовке книги для чтения. Судя по дневнику Виноградова, Милуковым было написано предисловие к книге, которое обсуждалось на заседании секции 7 ноября 1894 г. Из краткой дневниковой записи П.Г.Виноградова видно, что Милуков в предисловии постарался разграничить конкретность и абстрактность в применении к социальной и культурной истории, а также степень доступности той и другой для читателя. В конце концов, предисловие было написано самим Виноградовым, отказавшимся от построенной Милукова. Виноградов выступил и как редактор, выправив в 1895 г. рукопись и представив ее в таком виде на конкурс министерства народного просвещения. По решению конкурсной комиссии редактор был удостоен большой премии имени Петра Великого.

Выход в свет «Книги для чтения» не прошел незамеченным. В ряде рецензий отмечалось большое научное и педагогическое значение статей Милукова. Даже в министерском отзыве статьи Милукова были отмечены как сочетающие в себе строгую научность и обдуманность подачи материала. В последующие годы «Книга для чтения» неоднократно переиздавалась в России, а в 1897 г. была переведена на болгарский язык.²⁰⁰

Милуков был также членом двух петербургских научных обществ — Исторического общества при Санкт-Петербургском университете и Русского археологического общества. Историческое общество возникло в конце 1889 г., 26 ноября состоялось его первое заседание. Чуть ранее, 21 ноября, Е.Ф.Шмурло спрашивал Милукова в письме: «Можно ли Вас предложить в члены Исторического общества, что, по мысли Кареева, учредилось при нашем Ун[иверси]те?» В действительные члены общества Милуков был предложен на втором его заседании, 6 декабря, а избран — на третьем, 26 декабря 1889 г.

В составе общества была сформирована библиографическая комиссия, в планы которой входило «составление пространной библиографии по отдельным вопросам исторических знаний». С.Ф.Платонов составил по историко-хронологическому принципу примерный план-рубрикатор проектируемого указателя, который был разослан обществом отдельным историкам, в т.ч. и Милюкову для обсуждения. На заседании комиссии 18 апреля 1890 г. было произведено распределение отделов по русской истории между отдельными лицами. Милюкову достались отделы «Историческая география и этнография» и «История колонизации и областей». Н.И.Кареев написал Милюкову: «библиографической комиссии желательно было бы знать Ваше мнение о том, как лучше было бы разместить указания по истории колонизации и областей». Кареев выражал надежду, что, кроме этих разделов, Милюков примет участие в составлении указателей по истории XVIII и XIX вв. Милюков не только выразил готовность поучаствовать в предприятии (областная история, история XVIII и XIX вв.), но в письме от 27 апреля предложил свой план комплексного библиографического указателя, где наряду с делением по отраслевому признаку (политическая, внутренняя, областная история) присутствовало деление по проблемно-тематическому. Обосновывая свой план, Милюков писал, что он лучше соответствует наличной исторической литературе. Так, для хорошо разработанной политической истории требовалось более дробное деление, чем для внутренней. Внутреннюю историю надо поделить на два отдела — а) право и хозяйство, б) культура и церковь, — дабы удобнее распределить работу между специалистами. Выделение областной истории объяснялось тем, что она очень сильно переплетена с политической и внутренней и захватывала весь исторический процесс. Помещение данного отдела в конце давало возможность ввести в него то, что осталось бы не затронутым в предыдущих отделах.

Обсуждение плана Милюкова прошло на заседании 3 октября 1890 г., где были высказаны некоторые частные замечания. В результате милюковский рубрикатор с небольшими изменениями лег в основу второго, окончательного проекта указателя. Второй вариант был отгектографирован и повторно разослан историкам, согласившимся принять участие в работе комиссии. Но сложность координации такой масштабной работы и занятость ученых привела к тому, что указатель было решено в декабре 1891 г. разделить на две части (всеобщая и российская история), причем первоочередной задачей было провозглашено составление указателя по всеобщей истории. Но библиографические указатели ни по всеобщей, ни по русской истории так и не были никогда закончены.²⁰¹

Избрание Милюкова в состав Русского археологического общества (РАО), возможно, было связано с тем, что он нашел и начал готовить к печати «Тетрадь дворовую». Членом-сотрудником РАО Милюков был выбран 30 декабря 1892 г. Выше упоминалось о заинтересованности председателя отделения славянской и русской археологии РАО С.Ф.Платонова в публикации «Тетради дворовой». Видимо, во второй половине 1893

года между историками была достигнута некая договоренность относительно издания этого источника в Санкт-Петербурге.

В ходе работ Милюков к уже имевшемуся списку «Тетради» из Александровского монастыря добавил список из собрания графа А.С.Уварова. Милюков предполагал завершить работу над подготовкой памятника к изданию к весне 1894 г. Той же весной он планировал приехать в Петербург. Если заседание отделения совпало бы с его пребыванием, он намеревался сделать доклад. Зная о приезде Милюкова, Платонов, видимо, назначил очередное заседание к прибытию москвича.

Это заседание состоялось 26 апреля 1894 г. Милюков сделал сообщение «К вопросу о составе служилого класса в Московском государстве XVI в.», основанное на «Тетради дворовой». От доклада ожидали много интересного, поэтому Платонов специально пригласил на заседание А.Е.Преснякова.

Вероятно, в свой весенний приезд в Санкт-Петербург Милюков привез рукопись «Тетради дворовой». В том же 1894 году «Тетрадь дворовая» начала набираться для издания в «Записках» общества.²⁰²

Выше многократно шла речь о взаимоотношениях Милюкова с московскими учеными старшего поколения, многие из которых были его учителями. Рассмотрим теперь отношения с петербургскими историками старшего поколения — К.Н.Бестужевым-Рюминым, В.Г.Васильевским и В.И. Семевским.

Как вспоминал Милюков, свое желание познакомиться К.Н.Бестужев-Рюмин передал ему через общих знакомых. Первая их встреча произошла в Петербурге в 1888 г. В следующем году Милюков опять встретился с академиком в Петербурге. Летом 1890 г. они виделись в Москве. Встречи сопровождались спорами о русской историографии, в которых Бестужев-Рюмин защищал Н.М.Карамзина от нападок Милюкова, но признавал справедливость его замечаний о заимствованиях С.М.Соловьева у М.П.Погодина. Как писал Милюков Платонову, «у меня слабость к этому старику». Выше упоминалось об отказе Милюкова написать биографическую заметку о Бестужеве-Рюмине для словаря Венгерова. «Я был бы в отчаянии, — сообщал Милюков составителю, — если бы мои печатные страницы причинили старику несколько неприятных минут». По мнению Милюкова, Бестужев-Рюмин сохранил восприимчивость и отзывчивость, что уже утратил Ключевский. В одном из писем Милюков писал академику, что общение с ним заставляет «забыть о том, что существуют какие-то школы и направления — кроме одной школы, обнимающей серьезных работников всех школ и направлений». От Бестужева-Рюмина Милюков впервые услышал, что его ученая работа имеет некоторое объективное значение. Подкупило Милюкова и то внимание, с которым Бестужев-Рюмин отнесся к его литографированному курсу по русской историографии, «до каких деталей усвоил его содержание». По свидетельству Е.Ф.Шмурло, Бестужев-Рюмин, прочитав в 1888 г. милюковский литографированный курс, загорелся идеей дополнить свои лекции по историографии и издать их. Но, как писал Шмурло, «это была

одна только минутная вспышка, окончившаяся почти одновременно с тем, как прочитана была последняя страница милюковских лекций: внешнего повода оспаривать положения Милюкова и возвращаться к своим, ранее высказанным, не было, — и вопрос заглох сам собою». Милюков оказывал некоторые мелкие услуги Бестужеву-Рюмину, связанные, в частности, с присылкой «Чтений» ОИДР.²⁰³

С академиком В.Г.Васильевским Милюков познакомился в один из своих приездов в Санкт-Петербург. Васильевский с самого начала отнесся к Милюкову с большой симпатией. Молодой историк со своей стороны очень дорожил мнением Васильевского. Выше уже упоминалось, что доброжелательное отношение Васильевского дало возможность Милюкову опубликовать диссертацию в «Журнале министерства народного просвещения», и что именно Васильевский предложил кандидатуру Милюкова в качестве рецензента труда А.С.Лаппо-Данилевского. Но при этом Васильевский стоял на защите интересов корпорации петербургских историков. Сохранились свидетельства о том, что в 1892 г. Васильевский не одобрил рецензии Милюкова на книгу С.М.Середонина.²⁰⁴

Вне круга университетских историков в Петербурге существовал другой кружок, во главе которого стоял В.И.Семевский. «Тот, кто общался с первым, тем самым исключался из другого», вспоминал Милюков. Но ему как москвичу удавалось общаться и с первым, и со вторым кружком. Впервые с В.И.Семевским он встретился еще в начале 1880-х гг. в Москве на квартире у В.О.Ключевского. Ближе они познакомились, когда Семевский приезжал в Москву для защиты диссертации в 1889 г. Оценивая работы Семевского, Милюков всегда употреблял эпитеты «монументальные», «классические», «исчерпывающие» и т.д. В Петербурге Милюков через В.И.Семевского познакомился с его братом Михаилом, редактором журнала «Русская старина». Кстати, именно В.И.Семевский дал милюковский адрес К.Н.Бестужеву-Рюмину, пожелавшему в 1888 г. написать молодому историку. Милюков и Семевский постоянно обменивались трудами, делали друг другу небольшие одолжения.²⁰⁵

Теперь обратимся к взаимоотношениям Милюкова с историками его поколения, молодыми учеными, только вступавшими на научный путь, и иностранными специалистами.

Насколько неблагоприятно складывалась обстановка вокруг Милюкова на его родном факультете, можно судить по его конфликтам с В.О.Ключевским и В.И.Герье. Но, кроме конфликтов с профессорами, существовала еще конкуренция среди приват-доцентов. Один из них, И.А.Линниченко, после получения в 1894 г. докторской степени, ходатайствовал о назначении его экстраординарным профессором по кафедре русской истории Московского университета. Успеха ходатайство не имело, и ему пришлось занять профессорскую должность в Одессе. Другим конкурентом Милюкова оказался В.Е.Якушкин. В одном из писем С.Ф.Платонов спрашивал Милюкова: «Здесь говорят, что Якушкин очень спешил магистриваться раньше Вас. Чего ради?» Отношения между ними еще более осложнились после разгромной речи и рецензии Милю-

кова на диссертацию Якушкина. Последний тоже не остался в долгу на диспуте Милюкова, будучи вторым оппонентом.

Всех опередил скромный М.К.Любавский, который стал приват-доцентом лишь в 1894 г. Но уже в 1901 г., защитив докторскую диссертацию как раз к тому времени, когда истекал 30-летний срок службы Ключевского, он занял профессорскую кафедру. В 1892 г. Милюков писал в письме Платонову о Любавском как о милом человеке. Позже, в «Воспоминаниях» мысль о торжестве Любавского явно не давала покоя Милюкову.²⁰⁶

Даже при отсутствии конкуренции существовала ревность к чужим успехам. Выше упоминалось, как болезненно переживал Милюков свою неудачу на диспуте на фоне успеха М.С.Корелина. Для Корелина также было неприятно, что вопрос о его докторстве был поставлен в прямую связь с присуждением той же степени Милюкову. Предлагая Платонову в качестве своей будущей докторской диссертации «Спорные вопросы», Милюков замечал, что эта книга «будет в научном отношении в состоянии выдержать сравнение с какими угодно “бумажными мельницами”». Это — явный намек на М.С.Корелина, сына мельника. Сам Корелин, в начале существования виноградовско-милюковского научного кружка входивший в него, позднее, в январе 1894 г., жаловался Н.И.Карееву на происки «Виноградовско-Милюковской клики, которая и Вас из-за угла травит». Недовольство Корелина вызвала критическая рецензия ученика Виноградова М.О.Гершензона на книгу Кареева. Появившиеся в начале 1894 г. в Москве слухи о неблагоприятном поведении Корелина последний приписал В.Н.Сторожеву, подозревая за его спиной интриги Милюкова. Этим же интригам приписывал Корелин и охлаждение к нему Н.И.Стороженко. В октябре 1896 г., когда Милюков уже полтора года не преподавал в университете, Корелин записал в дневнике, что «на Ключевского идет травля по всей линии Милюковцев».

Кроме личных, между ними существовали и научные разногласия. Корелин, как «историк идей», неодобрительно относился к экономическому направлению в историческом изучении, которое, по его мнению, «наплодили у нас с одной стороны Чупров и земские статистики, с другой Виноградов, Милюков и отчасти Ключевский».²⁰⁷

Лучше складывались отношения Милюкова с петербургскими и дерптскими коллегами, в частности с кружком историков, лидером которого был С.Ф.Платонов. Последний был женат на Надежде Шамониной, сестре гимназического и университетского друга Милюкова. Свадьба состоялась в 1885 г. Возможно, там Милюков впервые встретился с Платоновым. Первое сохранившееся письмо их 15-летней переписки датируется 7 июля 1886 года. В нем Милюков называет себя «почти знакомым» Платонову.

С другими членами кружка Милюков познакомился в свои два приезда, в 1888 и 1889 г., в Петербург. Во время первого Милюков был в столице с женой. Супруги поселились на даче Цеберик на Стрельне. В 1889 г. Милюков приехал в Петербург один, и в первый же день посетил Е.Ф.Шмурло, с которым был знаком с 1888 г. по переписке. Несколько дней Милюков про-

жил в меблированных комнатах «Пале-Рояль», после чего очарованный москвичом Шмурло в начале июня предложил Милюкову переехать к нему на квартиру. Они вместе прожили на квартире Шмурло до 4 июля. (В 1890 г., в дни VIII археологического съезда Шмурло будет гостить в Москве у Милюкова, который введет петербуржца в круг московской профессуры. Летом 1893 г. Милюков предоставит в полное распоряжение М.А.Дьяконову, приехавшему для работы в московские архивы, свою квартиру).

Наиболее активно с Милюковым общались В.Г.Дружинин и Е.Ф.Шмурло. На молодых петербургских историков Милюков произвел самое благоприятное впечатление. Но это не мешало им вести научные дискуссии по наиболее спорным вопросам (Н.М.Карамзин, Петр I). Судя по неясному намеку в одном из писем Платонова, у Милюкова и Шмурло в начале 1890 г. произошла какая-то размолвка. Познакомился Милюков и с археологом А.А.Спицыным, близким к Платонову. Спицын оценивал Милюкова как историка выше, чем Ключевского.

Платонов тоже рассматривал дружбу с Милюковым как приятную, считая, что последний «сумел поставить себя на товарищескую ногу» с петербургскими историками. О многочисленных услугах Платонова Милюкову речь шла выше. Между ними установились довольно близкие отношения, когда они помогали друг другу в житейских делах. Так, Милюков в 1890 г. помогал вернуть Сергея Шамонина, сына Н.Н.Шамонина в Московский университет, откуда тот был уволен за участие в студенческих беспорядках. С другой стороны, Милюков протезировал своей ученице по женской гимназии М.И.Токмаковой (1869-1954), дочери купца первой гильдии, желавшей поступить на женские педагогические курсы в Петербурге, и просил Платонова помочь. Потом подобная история повторилась и с ее младшей сестрой — Еленой.

Но постепенно у Платонова и его жены стало меняться отношение к Милюкову. Сначала в дневнике Н.Н.Платоновой появилась запись о беседе с библиотекарем Румянцевского музея С.О.Долговым, который рассказал, что Милюков раньше был симпатичный и милый человек, а теперь (1891 г.) знает себе цену и «держит себя с тоном». Н.Н.Платонова продолжала отзываться о Милюкове как интересном и умном человеке, добавляя «пальца ему в рот не клади». В дневниковых записях Н.Н.Платоновой за апрель 1892 г. впервые звучит мысль о том, что Милюков неискренний человек. В этом ее начинает поддерживать муж. В дневнике Н.Н.Платоновой за 3 июня 1892 г. приводится случай, когда С.Ф.Платонов уличил Милюкова в противоречии самому себе. В.Г.Васильевский поинтересовался у Милюкова отношением московских ученых к присуждению Н.М.Бубнову докторской степени, минуя магистерскую. Милюков ответил, что в целом москвичи не сочувственно отнеслись к докторству Бубнова, тогда как Милюков лично сочувствовал петербуржцу. А в разговоре с Платоновым Милюков заявил совершенно противоположное, высказавшись против присвоения докторской степени Бубнову.

Защита диссертации Милюковым отразилась на его отношениях с петербургскими коллегами весьма остро. Платонов написал М.А.Дьяко-

нову, что Милюков по-прежнему любопытен, мил и притом себе на уме. После чего с некоторым оттенком раздражения добавил, что нет ни одного ученого лагеря в Петербурге, где бы он не «устроил дневки». Дружинин считал, что с выходом диссертации Милюков стал более общительным, чем прежде, у него сгладилась та излишняя самоуверенность, которая несколько портила производимое им впечатление, он стал гораздо проще, хотя и «не прочь показать свой научный товар лицом».²⁰⁸

Несколько в стороне от платоновского кружка стоял А.С.Лаппо-Данилевский. Его знакомство с Милюковым состоялось, видимо, в 1889 г. Вскоре между ними завязалась переписка, основной темой которой стала диссертация Лаппо-Данилевского. Последний просил Милюкова сообщить свое откровенное мнение о книге. Милюков отнесся к труду Лаппо-Данилевского очень хорошо, но многие его положения вызвали серьезные возражения со стороны московского историка. Получив поручение отрецензировать работу Лаппо-Данилевского, Милюков сообщил ему примерный ход рассуждений и возможные возражения. Милюков регулярно посылал своему столичному корреспонденту отдельные главы своей диссертации, прося сообщать возможные замечания и мысли. Через Милюкова книга Лаппо-Данилевского попала к М.М.Ковалевскому за границу. Последний намеревался написать на нее рецензию в один из французских журналов. Весной 1891 г. Милюков в Москве виделся с Лаппо-Данилевским, который отозвался о московском коллеге как о приятном и добродушном человеке, хотя может и не для всякого.

С другой стороны, сохранились и неodobрительные отзывы Лаппо-Данилевского о Милюкове. Так, 2 января 1893 г. на именинах у В.Г.Дружинина Лаппо-Данилевский назвал Милюкова глупым и дураком за речь на диспуте, ответ на рецензию П.В.Безобразова, и за академическую рецензию на свою книгу.²⁰⁹

С членом кружка Семевского, его единственным учеником по русской истории В.А.Мякотиным, Милюков познакомился в начале 1890-х гг., когда Мякотин приехал для занятий в московские архивы. Мякотин поселился на квартире Милюкова. Поездки Милюкова в Петербург (1892 и 1894) позволяли историкам встречаться в кругу лиц, близких В.И.Семевскому.²¹⁰ Но более тесные отношения между ними сложатся на рубеже XIX-XX вв.

Остается добавить несколько штрихов, характеризующих отношение Милюкова к своим младшим коллегам. На вопрос Платонова Милюков хорошо отрекомендовал одного из участников исторического кружка Виноградова А.А.Кизеветтера, добавив, что знает его мало, хотя последний бывает у него достаточно часто. Более близко Милюков и Кизеветтер сошлись во время работы в Комиссии по организации домашнего чтения. Другого своего слушателя, В.Н.Сторожева, Милюков оценивал как порядочного человека, который пока нуждается в руководстве. Сомнения Милюкова в возможностях Сторожева стать университетским ученым при его склонности к публицистике практически оправдались. Милюков предварительно просматривал статью Сторожева о четвертиках,

в которой последний полемизировал по одному из вопросов, затронутых в «Государственном хозяйстве...», выступил в роли советчика в полемике Сторожева с Иловайским. Хорошее отношение Милукова к Сторожеву проявилось и в том, что именно последнему было доверено составление сборника статей по русской истории для серии «Библиотека для самообразования». Благодаря Милукову состоялось приглашение Сторожева к редактированию «Писцовых книг Рязанского края», о чем подробнее мы расскажем позже. Милуков встал на сторону Сторожева в конфликте последнего с директором МАМЮ Д.Я.Самоквасовым. Когда последний уволил Сторожева из архива в начале 1897 г., Милуков написал Самоквасову, чтобы тот не смел с ним здороваться при встрече.

М.А.Дьяконов оценил московские иерархические отношения как монархические. Всякий кружок кому-нибудь поклоняется. Милуков поклоняется Виноградову, Сторожев — Милукову.²¹¹

Из петербургских молодых историков Милуков был знаком с Н.П.Павловым-Сильванским, А.Е.Пресняковым и С.В.Рождественским. Как произошла встреча Милукова с первым, ответить сложно. Более-менее близкие отношения между ними завяжутся на рубеже XIX—XX вв. после переезда Милукова в Петербург. Знакомство с Пресняковым произошло благодаря Платонову. Последний попросил Милукова летом 1892 г. принять и помочь Преснякову в работе в московских архивах. Следующая их встреча произошла 26 апреля 1894 г. на заседании отделения славянской и русской археологии РАО, где Милуков делал доклад. После заседания А.Е.Пресняков был у Платонова, который пригласил всех «на Милукова», но тот был очень сдержан и осторожен среди петербургских историков. Пресняков одним из первых ученых оценил новаторский характер и значение «Очерков по истории русской культуры», прочитав первую статью в январском номере «Мира Божьего» за 1895 год. Рождественский также был протеже Платонова, и последний просил Милукова помочь молодому историку сориентироваться в московских архивах.²¹²

Милуков активно патронировал приезжавших молодых иностранных ученых. К сожалению, сведений об этой стороне его деятельности крайне мало. Одним из первых иностранцев познакомился с Милуковым филолог П.Буайе, командированный Парижским университетом осенью 1889 г. для изучения русского языка. По свидетельству самого Буайе, он сблизился с Милуковым с первых дней своего пребывания в Москве. Потом было совместное участие в VIII археологическом съезде в Москве в январе 1890 г., где Буайе выступил с сообщением «О способе изучения русского языка в его прошлом». Милуков и Буайе часто встречались на московских журфиксах. Через участника виноградовского кружка, А.И.Гучкова, Милуков познакомился с другим французским филологом, Ж.Легра. С ним у Милукова завязались переписка и обмен книгами. Позже Милуков даст Легра, приехавшему для изучения Сибири, рекомендации к одному из лучших специалистов в этом вопросе, А.А.Корнилову. Милуков также гостеприимно распахнул двери своего дома для чеш-

ского филолога Й.Поливки, румынского историка И.Богдана. Кстати, Милуков вместе с В.И.Сизовым и Р.Ф.Брандтом в ноябре 1892 г. предложили чеха в члены-соревнователи ОИДР, каковое избрание состоялось в апреле 1893 г.

Уехав из России, Буайе не потерял связей с Милуковым: они переписывались, подбирали и покупали друг другу книги. Помня помощь Милукова в деле изучения русского языка, Буайе даже предлагал направлять к нему других иностранцев, желающих изучать язык. Именно через Буайе Милуков передал экземпляр своей диссертации французскому историку А.Рамбо.²¹³

Помимо контактов с названными историками у Милукова стали завязываться отношения со многими коллегами из других российских университетов. Нормой стало обмениваться трудами и высылать отдельные оттиски статей другим исследователям, работающим по смежными темам. К Милукову обращались за содействием при копировании документов из московских архивов (в частности, из МГАМИД). Так, И.И.Дитятин просил помочь историку русского права И.Е.Энгельману. Позже дерптский профессор напрямую написал Милукову. Судя по их переписке, Милуков существенно помог Энгельману тем, что нанял копииста для копирования документов по истории российско-германских отношений первой трети XVIII в. Когда Милуков в 1889 г. был в Петербурге, он по просьбе Н.Ф.Каптерева пытался скопировать для него какие-то материалы в духовной академии. Последнее могло осуществиться только благодаря помощи В.Г.Дружинина, который познакомил москвича с библиотекарем академии А.С.Родосским. Но времени на снятие копий с необходимых документов у Милукова не хватило.

Через Милукова его друзья (М.А.Дьяконов, В.И.Семевский, В.Н.Сторожев) пытались устраивать печатание работ своих знакомых в «Русской мысли».²¹⁴

Рассмотрим теперь некоторые конфликтные ситуации, вызванные рецензентской деятельностью Милукова. В научной биографии Милукова недостатка в них не было.

Первое возражение на рецензию Милукова последовало уже в 1888 г. Милуков, рецензируя работу Д.И.Багалея «Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства», отметил пропуски в источниковой базе исследования и поставил под сомнение ряд выводов автора, в том числе о государственном характере колонизации. Багалея в ответной статье разобрал ряд рецензий на собственные «Очерки», подробно остановившись на нескольких из них. В это число попал и анонимный рецензент из «Русской мысли». Багалея, отвергнув почти все упреки Милукова, в свою очередь обвинил рецензента в излишне широких обобщениях, сделанных на основании немногочисленных фактов.²¹⁵

Большая рецензия Милукова на книгу Н.И.Кареева «Основные вопросы философии истории» содержала довольно едкую критику методологических установок автора. Рецензент усматривал в предложенной Кареевым классификации наук попытку вырыть пропасть между абст-

рактными и конкретными областями знания, подвергал сомнению тезис Кареева о необходимости сопоставления в научном анализе реальной действительности с «идеальным миром норм», находил неуместным выделение в качестве одного из ведущих факторов исторического процесса «личности», независимой от «среды». Н.И.Кареев хотел поместить ответ Милюкову в «Русской мысли», но редакция неохотно помещала на своих страницах ответы на статьи и рецензии, почему и отказала Карееву. В результате Кареев поместил свой ответ в «Русском богатстве». Он отверг все нападки Милюкова, заявив, в частности, что никакой пропасти между абстрактными и конкретными науками его классификация не предусматривает, и, продолжая настаивать, что именно активная «личность», возвышающаяся над пассивной «надорганической средой», является главным двигателем прогресса.²¹⁶

Крупный инцидент разразился по инициативе самого Милюкова осенью 1889 г. В сентябрьском номере «Русской мысли» он анонимно опубликовал свою рецензию на брошюру молодого петербургского историка Н.Д.Чечулина «Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в.». Сама по себе брошюра, представлявшая переработанное студенческое сочинение, могла дать достаточно поводов для критики. Но Милюков буквально набросился на Чечулина и критиковал его очень резко. Не исключено, что о тоне своей критики Милюков через некоторое время пожалел. С.Ф.Платонов успокаивал его: «Рецензия Ваша на брошюру Чечулина, я думаю, не может повлиять на Ваши петербургские отношения. Вы, кажется, высказывали такое опасение. Тон ее находят сердитым и беспокойным в той мере, как можно было ожидать от Вас. Каюсь, я лично приписал ее без колебаний Гольцеву, полагая, что он мог за себя заступиться и более одного раза». В этой цитате, кроме прозрачного намека на то, что Милюков уже снижал в Петербурге репутацию скандалиста, вскрывается возможная причина резкости милюковской рецензии. Дело в том, что в своей брошюре Чечулин критически отзывался о докторской диссертации редактора «Русской мысли» В.А.Гольцева «Законодательство и нравы в России XVIII века» и еще ранее опубликовал критическую рецензию на эту диссертацию. Гольцев выступил с рецензией на брошюру Чечулина под своим именем, но Платонов предположил, что и анонимная рецензия в «Русской мысли» также принадлежала ее редактору.²¹⁷

Если резкость Милюкова действительно была вызвана желанием «заступить» за Гольцева, то последний едва ли этого заслуживал. Сам Милюков позднее писал, что диссертация Гольцева была признана «недостаточно ученой». Более того, до начала сотрудничества Милюкова в «Русской мысли», его собственное отношение к Гольцеву и его трудам было весьма критическим. В студенческой тетради Милюкова сохранился набросок его неопубликованной рецензии на книгу В.А.Гольцева «Очерк развития педагогических идей в новое время» (М., 1880). Ход рассуждений рецензента таков: в неразвитом русском обществе, где невежда часто занимает столь же высокую ступень, что и образованный человек,

весьма распространено вредное смешение науки с публицистикой. Представителем такого смешения и является Гольцев, книга которого непригодна ни в научном, ни в публицистическом отношении. Текст рецензии перечеркнут и по нему громадными буквами выведено: «ВЗДОР». Видимо, эта надпись была сделана позднее, когда Милюков и Гольцев стали приятелями.

К заступничеству за Гольцева добавилось также недовольство Милюкова якобы «националистическим» образом мыслей Чечулина.

Рецензия Милюкова была холодно принята его петербургскими коллегами. А.С.Лаппо-Данилевский назвал Милюкова «ужасный забияка», правда, согласившись со всеми его замечаниями. Не понравилась рецензия и кружку историков, группировавшемуся вокруг С.Ф.Платонова.²¹⁸

Чечулин был возмущен ее тоном, и тем, что неизвестный рецензент прибежал к «самым низкопробным и жульническим приемам». Более того, в письме С.Ф. Платонову он обвинил рецензента в непрочтении книги и слабых знаниях истории XVIII в. Уже в октябре 1889 г. Чечулин собрался ответить рецензенту, прося Платонова передать Л.Н.Майкову рецензию для напечатания. При этом Чечулин оговаривался, что тот может сократить или даже отвергнуть рецензию, если что-то в ней покажется неприемлемым. Ответ рецензенту «Русской мысли» был подготовлен очень быстро и уже 17 октября выслан Платонову. Чечулин уполномочивал последнего даже «не дать ход делу». Правда, этим же письмом он просил в случае невозможности напечатания ответа в «Журнале министерства народного просвещения» передать ответ для отдельного издания в 400 экземпляров за свой счет.

Платонов решил предостеречь Чечулина от полемики с Милюковым, тем более что ответ был торопливым и слабым. В одном из писем Милюков упоминает о каких-то возражениях Платонова Чечулину, добавляя о своей солидарности с Платоновым в главном. Платонов сообщил Чечулину имя рецензента, тогда как сам Чечулин подозревал В.И.Семевского. Кроме того, Платонов намекнул, что в случае ответа Милюков может подробнее разобрать указанную книгу. Этим Платонов, видимо, попытался смягчить тон ответа, но Чечулин настаивал на напечатании его, хотя согласился с Платоновым и признал ответ торопливым и слабым. В конце концов, Чечулин внес в текст некоторые исправления.²¹⁹

Видя настойчивость Чечулина, Платонов, возможно, предложил ему вначале обратиться в «Русскую мысль». Сам Милюков, считавший помещение ответов в тех же журналах, где была опубликована рецензия, «делом простой справедливости», в одном из писем А.С.Лаппо-Данилевскому сообщал о своем намерении помочь в этом Чечулину. 21 декабря Чечулин письменно обратился к редактору журнала В.А.Гольцеву с предложением опубликовать его ответ, но получил отказ.

Когда стало ясно, что в «Русской мысли» чечулинский ответ не будет напечатан, Платонов попытался сладить впечатление от ответа Чечулина. Вместо декабрьского номера «Журнала министерства народного просвещения» 1889 г., на который рассчитывал Чечулин, ответ пошел в мар-

товскую книжку 1890 г. В марте 1890 г. Платонов сообщил Милюкову о том, что ответ Чечулина готов и будет напечатан или в «Журнале министерства народного просвещения» или отдельной брошюрой. Милюков в письме от 23 марта 1890 г. написал: «Что Чечулин хочет непременно отвечать мне, нахожу очень естественным: к тому должны принуждать его, во-первых, задетое самолюбие, во-вторых, мне кажется, и не совсем чистая совесть; в интересах первого он будет нападать, в интересах второй — оправдываться; и мне интересно, какой элемент перевесит. Отвечать ему я не буду».²²⁰

Но, «кажется, не совсем чистая совесть» была и у самого Милюкова. Когда ответ Чечулина был опубликован, Милюков, прочитавший его в журнале во время заседания Московского археологического общества, сообщил Платонову: «Чечулинский ответ мне смутил меня в нескольких местах, так что, придя домой, я перечитал свою рецензию, но перечитавши, совершенно успокоился: сколько я запомнил его рецензию, все его обвинения совершенно напрасны и опровергаются текстом самой рецензии. Насколько сам ответ убедителен для нечитавших рецензии, не мне, конечно, судить». С другой стороны, Чечулин, несмотря на свою решительность, с некоторым опасением ждал от Милюкова ответных шагов. В июне 1890 г. он спрашивал у Платонова, не собирается ли Милюков как-нибудь реагировать на его ответ.

С Чечулиным у Милюкова до открытого разрыва отношений дело не дошло. Видимо, он рассматривал свою рецензию как разовую акцию, поскольку заранее решил не отвечать на заметку Чечулина и, более того, уже в декабре 1889 г. опубликовал вполне приличную по тону рецензию на его магистерскую диссертацию, хотя и далекую от восторженности. Правда, в переписке с Лаппо-Данилевским Милюков был более резок в оценке этого труда Чечулина. Милюков недоумевал, «какое умение располагать материал нашел Майков у Чечулина, ведь материал расположен в том же порядке, как на полках нашего архива юстиции!» (Стоит сказать, что в курс 1890/91 г. «Обзор источников русской истории XVI и XVII вв.» Милюков включил в список тем для студентов и разбор брошюры Чечулина «Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в.»).

Первая личная встреча Милюкова и Чечулина произошла 2 января 1892 года в Санкт-Петербурге у Платоновых. Несмотря на конфликт, оба историка вели себя дружелюбно и весь вечер играли в шахматы. Более того, посылая С.Ф.Платонову список петербургских историков, которым считал нужным раздать экземпляры своей диссертации, Милюков включил в него и Чечулина.²²¹

По-видимому, анонимная рецензентская деятельность в «Русской мысли» вообще располагала Милюкова к резким оценкам. В особенности доставалось от него провинциальным историкам, труды которых он разбирал строго и иногда высказывался в том смысле, что лучше бы они публиковали документы из провинциальных архивов — для последующей обработки столичных мэтров, — чем предпринимать беспомощные попытки пересказа этих документов, выдаваемые за научные исследова-

ния. Один из провинциальных историков, В.Н.Витевский, не согласился с подобной оценкой своей работы и во введении ко второму тому своего труда постарался дезавуировать обвинения Милюкова. Последний, ознакомившись с ответом Витевского, не изменил своего мнения, и очередной том был также подвергнут разгромной критике. Впрочем, и в статьях за подписью Милюков не щадил своих жертв. Так, в статье «Русская историческая география и атлас проф. Замысловского» он весьма скептически оценивал достоинства атласа петербургского историка, предшественника С.Ф.Платонова по кафедре.

Но у рецензий Милюкова были и поклонники. Так, некоторые из этих рецензий получили высокую оценку Г.И.Перетятковича, да и Платонов вначале высказывал «свое уважение к ученому достоинству и честности ... статей» Милюкова, защищая москвича перед оскорбленным Е.Е.Замысловским.²²²

Косвенно с рецензентской деятельностью Милюкова было связано появление уже упоминавшейся рецензии П.В.Безобразова на магистерскую диссертацию самого Милюкова. Причина внезапного интереса византолога к русской истории заключалась, видимо, в том, что двумя годами ранее в «Русской мысли» появилась разгромная анонимная рецензия на его собственную магистерскую диссертацию. Поскольку Милюков был постоянным автором библиографического отдела «Русской мысли» и, по-видимому, редактировал в нем подотдел русской истории, совершенно естественно было заподозрить, что он, если и не сам написал эту рецензию, то имел причастность к ее публикации. С.Ф.Платонов, знакомый с хлестким стилем милюковских рецензий, спрашивал 4 июня 1890 г.: «Рецензией на Безобразова огрешились Вы, Павел Николаевич?». По словам Милюкова, «о Безобразове писал один только что кончивший студент, Смирнов, который специализируется на Византии, — только не благодаря Безобразову, — малый очень дельный», ученик П.Г.Виноградова. Речь в данном случае идет о Ф.А.Смирнове, слушателе курсов Милюкова по историографии и истории колонизации, о котором уже неоднократно упоминалось выше.²²³

Случалось, что Милюков принимал косвенное участие в написании рецензий другими историками. Еще на заре творчества Милюковым была опубликована полная неприкрытой критики и сарказма рецензия на сборник статей Д.И.Иловайского «Дополнительная полемика по вопросам варяго-русскому и болгаро-гуннскому». Несмотря на то, что рецензия была неподписанной, Иловайский прекрасно знал об истинном авторе и, как отмечал Милюков, «с тех пор не питает ко мне особой дружбы». В 1890-1891 гг. Милюков содействовал подготовке отрицательных рецензий на третий том «Истории России» Иловайского. В.Н.Сторожев советовался с Милюковым о форме полемического ответа Иловайскому. Кроме того, Милюков писал С.Ф.Платонову, что рад желанию последнего «пощипать» Иловайского. Сам Милюков не стал писать рецензию.²²⁴

Как видим, и в личном общении, и в научной деятельности шероховатости милюковского характера часто давали о себе знать (что призна-

вал даже и он сам, хотя и не был охотником до самокритики). Но при этом список его приятелей, добрых знакомых и почитателей из научной среды был достаточно велик.

Как показывает изложенная выше характеристика периода биографии Милокова, в течение которого он был университетским преподавателем, именно в этот период его научная деятельность проходила с наибольшей интенсивностью. Его исторические взгляды, формирование которых шло ускоренными темпами еще на студенческой скамье, получили отражение в лекционных курсах, печатных трудах, участии в работе многочисленных ученых обществ. В основе всех этих форм научной деятельности Милокова лежали самостоятельные исследования. Главным его трудом, над которым ученый работал в течение большей части указанного периода, была магистерская диссертация. В первую очередь ей историк был обязан авторитетом, приобретенным в научной среде. После магистерской защиты, которую сам Милоков расценивал как неудачную, интенсивность его научной работы несколько снизилась, хотя он был полон творческих замыслов. Целый ряд этих замыслов, в том числе и крупных («Главные течения русской исторической мысли», «Очерки по истории русской культуры»), находился в стадии реализации. Показателен тот факт, что в трех крупнейших научных работах Милокова рассматриваемого периода (диссертация, «Главные течения», «Очерки») в хронологической последовательности уменьшается доля самостоятельной исследовательской работы по первоисточникам и возрастает доля масштабных концептуальных обобщений, рассчитанных на широкую популяризацию.

Аналогичный процесс перехода от занятий узкоспециальными научными проблемами к просветительской деятельности, преследующей далеко идущие политические цели, наблюдается и в отношениях Милокова с научными обществами. Отказываясь от активного участия в работе таких сугубо научных объединений, как Общество истории и древностей российских, Московское археологическое общество, он сосредоточивает значительные усилия на создании просветительской Комиссии по организации домашнего чтения. К середине 90-х годов на фоне общего внутривнутриполитического оживления в России стала намечаться тенденция к переориентации Милокова с научной на общественную деятельность. Но тенденция эта, несмотря на то, что она усиливалась неблагоприятными обстоятельствами университетской карьеры Милокова, первоначально была далека от того, чтобы оторвать его от научных занятий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ АДП. ОРРК РНБ. Ф.482. Оп.1. Д.257. Л.1; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.1. Л.1-2 об.; РГИА. Ф.472. Оп.2. Д.809. Л.164 об.; Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год с алфавитным указателем и приложениями /Сост. М.Чернявский. [Тверь, 1869]. С.VII; Л.128 об. Схема № 757; *Плетнев В.А.* О фамильном архиве тверских дворян Милоковых. Тверь, 1889. С.30. Все даты даны по старому стилю, за исключением особо оговоренных случаев.

² АДП. ОРРК РНБ. Ф.482. Оп.1. Д.258. Л.1; Д.260. Л.1-4 об.; Д.262. Л.1-1 об.; Д.263. Л.1; РГИА. Ф.472. Оп.2. Д.54. Л.25; Д.809. Л.164 об.,165,172,193 об.,195 об.; Ф.1349. Оп.3. Д.24.

Л.117 об.; Генеалогия... Л.128 об. Схема № 757; *Милоков П.Н.* Воспоминания. В 2-х т. М., 1990. Т.1. С.49-51; *Раселли Ф.И.* Сведения о частном золотом промысле в России. 2-е доп. изд. СПб., 1863. С.227.

³ АДП. ОРРК РНБ. Ф.482. Оп.1. Д.262. Л.1; НИОР РГБ. Ф.20. К.12. Д.29. Л.1-1 об.; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.50.

⁴ АДП. ОРРК РНБ. Ф.482. Оп.1. Д.264. Л.1; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.2. Л.1; Д.3. Л.1-1 об.; Ф.Р-5856. Оп.2. Д.1. Л.1-6; РГИА. Ф.1293. Оп.76. Д.140. Л.2-2 об.,33-35; ЦИАМ. Ф.418. Оп.291. Д.239. Л.5-6 об.; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.42,51. В «Воспоминаниях» П.Н.Милоков утверждает, что его отец был также инспектором в училище живописи, ваяния и зодчества (См.: *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.42), но в формулярном списке Н.П.Милокова такие сведения отсутствуют.

⁵ АДП. ОРРК РНБ. Ф.482. Оп.1. Д.259. Л.1-2; Д.260. Л.3; Д.261. Л.1-2; РГИА. Ф.1349. Оп.3. Д.24. Л.117 об.-118; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.50-51.

⁶ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.4193. Л.2 об.; Ф.Р-5856. Оп.2. Д.1. Л.1 об.,2; РГАЛИ. Ф.280. Оп.1. Д.198. Л.1; ЦИАМ. Ф.203. Оп.745. Д.569. Л.850 об.; Ф.418. Оп.291. Д.239. Л.5; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.46,51-54,72.

⁷ ЦИАМ. Ф.203. Оп.745. Д.559. Л.191 об.-192; Ф.418. Оп.55. Д.140. Л.30; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.40.

⁸ ЦИАМ. Ф.203. Оп.745. Д.569. Л.850 об.-851; Ф.418. Оп.291. Д.239. Л.6 об.

⁹ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5. Л.1; ЦИАМ. Ф.203. Оп.745. Д.559. Л.191 об.; Д.569. Л.850 об.; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.54-58.

¹⁰ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3 а. Л.1-2 об.; Д.3 б. Л.1; Д.4 а. Л.2,3.

¹¹ ЦИАМ. Ф.371. Оп.1. Д.114. Л.130 об.; Д.151. Л.154; Д.154. Л.15,36 об.-37, 40 об.; Ф.418. Оп.291. Д.239. Л.3; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.58,60-61,

¹² ЦИАМ. Ф.371. Оп.1. Д.154. Л.44 об.,54-69,71 об.,73 об.,75 об.,77 об.,79,80 об.,85, 100-100 об.,116-120; Ф.418. Оп.291. Д.239. Л.3; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.80; Об испытаниях зрелости в 1877 г. // ЖМНП. 1878. № 12. С.72. В 1894 г. приват-доцент Московского университета П.Н.Милоков подарит родной гимназии две свои книги, диссертацию и отзыв на сочинение А.С.Лаппо-Данилевского (см.: ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.4096. Л.1).

¹³ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3405. Л.1 а; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.79-82; *он же.* Предисловие // *Шиллер И.Ф.* Два Пикколомини. Смерть Валлейштейна. Покрытый идол в Саисе /Пер. П.А.Каленова с прил. его ст., предисл. П.Н.Милокова. М., 1902. С.1-XXIV; Милоков-библиофил: (Публ. докл. П.Н.Милокова «Из моего книжного собирательства», сделанного на собрании О-ва друзей русской книги в Париже 31 января 1938 г.; Доп. и замеч. К.Солнцева) // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1959. 12 июля.

¹⁴ ГАРФ. Ф.Р-5856. Оп.1. Д.181. Л.26; ЦИАМ. Ф.371. Оп.1. Д.114. Л.128 об.; Д.154. Л.35 об.,40 об.; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.58,61,67-69,84,119,122,162.

¹⁵ Там же. С.52,70-74,124; Летопись жизни и творчества Ф.М.Достоевского. СПб., 1993. Т.1. С.179 и др.

¹⁶ ГАРФ. Ф.869. Оп.1. Д.502. Л.1-18 об.; ЦИАМ. Ф.371. Оп.1. Д.154. Л.34 об.,35 об.,36 об., 38 об.; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.85-87.

¹⁷ ГАРФ. Ф.63. Оп.2. Д.163. Л.1; Ф.102. 3-е д-во. Оп.78. Д.328. Л.1-2,5-6,8; Оп.93. Д.251. Т.1. Л.1 об.; Ф.579. Оп.1. Д.4932. Л.1-4; РГИА. Ф.1410. Оп.1. Д.345. Л.1; ЦИАМ. Ф.372. Оп.2. Д.450. Л.1,2,7,8,10-11,17,19,22-23 об.,26; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.87,122; *он же.* Предисловие // *Шиллер И.Ф.* Два Пикколомини. С.VIII.

¹⁸ *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.75,82-83; *он же.* Предисловие // *Шиллер И.Ф.* Два Пикколомини. С.III, VIII

¹⁹ См.: ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3538. Л.1-2,5,6,13-13 об. и сл.; ЦИАМ. Ф.4. Оп.3. Д.564. Л.1,1 об.,3 об.,4,9 об.,10 об.-11; Д.565. Л.7 об.,8,9 об.,16; Оп.17. Д.76. Л.9 об.,20; Ф.380. Оп.4. Д.206. Л.2,34,46-47,74-74 об.,83,85,138-138 об.,209; *Долгоруков П.Д.* Князь Павел Дмитриевич Долгоруков (Биографический очерк) // *Долгоруков П.Д.* Великая разруха. Мадрид, 1964. С.304; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.93-101.

²⁰ ЦИАМ. Ф.380. Оп.4. Д.206. Л.138 об.

²¹ ЦИАМ. Ф.418. Оп.291. Д.239. Л.1; Отчет о состоянии и действиях имп. Московского университета за 1878 год. М., 1878. С.32; То же. За 1881 год М., 1881. С.104.

²² ГАРФ. Ф.Р-5965. Оп.1. Д.240. Л.2-3; *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С.132; *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий: (Воспоминания 1881-1914). Прага, 1929. С.63,65;

Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.104-105; *он же*. В.О.Ключевский // В.О.Ключевский: Характеристики и воспоминания. М., 1912. С.190. В свою очередь, В.И.Герье придерживался невысокого мнения о личных качествах Милокова. В письме А.Н.Куломзиню (1916 г.) он называл Милокова «дипломированным нахалом», добавляя, что «это его свойство мне известно с его студенческой скамьи» (Цит. по: Ганелин Р.Ш. Государственная дума и правительственная власть в перлюстрированной переписке кануна 1917 г. // ОИ. 1997. № 1. С.153).

²³ Виноградов П.Г. Автобиография // Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук. Пгт., 1917. Ч.2. С.293; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.114-115; *он же*. The Influence of English Political Thought in Russia // SEER. 1926. № 14. P.268.

²⁴ P.N.Miliukov to M.M.Kovalevskii, February, 20, 1892 // М.М.Ковалевский papers. ВА; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.4626. Л.1-2; Гудзий Н.К. Изучение русской литературы в Московском университете. М., 1958. С.51; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.103, 110. В личном фонде Милокова сохранились записки «из области демонологии» (ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3458), т.е. как раз той отрасли фольклористики, где Миллер был специалистом.

²⁵ Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.103; *он же*. Мои университетские годы // Московский университет: 1755-1930: Юбилейный сб. /Под ред. В.Б.Ельяшевича, А.А.Кизеветтера и М.М.Новикова. Париж, 1930. С.263; Отчет о состоянии и действиях имп. Московского университета за 1878 год. М., 1879. С.24-25; То же. За 1879 год. М., 1880. С.108-109; То же. За 1880 год. М., 1881. С.108-109. Видимо, упоминаемое Милоковым литографированное издание лекций М.М.Троицкого по истории древней философии, которое ему поручили однокурсники, готовилось на III курсе. Но из-за участия в студенческом движении лекции так и не вышли в свет (см.: Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.103). Лекции Троицкого по истории среднего периода философии и новой философии литографировались К.В.Вознесенским, М.К.Любавским, В.В.Розановым (см.: Средний период истории философии по лекциям О.П. М.М.Троицкого, читанным в 1880/81 акад. году. [М., 1881]. [3], 128 с.; История новой философии по лекциям О.П. М.М.Троицкого, читанные в 1881/82 акад. году. [М., 1882]. [4], 112 с.).

²⁶ P.N.Miliukov to M.M.Kovalevskii, February, 20, 1892 // М.М.Ковалевский papers. ВА; АРАН. Ф.489. Оп.3. Д.474. Л.8 об.; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.110; *он же*. Памяти учителя // Речь. 1916. 24 марта.

²⁷ НИОР РГБ. Ф.93/II. К.8. Д.73. Л.1-2 об.; Достоевский Ф.М. Письма. М., 1959. Т.4. С.16-17,355-357; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.87-89,93; *он же*. Мои университетские годы. С.269. Один из членов кружка, Н.Д.Долгоруков, без согласия других участников в 1881 г. передал ответ Ф.М.Достоевского И.С.Аксакову, и последний напечатал его в газете «Русь» с небольшим предисловием (см.: Письмо Достоевского в 1878 г. к московским студентам // Русь. 1881. 14 февраля).

²⁸ ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д.558. Л.850; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.105,106; [Милоков П.Н.]. С.М.Соловьев (1820-1879) // Историческая записка о деятельности имп. Московского археологического общества за первые 25 лет существования. М., 1890. С.219 отд. паг.; Танков А. С.М.Соловьев // Колосья (СПб.). 1885. № 8. С.248,258.

²⁹ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3487. Л.1-1 об.; Д.4140. Л.1-1 об.; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.90,123; *он же*. Памяти Н.И.Кареева // ПН. 1931. 22 февраля; *он же*. N.I.Kareyev // Encyclopedia of the Social Sciences /Ed.-in-chief E.R.A.Seligman, ass. ed. A.Johnson. N.Y., MCMXXXII. Vol.8. P.545-546.

³⁰ Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.122. В фонде П.Н.Милокова сохранилось дело, датированное апрелем 1879 г., с материалами для сочинения об общественных движениях на Руси в первой половине XVI в. Возможно, Милоков ошибся в «Воспоминаниях», и писал курсовое сочинение у Н.С.Тихонравова именно по указанной теме (см.: ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3379).

³¹ ГАРФ. Ф.63. Оп.1. Д.80. Л.1-2,6,15,19,121; Д.271. Л.5,8-8 об.,18,19; Оп.2. Д.163. Л.3,4,4 об.; Оп.15. Д.90. Л.11 об., 28 об.; Ф.102. 3-е д-во. Оп.78. Д.328. Л.9 об.; Ф.124. Оп.4. Д.59. Л.107 об.; Ф.579. Оп.1. Д.3 а. Л.1; Д.3 б. Л.1-1 об.; Д.4. Л.1; ЦИАМ. Ф.16. Оп.70. Д.331. Т.1. Л.48-48 об.,170,192; Ф.418. Оп.291. Д.239. Л.10; Оп.476. Д.226. Л.1; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.107-109,113, 167.

³² Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.109-112.

³³ Милоков П.Н. В.О.Ключевский. С.186,189; *он же*. В.О.Ключевский как личность // ПН. 1932. 24 января; Череннин Л.В. Отечественные историки XVIII-XX вв.: Сб. ст., выступлений, воспоминаний. М., 1984. С.84.

³⁴ Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.115-116; *он же*. В.О.Ключевский как личность // ПН. 1932. 24 января; О состоянии и действиях Московского университета в 1880 г. // ЖМНП. 1881. № 3. С.65; То же. 1881 г. // ЖМНП. 1882. № 5. С.89; Покровский М.Н. П.Г.Виноградов // Известия. 1926. 29 апреля; Сперанский Н.В. Из воспоминаний о В.О.Ключевском // РВед. 1911. 21 мая; Чесноков В.И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России // Российские университеты в XIX – начале XX в.: Сб. науч. ст. Воронеж, 1996. Вып.2. С.7.

³⁵ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3526; Д.3555. Л.1-16,19.

³⁶ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3405. Л.2; НИОР РГБ. Ф.70. К.32. Д.14. Л.16; ЦИАМ. Ф.16. Оп.70. Д.331. Т.1. Л.12-15 об.,36-38,48,65, 66,69 об.,72; Добролюбовский К.П. Е.Н.Щепкин как историк (1860-1920) // Памяти проф. Евгения Николаевича Щепкина (13-V 1860 – 12-XI 1920): Сб. /Изд. Одесской секцией научных работников и Одесским домом ученых по случаю пятилетней годовщины со дня смерти Е.Н.Щепкина. Одесса, 1927. С.7; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.119.

³⁷ РГИА. Ф.733. Оп.149. Д.529. Л.1-2 об.; ЦИАМ. Ф.16. Оп.70. Д.331. Т.1. Л. 99-101, 173-174 об.

³⁸ Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.119,120; *он же*. Мои университетские годы. С.270-271.

³⁹ ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.77. Д.373. Л.2-13 об.,25-32 об.,70-70 об.; НИОР РГБ. Ф.298. Разд.3. К.2. Д.10. Л.1-4,21,25-31; РГИА. Ф.733. Оп.149. Д.529. Л.7-14 об.,23-32 об.; Алфавитный список студентов имп. Московского университета за 1879-80 акад. год. М., 1879. С.31,55,84; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.119,121; *он же*. Мои университетские годы. С.269.

⁴⁰ ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.77. Д.373. Л.19-20; РГИА. Ф.733. Оп.149. Д.529. Л.79-83, 97-98 об.; ЦИАМ. Ф.16. Оп.70. Д.331. Т.1. Л. 129-132 об.

⁴¹ ГАРФ. Ф.63. Оп.1. Д.320. Т.1. Л.32-33; Ф.102. 3-е д-во. Оп.77. Д.373. Л.37-38; РГИА. Ф.733. Оп.149. Д.529. Л.83-85; ЦИАМ. Ф.16. Оп.70. Д.331. Т.1. Л.147-148,152, 154,156 об.; Ф.418. Оп.291. Д.239. Л.11, 12; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.121-122. При отчислении у Милокова возникли проблемы с университетской библиотекой. В.И.Герье заявил, что за исключенным студентом Милоковым числятся книги, взятые на его, профессора, имя. Инцидент был вскоре исчерпан, но в мае 1883 г., при получении диплома Милокову пришлось брать справку о том, что за ним не числятся книги, взятые на имя Герье (см.: ЦИАМ. Ф.418. Оп.291. Д.239. Л.12,18).

⁴² ЦИАМ. Ф.16. Оп.70. Д.331. Т.1. Л.122-123; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.122; ПНМ. С.3; Шаховской Д.И. Автобиография // Русские ведомости, 1863-1913: Сб. ст. М., 1913. С.196-197 отд. паг.

⁴³ ПНМ. С.101.

⁴⁴ ГАРФ. Ф.63. Оп.1. Д.320. Т.1. Л.33,137,138; Ф.579. Оп.1. Д.3271. Л.1; Д.3508. Л.1-6; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.125-137; *он же*. Роковые годы (из воспоминаний) // РЗ. 1938. № 5. С.111.

⁴⁵ Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.138; Отчет о состоянии и действиях имп. Московского университета за 1881 год. М., 1882. С.20; То же. За 1882 год. М., 1883. С.20-21.

⁴⁶ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.4 а. Л.1-4 об.; Д.4 б. Л.1-1 об.; РГИА. Ф.1405. Оп.80. Д.8675. Л.3,4; Оп.534. Д.1350. Л.1,10,37,152 об.,153 об.,155; ЦИАМ. Ф.142. Оп.7. Д.74. Л.44; Д.75. Л.4-15,16 об.,200,203,206 об.,214 об.; Д.76. Л.1-2,3 об.,5,11,15 об.,21-22,44,86,90 об.,91,93 об.,101,111,126 об.,128 об.,158; Д.77. Л.2 об.,3,5 об.,184-185 об.; Д.78. Л.2-2 об.,5 об.; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.167-168.

При обысках по делу Ф.И.Мельницкого у Павла Милокова было изъято 4 книги. Показателен подбор этих книг: 1) Tourgueneff N. La Russe et les Russes, 2) Lear F. Memoires d'une americaine en Russe, 3) Villetard E. Histoire de l'Internationale (Paris, 1872), 4) [Плансон А.А.]. Последнее слово о польском вопросе в России (Берлин, 1869). Как видим, Милоков читал не только нелегальные и запрещенные в России книги, но и работы по истории революционного движения, например, Э.Виллетарда о первом Интернационале. В начале февраля

1882 г. П.Н.Милоков попросил вернуть отобранные книги, т.к. он специализировался на русской истории и они были ему нужны для научных занятий. Особенно Милоков настаивал на возвращении книги Н.И.Тургенева. Как оказалось, эти книги были приобщены как вещественные доказательства к делу Мельницкого, почему и было решено оставить прошение без последствий. Третья и четвертая из перечисленных книг до сих пор хранятся в коллекции вещественных доказательств министерства юстиции в РГИА (РГИА. Ф.1405. Оп.80. Д.8675. Л.3-6; Ф.1410. Оп.1. Д.345).

⁴⁷ ГАРФ. Ф.63. Оп.2. Д.163. Л.2-5 об.; Ф.102. 3-е д-во. Оп.78. Д.328. Л.9-9 об.

⁴⁸ ГАРФ. Ф.63. Оп.2. Д.163. Л.4 об.; Оп.15. Д.90. Л.1-31 об.; Ф.102. 3-е д-во. Оп.78. Д.328. Л.1-10; ЦИАМ. Ф.418. Оп.291. Д.239. Л.21 об.

После окончания Алексеем технического училища в 1882 г., пути братьев разошлись. Алексей перебрался к своему родственнику, А.-П.Г.Дорвойдту, а Павел вернулся к матери. Ввиду отсутствия порочащих А.Н.Милокова данных полицейский надзор было приказано отменить в 1884 г., но по бюрократической ошибке эти сведения не попали в циркуляр, в результате чего надзор с Алексея был официально снят лишь 9 марта 1900 года (!). Карьера его складывалась вполне удачно. В конце XIX века он работал механиком на Трехгорной мануфактуре. В 1900 г. был взят на службу Тверской губернской земской управой. В дальнейшем А.Н.Милоков занимался проектированием и строительством домов в Москве в классическом стиле (например, дом Грибова в Хлебном переулке; доходный дом Кузнецовой на Мясницкой). А.Н.Милоков принял активное участие в первой русской революции, и, по свидетельству Р.М.Хин-Гольдовской, входил в состав московского стачечного комитета.

А.Н.Милоков был страстным охотником и членом многих охотничьих обществ и через охоту завел многочисленные полезные знакомства в Москве. В конце XIX в. А.Н.Милоков помог становлению начинающего художника З.С.Шмелева (1876-1945), который не только одно время жил у своего благодетеля, но и был обязан ему протекцией при поступлении в училище живописи, ваяния и зодчества. Женился А.Н.Милоков раньше старшего брата, в 1881 (?) г. на дочери артиста Московских императорских театров, музыканта Э.И.Блезе, Аделаиде (ок. 1862 - ?). От брака он имел двух детей — Алексея и Ольгу. А.Н.Милоков умер в 1913 году в Кисловодске, где заразился стрептококком. Он скончался на руках общего друга семьи врача М.С.Зернова, гимназического товарища двух братьев (ГАРО. Ф.5. Оп.3. Д.3928. Л.3 об.; ГАРФ. Ф.63. Оп.2. Д.163. Л.8-14; Ф.102. 3-е д-во. Оп.78. Д.328. Л.9,11-14; Оп.98. Д.307. Л.1-12; Ф.579. Оп.1. Д.4 а. Л.1; Д.4193. Л.2; ЦИАМ. Ф.142. Оп.7. Д.77. Л.3,184 об.; *Борисова Е.А., Каждан Т.П.* Русская архитектура XIX - начала XX вв. М., 1971. С.176,229; История Москвы. М., 1955. Т.5. С.658; *Крупин Е.Н.* Рождение музея, или рассказ о создателях художественного музея в Рязани. Рязань, 1991. С.61-62; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.113, 168; Т.2. С.144-145; *Хин-Гольдовская Р.М.* Очарование старых дневников: 1902 — 1905 /Публ. и предисл. М.Ситковецкой // Грани (Франкфурт-на-Майне). 1995. № 177. С.206).

⁴⁹ ЦИАМ. Ф.418. Оп.296. Д.1. Л.1-3,40; Правила Московского университета // ЖМНП. 1864. № 5. С.7,10. Сразу после экзаменов, 9 июня 1882 г. Милоков получил временное свидетельство об окончании университета (ЦИАМ. Ф.418. Оп.291. Д.239. Л.14,20).

⁵⁰ РГИА. Ф.733. Оп.149. Д.680. Л.22 об.,23; ЦИАМ. Ф.418. Оп.52. Д.144. Л.2,3; Оп.291. Д.239. Л.19; Оп.296. Д.1. Л.118,137-138; Оп.476. Д.9. Л.45; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.102,111,113. Социальной истории было посвящено курсовое сочинение еще одного известного в будущем выпускника историко-филологического факультета 1882 г. М.К.Любавского, «Служилые люди Московского государства — городские люди и дети боярские». За него Любавский получил золотую медаль и поэтому освобождался от написания кандидатской диссертации (см.: ЦИАМ. Ф.418. Оп.296. Д.1. Л.1 об.; Архив АН СССР. Обзорные архивных материалов. М., 1986. Т.8. С.125). Ср. также тему курсового сочинения А.А.Кизеветтера, над которой он работал на третьем и четвертом курсах университета (1886-1888): «Я занялся, - вспоминает Кизеветтер, - историей служилого землевладения XVI-XVII ст.» (*Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. С.183).

⁵¹ ЦИАМ. Ф.418. Оп.291. Д.239. Л.19.

⁵² *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.117,141; *он же.* Мои университетские годы. С.265.

⁵³ ЦИАМ. Ф.418. Оп.52. Д.144. Л.1.

⁵⁴ *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С.46; *Боговявленский С.К.* Академик Ю.В.Готье // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1944. № 3. С.110.

⁵⁵ ОРРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.7-7 об.; ЦИАМ. Ф.418. Оп.52. Д.144. Л.1,5-7.

⁵⁶ РГИА. Ф.733. Оп.149. Д.680. Л.22-23,144-144 об.; ЦИАМ. Ф.418. Оп.52. Д.144. Л.9-9 об.; Оп.55. Д.140. Л.27,29; Оп.476. Д.11. Л.3.

⁵⁷ НИОР РГБ. Ф.16. К.4. Д.36. Л.5 об.; ЦИАМ. Ф.418. Оп.55. Д.140. Л.28 об.; Ф.1869. Оп.1. Д.151. Л.1; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.143,144. Сохранилось свидетельство самого Милокова, что он, по крайней мере, однажды принимал участие в экзаменах в гимназии по ботанике в качестве ассистента (см.: ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.249. Л.12).

⁵⁸ ОРРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.20,22; ЦИАМ. Ф.472. Оп.1. Д.489. Л.6; Отчет о состоянии Московской земледельческой школы и Бутырского хутора Московского общества сельского хозяйства за 72-й год существования. М., 1895. С.V,16; Юбилейный сборник, изданный Московскою земледельческою школою в память ее семидесятипятилетия 15-го августа 1897 года /Под ред. А.П.Перепелкина. М., 1897. С.5 отд. паг.

⁵⁹ *Шаханов А.Н.* Комментарии // *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.434. Прим.1.

⁶⁰ *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.156.

⁶¹ ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.2-2 об.; ОРРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3547. Л.33; История Москвы. Т.5. С.369; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.177; XL. Сороколетие Московских педагогических курсов при обществе воспитательниц и учительниц. 1872-1912 гг. М., 1912. С.38.

⁶² ОРРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3547. Л.33.

⁶³ *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.177.

⁶⁴ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5291. Л.1-5; РО ИРЛИ (ПД). Ф.599. Оп.1. Д.174. Л.1-2. Существует и другое, менее достоверное свидетельство самого Милокова, где он приписывает выбор названия книги и предложение напечатать «Очерки» в «Мире Божьем» геологу, писателю и популяризатору науки В.К.Агафонову (1863 — после 1942), в руки которого попал литографированный текст лекций (*Милоков П.Н.* Сегодняшнему юбиляру // ПН. 1939. 24 февраля).

⁶⁵ *Соколов О.Д.* М.Н.Покровский и советская историческая наука. М., 1970. С.50; XL. Сороколетие Московских педагогических курсов... С.38.

⁶⁶ *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.143.

⁶⁷ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3401. Л.1-3; Д.3548; *Виноградов П.Г.* Учебник всеобщей истории. М., 1893. Ч.1. С.VI; *он же.* Учебник всеобщей истории. М., 1894. Ч.2. С.П; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.143; *он же.* Рец. на: Виноградов П.Г. Учебник всеобщей истории. М., 1893. Ч.1. Древний мир // РМ. 1893. № 4. С.193-195 отд. паг.

⁶⁸ *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.146.

⁶⁹ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3548. Л.50 об.

⁷⁰ Там же. Д.3383. Л.1 а; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.146.

⁷¹ См.: ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3548. Л.54 об..

⁷² См.: НИОР РГБ. Ф.239. К.13. Д.38. Л.1-1 об. В процессе подготовки к экзаменам Милоков обращался к Ключевскому за книгами (см.: ОРФ ИРИ РАН. Ф.4. Оп.5. Д.186. Л.2).

⁷³ НИОР РГБ. Ф.70. К.38. Д.110. Л.45 об.; *Майкова К.А.* Из писем П.Г.Виноградова // СВ. М., 1962. Т.22. С.267,277.

⁷⁴ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3381. Л.23; Д.3382. Л.1; Д.3383. Л.1-11; Д.3523. Л.1-4 об.; НИОР РГБ. Ф.131. К.27. Д.21. Л.1-16 об.; ЦИАМ. Ф.418. Оп.52. Д.144. Л.9-9 об.; Оп.476. Д.11. Л.11; Д.12. Л.4,8.

⁷⁵ Там же. Л.18-20; Д.226. Л.3,4; Ф.2202. Оп.3. Д.1. Кн.2. Л.57; *Готье Ю.В.* В.О.Ключевский как руководитель начинающих ученых // В.О.Ключевский: Характеристики и воспоминания. С.182.

⁷⁶ ЦИАМ. Ф.418. Оп.476. Д.11. Л.7; Д.12. Л.38,41 об.; Д.226. Л.8; Оп.52. Д.144. Л.23.

⁷⁷ *Нечкина М.В.* В.О.Ключевский. М., 1974. С.165.

⁷⁸ РГАДА. Ф.180. Оп.7. Д.3743. Л.3,4; ЦИАМ. Ф.418. Оп.476. Д.13. Л.4; Д.201. Л.1,2; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.148; *он же.* Официальные и частные редакции древнейшей разрядной книги // ЧОИДР. 1887. № 2. С.1-20 отд. паг.; *он же.* Юридическая школа в рус-

ской историографии (Соловьев, Кавелин, Чичерин, Сергеевич) // РМ. 1886. № 6. С.80-92.

⁷⁹ ЦИАМ. Ф.418. Оп.476. Д.13. Л.4; Д.201. Л.2.

⁸⁰ ЦИАМ. Ф.418. Оп.52. Д.144. Л.12,13,15,21,22,24-32 об.; Оп.291. Д.239. Л.7-9; Оп.476. Д.13. Л.7; Д.226. Л.9-11

⁸¹ ЦИАМ. Ф.418. Оп.476. Д.201. Л.4-5; *Богословский М.М.* Из воспоминаний о Н.А.Рожкове // УЗ ИИ РАНИОН. М., 1928. Т.5. С.137; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.148.

⁸² РГИА. Ф.733. Оп.150. Д.3. Л.404; ЦИАМ. Ф.418. Оп.55. Д.140. Л.8; Оп.476. Д.13. Л.9 об.,15; Д.201. Л.3; Циркуляр по Московскому учебному округу. 1886. № 6 и 7. С.252.

⁸³ ЦИАМ. Ф.229. Оп.4. Д.5207. Л.2; Ф.418. Оп.55. Д.140. Л.26; Ф.1869. Оп.1. Д.125. Л.1-7; *Каптерев П.Н.* Из архива С.К.Смирнова // БВ. 1914. № 10-11. С.455; *Ключевский В.О.* Рец. на: Смирнов С.К. История Московской духовной академии // *Ключевский В.О.* Ответы и ответы. М., 1918; *Лукьянов С.М.* О В.С.Соловьеве в его молодые годы. Пгг., 1916. Т.1. С.330, 341-342.

Из многочисленных дочерей С.К.Смирнова старшая, Варвара, была замужем за магистром богословия К.И.Богоявленским. Сын К.И. и В.С.Богоявленских, С.К.Богоявленский, стал видным историком. Милоков называет его в мемуарах своим племянником, хотя, собственно, он был племянником жены Милокова. В свою очередь С.К.Богоявленский женился на сестре М.М.Богословского, с которым Милоков оказался таким образом в дальнем свойстве. Другая дочь С.К.Смирнова, Вера, была замужем за профессором духовной академии, доктором церковной истории (с 1891 г.) Н.Ф.Каптеревым, книгу которого Милокову довелось рецензировать. Самая младшая из сестер, Любовь, вышла замуж также за профессора академии, А.П.Голубцова. Их дочь М.А.Голубцова оставила любопытные воспоминания о Ключевском, сын - С.А.Голубцов - опубликовал статью о теоретических взглядах Ключевского, а позже напечатал письма ученого к П.П.Гвоздеву, другой же сын - И.А.Голубцов стал известным историком (см.: *Богословский М.М.* Из воспоминаний о Н.А.Рожкове. С.134; *Голубцов С.А.* Теоретические взгляды В.О.Ключевского (1911 - 12 мая - 1921) // РИЖ. 1922. № 8. С.178-202; *Голубцова М.А.* Воспоминания о В.О.Ключевском. М., 1914; *Каптерев П.Н.* Указ. соч. С.424; *Кизеветтер А.А.* В.О.Ключевский // РВед. 1915. 12 мая; *Лукьянов С.М.* Указ. соч. Т.1. С.330; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.149,167; *Он же*]. Рец. на: Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М., 1887. Вып.1. Время патриаршества Иосифа // РМ. 1888. № 2. С.71-74 отд. паг.; Письма В.О.Ключевского к П.П.Гвоздеву (1861-1870). М., 1924; *Пушкарев Г.С.* Историография русской православной церкви // Зап. Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1974. Т.8. С.223-224).

⁸⁴ ЦИАМ. Ф.229. Оп.4. Д.5207. Л.39; Ф.1869. Оп.2. Д.12. Л.5; *Жихарева А.П.* Анна Сергеевна Милокова // ПН. 1935. 5 апреля; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.149-150,271; *Муретов М.* Протоиерей Сергей Константинович Смирнов // Памяти почивших наставников /Изд. имп. Московской духовной академии ко дню ее столетнего юбилея (1814 - 1 октября - 1914). Сергиев Посад, 1914. С.140; *Нечкина М.В.* Указ. соч. С.601; *Н.П.В [Вакар Н.П.]*. Памяти А.С.Милоковой. Собрание русской секции университетских женщин // ПН. 1935. 9 марта; У Троицы в Академии, 1814-1914: Юбилейный сборник исторических материалов /Изд. бывших воспитанников Московской духовной академии. М., 1914. С.472; *Ъ. А.С.Милокова* // ПН. 1935. 14 февраля.

Как вспоминает Милоков, за многочисленными дочерьми ректора пытались ухаживать «бакалавры», но Анна их не поощряла. Сохранились мемуарные свидетельства, повествующие об обратном. Одним из почитателей А.С.Смирновой был молодой И.И.Ласкин (начало 1860-х - до 1895), прозванный за свою красоту Ивановом-Царевичем и обладавший недурным басом. Ласкин родился в с. Перевлес Пронского у. Рязанской губ. В 1870 г. он поступил в Рязанскую духовную семинарию, откуда в 1876 г. перевелся в Московскую духовную академию. Здесь Ласкин увлекся дочерью ректора Анной, и она не осталась равнодушной к его ухаживаниям. Но потом девушка поступила на женские курсы, и забыла Ласкина. Как вспоминает его однокурсник и друг С.Д.Яхонтов, Ласкин, закончив в 1880 г. академию кандидатом, с горя согласился на должность псаломщика в посольской церкви в Вене. В документе изложение хода событий несколько отличается: Ласкин воспользовался советом протоиерея венского посольства М.Ф.Раевского, переданным через С.К.Смирнова, способному студенту. Из Вены Ласкин перешел дьяконом в Берлин, где

вскоре умер (см.: АВПРИ. Ф.159. Оп.749/1. Д.498. Л.13-25; ГАРО. Ф.Р-2798. Оп.1. Д.80. Л.60 об.; Д.85. Л.42; ЦИАМ. Ф.229. Оп.4. Д.1995. Л.1,2,4,14, 16,17; Д.4919. Л.18; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.149; Списки студентов, окончивших полный курс имп. Московской духовной академии за первое столетие ее существования (1814-1914 гг.). Сергиев Посад, 1914. С.68,69; У Троицы в Академии. С.180,200).

⁸⁵ НИОР РГБ. Ф.566. К.3. Д.5. Л.7 об.; *Винавер Р.Г.* Вожди кадетской партии: (Из воспоминаний) // НЖ. 1945. № 10. С.260; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.149-151.

⁸⁶ ЦИАМ. Ф.1869. Оп.1. Д.151. Л.1; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.152,157; Хроника моей жизни: Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Сергиев Посад, 1907. Т.VII. С.382.

⁸⁷ ГАРФ. Ф.63. Оп.15. Д.90. Л.23-25,28-29; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.167.

⁸⁸ АРАН. Ф.489. Оп.3. Д.474. Л.2 об.; Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.15 об., 37 об.-40,91 об.; Д.360. Л.59 об.-60; Ф.639. Оп.1. Д.1073-1162. Л.30 об.; ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.1; Ф.579. Оп.1. Д.17. Л.1; Д.6424. Л.1; ОПИ ГИМ. Ф.450. Оп.1. Д.19. Л.82; НИОР РГБ. Ф.178. Д.7774. С.151; ОРРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5692. Л.87,88 об.; РГАЛИ. Ф.80. Оп.1. Д.152. Л.2.

⁸⁹ ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.70 г - 70 е,74; ОО. Оп.226. Д.579. Л.1-6; Ф.579. Оп.1. Д.5001. Л.1-2; Оп.3. Д.266. Л.6,9-12,15,17-19,22 об.,36 об.,40-40 об.; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.1971. Л.6-7 об.; НИОР РГБ. Ф.135. Разд. II. К.29. Д.72. Л.1-2,3,5; РО ИРЛИ (ПД). Ф.599. Оп.1. Д.176. Л.1-2.

⁹⁰ История Москвы. М., 1954. Т.4. С.441-442; *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. С.48-49.

⁹¹ *Милоков П.Н.* Университеты в России // ЭС. СПб., 1902. Т.XXXIV а, полутом 68. С.797; *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. СПб., 1902. С.618.

⁹² *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.147,157; *он же.* Университеты в России. С.797; *Рождественский С.В.* Указ. соч. С.618.

⁹³ ЦИАМ. Ф.418. Оп.476. Д.299. Л.25 об.-26.

⁹⁴ АРАН. Ф.489. Оп.3. Д.474. Л.7; ГАРО. Ф.869. Оп.1. Д.502. Л.12; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.2625. Л.2,4; Д.3394. Л.2; Д.3404. Л.6 об.-7 об.; НИОР РГБ. Ф.16. К.1. Д.4 а. Л.38; ЦИАМ. Ф.418. Оп.476. Д.298. Л.54-55; *Милоков П.Н.* Источники русской истории и русская историография // ЭС. СПб., 1899. Т.ХХVIII, полутом 55. С.438-446; *он же.* The Chief Currents of Russian Historical Thought // Annual Report of the American Historical Association for the year 1904. Washington, 1905. P.109-114.

⁹⁵ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3922. Л.1-2; РО ИРЛИ (ПД). Ф.377. Оп.4. Д.1517. Л.1-4,7-7 об.,9-11; *Корсаков Д.А.* К.Н.Бестужев-Рюмин // *Венгеров С.А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб., 1892. Т.III. С.187-207; *Милоков П.Н.* Болтин, Иван Никитич // Там же. СПб., 1897. Т.V. С.130-146.

⁹⁶ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.2625. Л.5,6; ОРРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.15-16.

⁹⁷ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3699. Л.1-1 об.,4; НИОР РГБ. Ф.16. К.5. Д.23. Л.2-42; Внутреннее обозрение // РМ. 1887. № 10. С.177 отд. паг.; *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892. С.301.

⁹⁸ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3386,3530; *Милоков П.Н.* Русская историческая география и атлас проф. Замысловского // РМ. 1888. № 8. С.126-143 отд. паг. - Рец. на: Учебный атлас по русской истории /Ред. Е.Е.Замысловский. 3-е изд. СПб., 1887; *он же.* Колонизация России // ЭС. СПб., 1895. Т.XV а, полутом 30. С.740-746.

⁹⁹ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3637. Л.1; Д.3949. Л.11-12,17; Д.4542. Л.2; *Милоков П.Н.* Русская историческая география и атлас проф. Замысловского. С.142 отд. паг.; *Р-в В. [Рудаков В.Е.]* Историческая география // ЭС. СПб., 1899. Т.ХХVIII, полутом 55. С.818. При подготовке обширной статьи «Великоруссы» для этого же словаря Д.Н.Анучин также обращался за помощью к Милокову (см.: ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3637. Л.3-4 об.; *Анучин Д.Н.* Велико-руссы // ЭС. СПб., 1892. Т.V а, полутом 10. С.843).

¹⁰⁰ АРАН. Ф.489. Оп.3. Д.474. Л.2; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3395. Л.1; Д.3534. Л.1-2 об.; Д.4614. Л.6,7; ОРРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.27; Д.3547. Л.1 об.; ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.249. Л.8 об.,11; *Богословский М.М.* Историография... С.40; Историческая наука в Московском университете в 1890 г. // ИО. 1891. Т.3. С.193; *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. С.86-87; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.155; *он же.* Источники русской истории и русская историография // ЭС. СПб., 1899. Т.ХХVIII, полутом 55. С.430-433; *он же.* К вопросу о

составлении разрядных книг // ЖМНП. 1889. № 5. С.165-194; *он же*. Книги писцовые и переписные // ЭС. СПб., 1895. Т.XV, полумот 29. С.457-459; *он же*. Официальные и частные редакции древнейшей разрядной книги // ЧОИДР. 1887. № 2. С.1-20 отд. паг.

¹⁰¹ ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.20; РГИА. Ф.733. Оп.150. Д.926. Л.217,222,226 б; Д.1038. Л.118 об.; ЦИАМ. Ф.418. Оп.476. Д.20. Л.22,35.

¹⁰² ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.31.

¹⁰³ ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.249. Л.12 об.; ЦИАМ. Ф.418. Оп.476. Д.15. Л.39-39 об.

¹⁰⁴ *Богословский М.М.* Историография... С.40; *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. С.86-88; П.Н.Миллюков в Берлине // ПН. 1929. 20 апреля.

¹⁰⁵ ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.24; РГАДА. Ф.337. Оп.1. Д.634. Л.28; *Богоявленский С.К.* К вопросу о столах Разрядного приказа // ЖМНП. 1894. № 6. С.401-413 отд. паг.

¹⁰⁶ АРАН. Ф.491. Оп.1. Д.67. Л.17-18; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3395. Л.3 а, 7 об.; Архив АН СССР. Обзор архивных материалов. М., 1986. Т.8. С.111; *Готье Ю.В.* Университет // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С.567-568.

¹⁰⁷ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3530. Л.3 об.,16,17 об.; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5691. Л.121 об.; *Миллюков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.156.

¹⁰⁸ *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. С.62; *Миллюков П.Н.* В.О.Ключевский. С.216; *он же*. Воспоминания. Т.1. С.116-117,141,156; *Шмидт С.О.* Воспоминания С.К.Богоявленского о В.О.Ключевском // АЕ за 1980 год. М., 1981. С.309. См. также: *Шмидт С.О.* Ключевский и культура России // Ключевский: Сб. материалов. Пенза, 1995. Вып.1. С.334.

¹⁰⁹ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5388. Л.13; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.11,24-24 об. См. также: *Колобков В.А.* С.Ф.Платонов и В.О.Ключевский: (За строкой некролога. По материалам архива С.Ф.Платонова) // Ключевский: Сб. материалов. Вып.1. С.140-148.

¹¹⁰ *Ключевский В.О.* Сочинения. М., 1990. Т.9. С.398.

¹¹¹ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5291. Л.1 об.,4-4 об.; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.9; ЦИАМ. Ф.2202. Оп.3. Д.1. Кн.2. Л.3. Кстат. Корелин, хлопотавший тогда о вознаграждении, после сцены на университетском обеде забеспокоился. Он успел поговорить о вознаграждении со Стороженко и Миллюковым, теперь же, видя такое отношение могущественного члена факультета, Ключевского, к Миллюкову, Корелин стал подумывать о своем ходатайстве через В.И.Герье (см.: Там же).

¹¹² НИОР РГБ. Ф.178. Д.7774. С.149-150; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5691. Л.121 об.; Д.5692. Л.73 об.-74.

¹¹³ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.4514. Л.7; *Миллюков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.186; *Филин М.Д.* Дневниковые записи А.Н.Савина о В.О.Ключевском // АЕ за 1978 г. М., 1979. С.329, 330-331.

¹¹⁴ *Шмидт С.О.* Воспоминания С.К.Богоявленского... С.311.

¹¹⁵ ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.24 об.; *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. С.285-286; *Миллюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. 2-е изд. М., 1898. Т.1. С.284,285; *он же*. Два русских историка (С.Ф.Платонов и А.А.Кизеветтер) // СЗ. 1933. Т.51. С.315; [он же]. С.М.Соловьев (1820-1879). С.216 отд. паг.

¹¹⁶ НИОР РГБ. Ф.566. К.3. Д.5. Л.4; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.28.

¹¹⁷ Там же. Л.23.

¹¹⁸ АРАН. Ф.639. Оп.1. Д.1073-1162. Л.59 об.; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5388. Л.25; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.33-33 об.; Д.5691. Л.9 об.

¹¹⁹ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5388. Л.44,46-46 об.,48-48 об.,91-92,97; Ф.Р-5965. Оп.1. Д.8. Л.17-18,23; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3547. Л.12,14; Д.5691. Л.40,45-46.

¹²⁰ АРАН. Ф.639. Оп.1. Д.698-779. Л.30 об.; Д.1073-1162. Л.60 об., 62; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3949. Л.10 об.,19-20 об.; Д.5388. Л.81-82; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3547. Л.8-8 об.; Д.5691. Л.49-49 об.

¹²¹ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5388. Л.49 об.; Д.6390. Л.1; НИОР РГБ. Ф.131. К.32. Д.70. Л.1-1 об.; Ф.178. Д.7774. С.151; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3547. Л.15-16; Д.5691. Л.51 об.

¹²² АРАН. Ф.489. Оп.3. Д.474. Л.9 об.; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.20 об., 22; РГИА. Ф.733. Оп.150. Д.1038. Л.118 об.; ЦИАМ. Ф.418. Оп.476. Д.20. Л.38 об.,40; Д.21. Л.8 об.,20,33; Ф.2202. Оп.3. Д.1. Кн.2. Л.24,25 об.,30 об.,32 об.; *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С.174.

¹²³ Архив СПб ФИРИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.39. Л.97,99; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.27-27 об.,29 об.-30; Д.5692. Л.73 об.

¹²⁴ Архив МГУ. Ф.213. Оп.1. Д.70. С.65; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5388. Л.12-12 об.,96 об.; Д.5672. Л.1 об., 2 об.; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.10,13; ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.249. Л.12 об.-13; ЦИАМ. Ф.418. Оп.476. Д.17. Л.15 об.; Д.19. Л.28; Д.20. Л.36,41; *Боголюбов Н.П.* Страница из жизни Московского университета // РА. 1913. № 1. С.12,14; *Брайдо А.И.* Обзор литературы по русской истории за 1890 г. // ИО. 1891. Т.3. С.293; *Миллюков П.Н.* Роковые годы (из воспоминаний) // РЗ. 1938. № 8-9. С.121; *он же*. Русская аграрная политика прошлого столетия // РМ. 1890. № 5. С.198-213 отд. паг. — Рец. на: Якушкин В.Е. Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX в. М., 1890. Вып.1. XVIII в.; *С-в В.Н. [Стороженко В.Н.]*. Русские журналы за второе полугодие 1890 года // ЮВ. 1891. № 1. С.155; *Семевский В.И.* Вячеслав Евгеньевич Якушкин (1856-1912 г.) // ГМ. 1913. № 1. С.272.

¹²⁵ АРАН. Ф.489. Оп.3. Д.474. Л.7-7 об.; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.4514. Л.9; РГАДА. Ф.180. Оп.7. Д.3743. Л.3,4; Ф.337. Оп.1. Д.571. Л.8; *Миллюков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.148; *он же*. Официальные и частные редакции древнейшей разрядной книги // ЧОИДР. 1887. № 2. С.1-20 отд. паг.

¹²⁶ *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI века: Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С.285-287,297-300,302. Прим.2, 324,329,334; *Миллюков П.Н.* К вопросу о составлении разрядных книг // ЖМНП. 1889. № 5. С.165-194. Дискуссия Лихачева и Миллюкова не осталась незамеченной (см.: *Брайдо А.И.* Обзор литературы по русской истории за 1888 и 1889 годы // ИО. 1891. Т.2. С.257).

¹²⁷ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.4857. Л.1; Д.5388. Л.72; НИОР РГБ. Ф.203. Кн.28. Л.238-239 об.,276 об.-277; Кн.30. Л.34; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.12-12 об.; *Ланно И.И.* Тверской уезд в XVI столетии: его население и виды земельного владения // ЧОИДР. 1894. № 4. С.1-238 отд. паг.; Протоколы заседаний имп. Общества истории и древностей российских // Там же. № 1. С.45 отд. паг.

¹²⁸ АРАН. Ф.489. Оп.3. Д.474. Л.1; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3699. Л.1,2 об.,3,4,6; Д.4201. Л.1-2; Д.5388. Л.31,35-35 об.; Д.5465. Л.1; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1015. Л.4; РГАДА. Ф.31. Оп.1. Д.495. Л.1,2; ЦИАМ. Ф.418. Оп.55. Д.140. Л.26 а,33; *Миллюков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.159.

¹²⁹ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5673. Л.1-1 об.; ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.249. Л.1 об.

¹³⁰ *Миллюков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.159.

¹³¹ ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.23 об.; *Миллюков П.Н.* Два русских историка. С.315; *он же*. В.О.Ключевский. С.197.

¹³² *Вернадский Г.В.* Очерки по истории науки в России // Зап. Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1975. Т.9. С.33.

¹³³ ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.23 об.

¹³⁴ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.4858. Л.3 об.,16 об.; Д.5388. Л.3,5 об.-6 об.; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.6,9 об.,11 об.,22 об.; ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.249. Л.8-8 об., 9 об.; РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.393. Л.149.

¹³⁵ ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.6,7 об.,15-15 об.; ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.249. Л.7 об. В письме от 23 мая Миллюков высказывал еще более смелый прогноз. Он писал, что остается в Москве на лето «с радужными надеждами покончить, наконец, с текстом своей диссертации» (ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.14 об.).

¹³⁶ ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.17,20 об.,21,25,26 об.,38.

¹³⁷ Там же. Л.31,35 об.,40; Д.3547. Л.1.

¹³⁸ Там же. Д.3546. Л.15,37,38; Д.3547. Л.3 об.

¹³⁹ АРАН. Ф.489. Оп.3. Д.474. Л.3 об.; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.6268. Л.1-2; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.14; Д.3547. Л. 3 об.,5-5 об.,10 об., 14,17 об.,18; Д.5691. Л.40; ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.249. Л.3,6; [*Миллюков П.Н.*]. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. (Зап. историко-филологического фак. имп. Санкт-Петербургского ун-та. Ч.23) // РМ. 1890. № 9. С.412-414 отд. паг.

¹⁴⁰ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.6268. Л.3-4; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.12; *Миллюков П.Н.* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. (Зап. историко-филологического фак. имп. Санкт-Петербургского ун-та. Ч.23) // Зап. имп. Академии наук. СПб., 1893. Т.70. С.20-202 отд. паг.; *он же*. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб.,

1890. (Зап. историко-филологического фак. имп. Санкт-Петербургского ун-та. Ч.23) // Отчет о тридцать третьем присуждении наград графа Уварова [с разбором сочинений]: Приложение к LXX-му тому Зап. имп. Академии наук. № 3. СПб., 1892. С.20-202; *он же*. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства: Рецензия на сочинение А.С.Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве». СПб., 1892. II, 183 с.; Присуждение академических премий в 1891 г. // ИО. 1891. Т.3. С.230-233; О медали, выдаваемой рецензенту сочинений, поступающих на Уваровскую премию // ЖМНП. 1863. № 4. С.1; Отчет о тридцать третьем присуждении наград графа Уварова, читанный в публичном заседании имп Академии наук 25 сентября 1891 года неперменным секретарем Академии А.А.Штраухом. СПб., 1891. С.2-5; Список изданий, вышедших в России в 1892 году. СПб., 1893. С.171.

¹⁴¹ ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3547. Л.14 об.,18-18 об.,20,22.

¹⁴² ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3740. Л.4-4 об.; Д.5388. Л.61; Д.5920. Л.1; Д.6336. Л.1-1 об.; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.6,22; Д.3547. Л.24,25,32; Ф.777. Оп.1. Д.737. Л.1.

¹⁴³ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5168. Л.1; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1015. Л.14,15; Д.3317. Л.1-3; Д.3547. Л.27; Д.5691. Л.80,80 об.,81 об.; РО ИРЛИ (ПД). Ф.274. Оп.1. Д.399. Л.176 об.; ЦИАМ. Ф.418. Оп.55. Д.140. Л.50.

¹⁴⁴ АРАН. Ф.489. Оп.3. Д.474. Л.2, 3 об.; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3949. Л.10; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.15 об.-16,31; Д.3547. Л.5 об.

¹⁴⁵ АРАН. Ф.639. Оп.1. Д.1073-1162. Л.62; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1015. Л.1-41; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.164; *он же*. Предисловие ко второму изданию // *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб., 1904. (На обл. 1905). С.XV.

¹⁴⁶ АРАН. Ф.489. Оп.3. Д.474. Л.6 об.; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3547. Л.21.

¹⁴⁷ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5388. Л.39 об.; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3547. Л.5.

¹⁴⁸ Там же. Д.3548. Л.1; ЦИАМ. Ф.418. Оп.476. Д.19. Л.16 об.; Положение об испытании на звание действительного студента и на ученые степени // ЖМНП. 1864. № 3. С.101-102.

¹⁴⁹ ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.15; ЦИАМ. Ф.418. Оп.476. Д.19. Л.4 об.,9; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.154,175.

¹⁵⁰ ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.3; РО ИРЛИ (ПД). Ф.377. Оп.4. Д.1517. Л.2; ЦИАМ. Ф.418. Оп.55. Д.140. Л.51; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.165.

¹⁵¹ *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.160.

¹⁵² ЦИАМ. Ф.418. Оп.476. Д.19. Л.14,17,18-18 об.; Положения к диссертации П.Н.Милокова «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого». М., 1892. 4 с.

¹⁵³ См.: ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.23; Д.3548. Л.27.

¹⁵⁴ Там же. Л.3; РО ИРЛИ (ПД). Ф.377. Оп.4. Д.1517. Л.3.

¹⁵⁵ См.: *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.160-161.

¹⁵⁶ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.4614. Л.1 об.

¹⁵⁷ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3381. Л.36-39; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5691. Л.118 об.; ЦИАМ. Ф.418. Оп.476. Д.19. Л.14; Магистерский диспут // МВ. 1892. 18 мая; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.161; Московские вести // РВед. 1892. 18 мая; [*Сторожев В.Н.*] Историческая хроника // ИО. 1892. Т.5. С.198-215. В.Н.Сторожев опубликовал прочитанный на диспуте отзыв В.О.Ключевского о диссертации Милокова. Очевидно, Сторожев располагал расшифровкой стенограммы, так как текст его имеет редакционные расхождения с текстом того же самого отзыва, опубликованного в 1959 г. по черновому автографу, хранящемуся в архиве Ключевского. Беловой автограф отзыва, который был зачитан на факультетском заседании 22 апреля и на основании которого был составлен более краткий факультетский отзыв, оглашенный в заключение диспута 17 мая деканом М.М.Троицким, сохранился в архиве Московского университета (см.: ЦИАМ. Ф.418. Оп.476. Д.323. Л.11-14 об.; В Институте истории АН СССР // ИЖ. 1942. № 5. С.171; *Ключевский В.О.* Отзыв о исследовании П.Н.Милокова «Государственное хозяйство России в первую четверть XVIII в. и реформа Петра Великого» // *Ключевский В.О.* Сочинения. М., 1959. Т.8. С.177-183; [*Сторожев В.Н.*] Историческая хроника // ИО. 1892. Т.5. С.202-208).

¹⁵⁸ *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.160-161; *Маклаков В.А.* Отрывки из воспоминаний // Московский университет: 1755-1930. С.302,303; *он же*. Klyuchevsky // SEER. 1935. Vol.XIII, № 38. P.323-324.

¹⁵⁹ *Линниченко И.А.* Из воспоминаний // ГМ. 1916. № 10. С.XL-XLI; *Любавский М.К.* В.О.Ключевский // В.О.Ключевский: материалы для его биографии. М., 1914. С.24; *Шмидт С.О.* Воспоминания С.К.Богоявленского... С.311.

¹⁶⁰ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5388. Л.76 об.; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5691. Л.118 об.-119 об.

¹⁶¹ НИОР РГБ. Ф.178. Д.7774. С.150; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5691. Л.119 об.; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1 С.160. Подобные размовки на диспутах не были редкостью. В 1879 г. на магистерской защите Н.И.Кареева испортились его отношения с В.И.Герье, в результате чего он лишился надежды на доцентуру в Москве. В 1889 г. Ключевский заставил понервничать В.И.Семевского на докторском диспуте, и в итоге не попал на торжественный банкет. «Не помню уж, — пишет И.А.Линниченко, — отказался ли он от приглашения, или В.И., не совсем довольный его выражениями, не пригласил его» (*Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. С.140; *Линниченко И.А.* Указ. соч. С.XLI).

После диспута Милоковы отправились в Тверскую губернию, где провели все лето (см.: ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5739. Л.1; РО ИРЛИ (ПД). Ф.377. Оп.4. Д.1517. Л.4).

¹⁶² См.: *Далин В.М.* Люди и идеи. М., 1969. С.384; *Думова Н.Г.* Либерал в России: трагедия несовместимости. Исторический портрет П.Н.Милокова. М., 1993. С.120-121; Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С.266.

¹⁶³ *Ключевский В.О.* Отзыв о исследовании П.Н.Милокова... С.183.

¹⁶⁴ С ноября 1892 г. в «Русской мысли» начал печататься роман милоковского приятеля Г.А.Мачтета «На заре». На публикацию первой порции этого романа, состоявшей из трех глав, следующим образомотреагировал в своем дневнике М.С.Корелин: «В начавшемся в Р.М. (11) романе Мачтета На заре — есть пасквиль на Янжула и Ключевского, а отчасти и на меня» (ЦИАМ. Ф.2202. Оп.3. Д.1. Кн.1. Л.41). Действительно, в третьей главе романа (см.: *Мачтет Г.А.* На заре // РМ. 1892. № 11. С.198-212 отд. паг.) пасквиль налицо. Глава начинается с диалога между главным героем, студентом-медиком Сергеем Аркановым и его соседом по квартире, молодым историком, судя по всему, магистрантом, Андреем Павловым. Павлов явно «срисован» с Милокова и по сюжету является положительным героем. Арканов мечет критические стрелы в его университетского «шефа», которого Павлов вяло пытается защищать. В образе этого шефа соединены внешность Янжула («стопудо-ученый», «гиппотам учености») и характер Ключевского. Особенно ярко должна была, по замыслу автора, указывать на Ключевского следующая тирада Арканова, написанная явно со слов Милокова и очень сходная с фрагментом одного из милоковских писем Платонову: «...Он сам добился «доктора» под старость только, — раз! Вынес массу интриг, незаслуженных неудач, треволений, почему и весь издохнул [намек на пресловутое остроумие Ключевского — *А.М., П.Т.*], — два! Достигнул своих лавров усталым, разбитым, так что, свободно вздохнув, крепко сел на них, махнув на науку, которую любил раньше, когда еще не был ни усталый, ни разбитый, ни озлобленный, — три!» (Там же. С.202 отд. паг.). Арканов пророчит Павлову неудачу в академической карьере. В частности, Арканов утверждает, что в науке, как и везде, заправляют люди, «отлично понимающие, что значат большие и меньшие оклады». Затем, Арканов говорит, что шеф Павлова будет всячески препятствовать ему в достижении ученой степени: «Он будет содействовать Корневу [очевидно, в этой мимолетно упоминаемой фигуре Корелин и усмотрел пасквиль на себя — *А.М., П.Т.*], потому что это только вешалка, увешанная хорошими ярлыками. Он будет содействовать Парканову, потому что это гусь, начиненный, вместо яблок, римским правом... тебе... тебе? Человеку с твоею головою, с твоим дарованием, с твоим синтезом? Батюшки светы! Да он хоть плюнет, на пол плюнет, чтобы ты поскользнулся!...» (Там же).

Еще целый ряд деталей указывает на то, что Павлов «списан» с Милокова. Он легко краснеет, что было свойственно в молодости Милокову (см.: *Кусеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. С.87); женится, да так, что об этом никто из знакомых не знает, на некоей курсистке Марусе Головановой, занимающейся историей; оказывает материальную поддержку младшему брату и матери, с которой после женитьбы планирует жить в одной квартире (кстати, как уже упоминалось ранее, когда реальный Милоков вместе с матерью сдавал часть своей квартиры внаём, их жильцами были как раз студенты-медики); предмет научных интересов Павлова — «чети» и «подворные записи». И, пожалуй, самая любопытная деталь. Вот фрагмент из описания внешности Андрея Павлова: «...Привычным жестом откинул с широкого, красивого лба светлые пряди упавших волос». Мачтет явно писал с

натуры. Стало быть, Милоков завел-таки себе, хотя и слишком поздно, «непослушную прядь» волос, которая в свое время была «тоже условием, и притом гораздо более важным, нежели слава Кареева» (см.: Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.123) для достижения взаимности со стороны таинственной «И».

¹⁶⁵ ПНМ. С.254-255.

¹⁶⁶ АРАН. Ф.639. Оп.1. Д.912-916. Л.4 об.; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5388. Л.77-77 об.; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.8-8 об.,10,14 об.,17,22; Д.5691. Л.127-127 об.; РГАДА. Ф.337. Оп.1. Д.634. Л.4; РГИА. Ф.1405. Оп.539. Д.229. Л.10 об.; [Кротков А.А.]. Д.Я.Самоковасов // 25 летие Саратовской ученой архивной комиссии. 1886/12/ХП 1911 г.: Исторический очерк /Сост. В.П.Соколов; Краткие биографии /Сост. Н.Ф.Хованский. Саратов, 1911. С.32 отд. паг.; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.161,164.

¹⁶⁷ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3751. Л.2,3; Д.5388. Л.28 об.; Д.5672. Л.1-1 об.; Д.5835. Л.3-4; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.4296. Л.8,10; Браудо А.И. Обзор литературы по русской истории за 1890 г. // ИО. 1891. Т.3. С.286-287; Историческая наука в Московском университете за 1892 г. // Там же. 1893. Т.6. С.200 отд. паг.; Милоков П.Н. Ответ г. П.Ф.Симсону // ЖМНП. 1891. № 2. С.430-431; Платонов С.Ф. Как возникли чети? (К вопросу о происхождении Московских приказов-четвертей) // Там же. 1892. № 5. С.158-171; Симсон П.Ф. Заметка о монетах петровского времени (по поводу исследования П.Н.Милокова) // Там же. 1891. № 1. С.229-231; С-жев В. [Сторожев В.Н.]. Русские журналы за 1891 г. // ЮВ. 1891. № 5-6. С.225-228; С-в В.Н. [Сторожев В.Н.]. Русские журналы за вторую половину 1891 г. // Там же. 1892. № 1. С.132-138; Сторожев В.Н. К вопросу о «четвертиках» // ЖМНП. 1892. № 1. С.195-217.

¹⁶⁸ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5878. Л.1; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.8 об.-9,10; Безобразов П.В. Рец. на: Милоков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892 // РО. 1892. № 4. С.888-894; Д. [Пыпин А.Н.]. Новый труд о петровской реформе // ВЕ. 1892. № 8. С.819-833; Милоков П.Н. Ответ рецензенту «Вестника Европы» // РМ. 1892. № 9. С.203-208 отд. паг.

¹⁶⁹ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5524. Л.1-1 об.; Hjarne H. Ryssland Under Nordiska Krigets Aterverkan // Nordisk Tidskrift for Vetenskap, Konst och Industri. Stockholm, 1892. S.408; Minzes B. Rezension: Miljukov P.N. Russlands Staatswirthschaft im ersten Viertel des XVIII. Jahrhunderts und die Reformen Peters des Grossen. (Russ.). Petersburg, 1893 // Zeitschrift fur Social- und Wirtschaftsgeschichte (Freiburg i. B. und Leipzig). 1893. Bd.1. S.373.

¹⁷⁰ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5672. Л.9 об.-10.

¹⁷¹ Там же. Д.4614. Л.5; РГИА. Ф.1405. Оп.539. Д.229. Л.20; Отчет о состоянии и действиях имп. Московского университета за 1889 год. М., 1892. С.24. Год, которым следует датировать письмо, определяется на том основании, что Ключевский приглашает Милокова на «ближайшее воскресенье (23 апреля)». Н.Г.Думова неверно датирует это письмо 1893-м годом, а Т.М.Бон — 1892-м. (см.: Думова Н.Г. Указ. соч. С.129; Вонн Т.М. Ор. cit. S.91).

¹⁷² ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.4614. Л.4; ЦИАМ. Ф.418. Оп.61. Д.235. Л.1-5; Богословский М.М. Историография... С.165. Между прочим, Р.Ю.Виппер, получивший в 1894 г., как и М.С.Корелин, докторскую степень за магистерскую диссертацию, был удостоен за нее всего лишь «большой» премии имени С.М.Соловьева, которая была в полтора раза меньше «полной» (см.: Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю.Виппера и его время. М., 1976. С.21).

¹⁷³ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3493. Л.1-2 об.; Д.4409. Л.1-3; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.2859. Л.38 об., 39; Владиславлев В.М. Рец. на: Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. М., 1894. Ч.1 // ЖМНП. 1894. № 5. С.231 отд. паг.; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.159.

¹⁷⁴ Там же. С.183.

¹⁷⁵ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.4389. Л.1; НИОР РГБ. Ф.203. Кн.25. Л.177 об.,270,285 об.,287; Кн.26. Л.184 об.,290-290 об.,516,518,540-540 об.; Кн.27. Л.156 об.; Кн.28. Л.82,83,119-120,123-123 об.,165,265-265 об.,272 об.,277 об.-279,440,455; Кн.29. Л.132 об.,134; Протоколы заседаний имп. Общества истории и древностей российских // ЧОИДР. 1887. № 4. С.13 отд. паг.; 1892. № 1. С.58 отд. паг.; 1894. № 1. С.3,5,6,28, 40,48,87 отд. паг.

¹⁷⁶ НИОР РГБ. Ф.203. Кн.29. Л.138,140,141. Посещаемость Милоковым заседаний ОИДР установлена по: НИОР РГБ. Ф.203. Кн.25-30.

¹⁷⁷ Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.183-184.

¹⁷⁸ АРАН. Ф.639. Оп.1. Д.912-916. Л.4 об.; НИОР РГБ. Ф.203. Кн.27. Л.135,155,190-193,195,196,201-201 об.,203 об.; Кн.28. Л.2-9,14-14 об.,21-22 об.; ОПИ ГИМ. Ф.440. Оп.1. Д.59. Л.56-56 об.; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.17 об.; Протоколы заседаний имп. Общества истории и древностей российских // ЧОИДР. 1894. № 1. С.32 отд. паг.

¹⁷⁹ АРАН. Ф.639. Оп.1. Д.1073-1162. Л.76; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3466. Л.1-13; Д.3467. Л.1-2; Д.5388. Л.72 об.; НИОР РГБ. Ф.203. Кн.26. Л.374; Кн.28. Л.276-276 об.; А.Л. [Архимандрит Леонид (Л.А.Кавелин)]. Историческое и археологическое описание первоклассного Успенского женского монастыря в городе Александров (Владимирской губ.). Статья 2-я // Вестник археологии и истории, издаваемый Археологическим институтом. 1885. Вып.П. С.48; Начало Русского государства: Три чтения д-ра Вильгельма Томсена, профессора сравнительного языковедения при Копенгагенском университете (с просмолненной автором немецкой переработки д-ра Л.Борнеманна) /Пер. Н.И.Аммон // ЧОИДР. 1891. № 1. С.1-136 отд. паг.; Протоколы заседаний имп. Общества истории и древностей российских // Там же. 1894. № 1. С.45 отд. паг.

¹⁸⁰ АРАН. Ф.639. Оп.1. Д.912-916. Л.1 об.; НИОР РГБ. Ф.203. Кн.30. Л.118-120,126,247 об.-248; Кн.31. Л.26-26 об.,514; Кн.32. Л.28-28 а,35 об.-36,813 об.-814 об.; Кн.33. Л.41-42; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3549. Л.3; РГАДА. Ф.184. Оп.1. Д.669. Л.1; РГИА. Ф.1405. Оп.539. Д.229. Л.18; Милоков П.Н. Официальные и частные редакции древнейшей разрядной книги // ЧОИДР. 1887. № 2. С.20 отд. паг.; Протоколы заседаний имп. Общества истории и древностей российских // Там же. 1896. № 4. С.16,23 отд. паг.

¹⁸¹ Буганов В.И. Введение // Разрядная книга 1475-1598 гг. /Подг. текста, ред. В.И.Буганова. М., 1966. С.3; он же. Разрядные книги последней четверти XV — начала XVI в. М., 1962. С.15-17,81-82,133. Прим.119; Милоков П.Н. [Предисловие] // Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.) /Изд. имп. Общества истории и древностей российских при Московском университете; Печатано под наблюдением д. чл. П.Н.Милокова. М., 1901. С.VIII; Список изданий, вышедших в России в 1902 году. СПб., 1903. С.4.

Исследователи, нуждавшиеся в милоковской «разрядной» могли получить оттиски за долго до ее выхода в свет (см.: ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.28; Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве в XVI веке. СПб., 1897. С.317. (Зап. историко-филологического фак. имп. Санкт-Петербургского ун-та. Ч.43)).

¹⁸² ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д.558. Л.850; Богословский М.М. Историография... С.85-87; Виноградов П.Г. Автобиография. С.296; Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. С.71,254; Милоков П.Н. Большой человек: (Памяти А.И.Гучкова) // ПН. 1936. 15 февраля.

Из всех кружковцев самую яркую характеристику Милоков дал М.Н.Покровскому, будущему историку-марксисту. Тогда Покровский по большей части молчал и «имел вид вечно обиженного и не ошененного по достоинству» человека. Тем не менее Покровский считался подающим надежды историком. По воспоминаниям Милокова, в 1900 г. Покровский просил у него темы для магистерской диссертации «в академическом стиле» (Милоков П.Н. Величие и падение Покровского: (Эпизод из истории науки в СССР) // СЗ. 1937. Т.65. С.370; он же. Воспоминания. Т.1. С.139; он же. Два русских историка. С.312; он же. М.Н.Покровский // Звено (Париж). 1923. 24 сентября).

¹⁸³ НИОР РГБ. Ф.70. К.69. Д.8. Л.1; Ф.119. К.16. Д.39. Л.9 об.; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.2; ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.249. Л.9 об.; РГИА. Ф.733. Оп.150. Д.999. Л.1-10; ЦИАМ. Ф.418. Оп.62. Д.470. Л.1-6,8,13-14; Оп.476. Д.20. Л.16; Ф.2202. Оп.3. Д.1. Кн.2. Л.2 об.-3; Богословский М.М. Историография... С.87; Тридцатилетие ученой деятельности профессора В.И.Герье // ИО. 1892. Т.4. С.296,298.

¹⁸⁴ Архив МГУ. Ф.213. Оп.1. Д.71. Л.69 об.; ЦИАМ. Ф.2202. Оп.3. Д.1. Кн.2. Л.32 об.; Богословский М.М. Историография... С.87.

¹⁸⁵ Архив МГУ. Ф.213. Оп.1. Д.71. Л.74; НИОР РГБ. Ф.119. К.16. Д.38. Л.7-8; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.24-26; Д.5692. Л.29-30; ЦИАМ. Ф.2202. Оп.3. Д.1. Кн.2. Л.33.

¹⁸⁶ Архив МГУ. Ф.213. Оп.1. Д.71. Л.75,75 об.,79-79 об.; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.25 об.-26; ЦИАМ. Ф.2202. Оп.3. Д.1. Кн.2. Л.34; Богословский М.М. Историография... С.87; Виноградов П.Г. Автобиография. С.296.

¹⁸⁷ Архив МГУ. Ф.213. Оп.1. Д.71. Л.79 об.,158 об.; НИОР РГБ. Ф.119. К.16. Д.38. Л.8; Богословский М.М. Историография... С.87; Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. С.68-69; Мякотин В.А. Рец. на: Издания Исторического общества при Московском университете. М., 1896 // РБ. 1897. № 7. С.72 отд. паг.; Список лиц, внесенных в число членов

общества при его возникновении // Издания Исторического общества при Московском университете. М., 1896. С.213-216.

¹⁸⁸ *Богословский М.М.* Историография... С.87; *Богоявленский С.К.* Академик Ю.В.Готье. С.110; *Готье Ю.В.* Профессор А.Н.Савин // ГМ. 1923. № 2. С.185; Издания Исторического общества при Московском университете. С.7.

¹⁸⁹ *Богданов В.В.* В.Ф.Миллер у себя дома // ОИРЭФА. Л., 1978. Вып.8. С.135; *Богданов В.В.* Из воспоминаний о В.Ф.Миллере // ЭО. 1913. № 3/4. С.156; *Крымский А.В.* Ф.Миллер // ГМ. 1913. № 12. С.316-317; *Липец П.С., Макашина Г.С.* Роль Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в организации русской этнографической науки // ОИРЭФА. М., 1965. Вып.3. С.56; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.149; *он же.* Мои университетские годы. С.263; Новые ученые общества // ИО. 1890. Т.1. С.265.

¹⁹⁰ *Богданов В.В.* В.Ф.Миллер у себя дома. С.133; *Ильинский Г.А.* Рец. на: Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями /Под ред. Н.А. Янчука. М., 1900 // ИОРЯС. 1900. Т.V, кн.2. С.720; [*Милоков П.Н.*]. Рец. на: Киевская старина. 1892. № 1-6 // РМ. 1892. № 9. С.426 отд. паг.; *он же.* Рец. на: Пыпин А.Н. История русской этнографии. СПб., 1890. Т.1. Общий обзор изучений народности и этнография великорусская // ЭО. 1890. № 4. С.177-179; *он же.* Рец. на: Пыпин А.Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т.2. Общий обзор изучений народности и этнография великорусская // Там же. 1891. № 1. С.180-184; *он же.* Рец. на: Пыпин А.Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т.3. Этнография малорусская; СПб., 1892 Т.4. Белоруссия и Сибирь. // Там же. 1892. № 1. С.1-4 отд. паг.; *он же.* Что такое «море Вирянок» и город «Леденец»? (справка к вопросу о времени и месте происхождения былины о Соловье Будимировиче) // Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями /Под ред. Н.А.Янчука. М., 1900. С.314-315; Отчет о состоянии и действиях имп. Московского университета за 1894 год. М., 1895. С.259; *Р. [Янчук Н.А.].* Рец. на: Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями /Под ред. Н.А.Янчука. М., 1900 // РВед. 1900. 28 февраля.

¹⁹¹ *Дебец Г.Ф.* Этническая антропология в работах русских антропологов XIX и начала XX в. // ОИРЭФА. М., 1963. Т.2. С.208-212; *Милоков П.Н.* Международный конгресс антропологии и доисторической археологии в Москве // РМ. 1892. № 9. С.126-150; [*он же.*]. Рец. на: Зограф Н.Ю. Антропометрические исследования мужского великорусского населения Владимирской, Ярославской и Костромской губерний. М., 1892; Ивановский А.А., Рождественский А.Г. Насколько верны выводы проф. Н.Ю.Зографа в его «Антропометрических исследованиях» и имеют ли эти «исследования» какое-либо научное значение? М., 1893 // РМ. 1894. № 2. С.76-79 отд. паг.

¹⁹² ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3637. Л.5; ОПИ ГИМ. Ф.448. Оп.1. Д.6. Л.9 об.; ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.249. Л.10 об.;

¹⁹³ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5836. Л.1; НИОР РГБ. Ф.207. К.11. Д.10. Л.9 об.; Д.13. Л.1; Д.18. Л.15; Д.24. Л.7; *Клеветский М.М.* И.С.Тургенев и семидесятники // ГМ. 1914. № 1. С.35-36; *Книжничий [Языков Д.Д.].* Библиографические заметки // МВ. 1896. 23 июля; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.124; *он же.* Из неизданной переписки В.Г.Белинского: (Письма его к невесте с предисловием П.Н.Милокова) // Почин: Сб. Общества любителей российской словесности на 1896 г. М., 1896. С.143-156; *он же.* Мои университетские годы. С.270; *он же.* Русский европеец // Литературное обозрение. 1993. № 11-12. С.38; Почин: Сб. Общества любителей российской словесности на 1895 г. М., 1895. С.12 отд. паг.; *Скабичевский А.М.* Литература в жизни и жизнь в литературе: (Критические письма). Письмо четвертое // НС. 1896. № 8. С.177-179 отд. паг.; *Т. [Пыпин А.Н.].* Рец. на: Почин: Сб. Общества любителей российской словесности на 1896 г. М., 1896 // ВЕ. 1896. № 4. С.882-883.

¹⁹⁴ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5236. Л.2; Московский университет и развитие философской и общественно-политической мысли в России. М., 1957. С.438.

¹⁹⁵ АРАН. Ф.558. Оп.5. Д.57. Л.1-2 об.; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5982. Л.1,2; Протоколы заседаний имп. Московского археологического общества // Древности. Труды имп. Московского археологического общества. М., 1888. Т.12. С.178,180 отд. паг.; 1889. Т.13, вып.1. С.34-35 отд. паг.; 1894. Т.14, вып.1. С.185,197 отд. паг.; *Кобеко Д.Ф.* Где находился упоминаемый в летописях г.Бездеж? // ЖМНП. 1892. № 11. С.148-155; *Милоков П.Н.* Где был город Бездеж? // Древности. Труды имп. Московского археологического общества. М., 1889. Т.13, вып.1. С.124-128; *он же.* Un signe normand les monnaies du grand duche de Kiev // Annuaire de

la Societe Francaise de Numismatique. Paris, 1889. Т.XIII. P.259-264. Секретарь МАО С.С.Слуцкий в 1888 г. практически сразу после избрания Милокова попытался привлечь его к изданию одного из лекционных курсов А.М.Иванова-Платонова совместно с кружком бывших слушателей последнего, но Милоков, видимо, отказался (см.: ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5731. Л.4-7 об.).

¹⁹⁶ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3290. Л.1; Д.5731. Л.2-3; Д.5739. Л.5; ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д.558. Л.869; Протоколы заседаний имп. Московского археологического общества // Древности. Труды имп. Московского археологического общества. М., 1889. Т.13, вып.1. С.30-31,67,75-76 отд. паг.; 1894. Т.14, вып.1. С.106 отд. паг.; Вып.2. С.107,134,146 отд. паг.; 1900. Т.16. С.220 отд. паг.; 1900. Т.17. С.53; *Иванов П.* К вопросу о походе северских князей на половцев в 1185 г. // Древности. Труды имп. Московского археологического общества. М., 1900. Т.17. С.56-64 отд. паг.; *Комарова И.И.* Московское археологическое общество и его роль в организации местных краеведческих организаций России // АЕ за 1989 год. М., 1990. С.82. Посещаемость Милоковым заседаний МАО установлена по: Протоколы заседаний имп. Московского археологического общества // Древности. Труды имп. Московского археологического общества. М., 1888-1894, 1900. Т.12-14, 16-17.

¹⁹⁷ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3394. Л.1-6; Д.6673. Л.1-1 об.; ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д.558. Л.841,850, 870-870 об.; АИЗ. 1897. Т.V. № 2. С.49; [*Милоков П.Н.*]. Н.И.Костомаров (1817-1885); М.П.Погодин (1800-1875); Н.Я.Аристов (1834-1882); О.М.Бодянский (1808-1877); С.М.Соловьев (1820-1879) // Историческая записка о деятельности... С. 95-114, 200-206, 215-219 отд. паг.; Протоколы заседаний имп. Московского археологического общества // Древности. Труды имп. Московского археологического общества. М., 1900. Т.16. С.99 отд. паг.

¹⁹⁸ Протоколы заседаний имп. Московского археологического общества // Древности. Труды имп. Московского археологического общества. М., 1900. Т.16. С.176 отд. паг.; Протоколы Археологической комиссии // Древности. Труды Археологической комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1898. Т.1, вып.1. Стб.160; Протоколы заседаний Славянской комиссии имп. Московского археологического общества с 23 октября 1892 года по 18 ноября 1894 года // Древности. Труды Славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1895. Т.1. С.1-3,5,27 отд. паг.

¹⁹⁹ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5982. Л.3; ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д.558. Л.845.; ВВ. СПб., 1898. Т.V. С.549-550; VIII археологический съезд // МВ. 1890. 20 января; Протоколы заседаний имп. Московского археологического общества // Древности. Труды имп. Московского археологического общества. М., 1894. Т.14, вып.2. С.120 отд. паг.; Занятия восьмого археологического съезда. М., 1890. С.4,6,9,16,25,41,155-156,194; ИО. 1890. Т.1. С.273; *Медведев И.П., Ташенко Т.Н.* Письма К.Э.Цахариз фон Лингентала в архиве А.А.Куника // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С.399; *Милоков П.Н.* VIII археологический съезд в Москве // РМ. 1890. № 4. С.170-195; Труды восьмого археологического съезда в Москве. 1890. М., 1897. Т.VII. С.50-51,60-62,100-101,108,114-115,117-118,170-171; *Шмурло Е.Ф.* Восьмой археологический съезд (9-го — 24-го января 1890 года). СПб., 1890. С.7. Прим.2,16,24,30-38,44,51,60; *Z [Харузин Н.Н.].* Рец. на: Милоков П.Н. VIII археологический съезд в Москве. М., 1890 // ЭО. 1891. № 4. С.216.

²⁰⁰ Архив МГУ. Ф.213. Оп.1. Д.71. Л.189; Д.72. С.298; *Богословский М.М.* Историография... С.89; *Вунпер Р.Ю.* Заседания исторической секции Учебного отдела Московского общества распространения технических знаний в 1891 г. // ИО. 1891. Т.3. С.249, 251-253,255,258-259; *он же.* Отчет о возникновении и деятельности в 1890/91 учебном году исторической секции при Учебном отделе Общества распространения технических знаний в Москве // РШ. 1891. № 7-8. С.295; Заседания исторической секции Учебного отдела Московского Общества распространения технических знаний // ИО. 1892. Т.4. С.362; *Милоков П.Н.* Расселение славян; Древнейший быт славян; Религия славян // Книга для чтения по истории средних веков, составленная кружком преподавателей /Под ред. П.Г.Виноградова. М., 1896. Вып.1. С.67-117; *Н.А.Н. [Начов Н.А.].* Предговор към белградско издание // Четиво по средна история /Съставили неколицина руски преподаватели; Под редакция на професори П.Г.Виноградов; Понаши Н.А.Начов. Пловдив, 1897. Кн.1. С.XVII-XVIII; Отзыв (София). 1897. 4 сентября; Отчет о заседаниях исторической секции Учебного отдела Общества распространения технических знаний в Москве за осенний семестр 1890 года // ИО. 1891. Т.2. С.38; Отчет о занятиях исторической комиссии Учебного отдела при Обще-

стве распространения технических знаний // ИО. 1895. Т.8. С.266,267, 269-271,273-275; Семнадцатое и восемнадцатое присуждение премий императора Петра Великого, учрежденных при министерстве народного просвещения // ЖМНП. 1895. № 6. С.2,3,9,20 отд. паг.; *Сторожев В.Н.* Рец. на: Книга для чтения по истории средних веков, составленная кружком преподавателей /Под ред. П.Г.Виноградова. М., 1896. Вып.1 // Образование. 1897. № 2. С.213,216-217; *Я.Р. [Руднев Я.И.]*. Рец. на: Книга для чтения по истории средних веков, составленная кружком преподавателей /Под ред. П.Г.Виноградова. М., 1896. Вып.1 // РШ. 1897. № 3. С.191.

²⁰¹ Архив СПб ФИРИ РАН. Ф.219. Оп.1. Д.3. Л.12-18,20-24 об., 36-37,77; Д.25. Л.1-3; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.4542. Л.2-2 об.; Д.4858. Л.20 об.; Д.6242. Л.9 об.; ОРПК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.13 об.; Историческое общество при имп. Санкт-Петербургском университете // ИО. 1890. Т.1. С.19,20,22,34,49-53; 1892. Т.4. С.9 отд. паг.; Краткий обзор деятельности Исторического общества за двадцатипятилетие 1889-1914 гг. // Там же. 1915. Т.20. С.190. Кстати, в конфликте Н.И.Кареева с В.Г.Васильевским при открытии общества Милоков стал на сторону последнего (см.: ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.249. Л.1 об.).

²⁰² АРАН. Ф.639. Оп.1. Д.1073-1162. Л.100, 106 а об.; Архив СПб ФИРИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.38. Л.230; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.4278. Л.1; Д.5388. Л.72 об.; ОРПК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.11,28,32,33; РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.348. Л.1-1 об.; Д.737. Л.1; Протоколы заседаний имп. Русского археологического общества. 1892 г. // Зап. имп. Русского археологического общества. Новая серия. СПб., 1895. Т.VII. С.XXI,XXII,XXVI; То же. 1893 г. // Там же. Т.VII, вып.3 и 4. С.XXXIX,XLIII; То же. 1894 г. // Там же. 1896. Т.VIII, вып.1-2. С. XXXV,XXXVI; Русское археологическое общество в 1894 г. // ЖМНП. 1895. № 7. С.3; Состав имп. Русского археологического общества. СПб., 1913. С.12.

²⁰³ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3394. Л.2; Д.3751. Л.1-4; НИОР РГБ. Ф.178. Д.7774. С.91; ОРПК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.24 об.,26; ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.249. Л.16 об.-17; РО ИРЛИ (ПД). Ф.27. № 24921. Л.1-1 об.,3-3 об.,5; Ф.377. Оп.4. Д.1517. Л.7-7 об.; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.157,161-162; *он же*. Два русских историка. С.316; *он же*. Три поколения // Зап. Русского исторического общества в Праге. Прага Чешская — Нарва, 1937. Кн.3. С.13.

²⁰⁴ ОРПК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.3 об.-4; Д.3547. Л.28; Д.5691. Л.90-90 об.; РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.393. Л.149.

²⁰⁵ АРАН. Ф.489. Оп.3. Д.474. Л.2,9-9 об.,12 об.,14; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3751. Л.1 об.; Ф.801. Оп.1. Д.204. Л.1; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.163-164; *он же*. В.И.Семевский // Речь. 1916. 22 сентября. Некоторые историки упоминают об участии П.Н.Милокова в подписании адреса В.И.Семевскому, уволенному из Санкт-Петербургского университета (см.: *Petrovich M.V. V.I.Semevskii (1848-1916): Russian Social Historian // Essays in Russian and Soviet History: In Honor of Geroid Tanquary Robinson /Ed. by J.S.Curtiss. Leiden, 1963. P.70*). На самом деле, под адресом подписался Н.К.Милоков.

²⁰⁶ АРАН. Ф.489. Оп.3. Д.474. Л.7 об.,8 об.; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5388. Л.96 об.; Д.5672. Л.1 об.,2 об.; ОРПК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.14,30; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.138,141,184.

²⁰⁷ НИОР РГБ. Ф.119. К.16. Д.35. Л.1; ОРПК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.3, 8 об.; ЦИАМ. Ф.2202. Оп.3. Д.1. Кн.1. Л.25; Кн.2. Л.29 об.,31,73 об.

²⁰⁸ АРАН. Ф.639. Оп.1. Д.440-477. Л.53-53 об.; Д.912-916. Л.1; Д.1073-1162. Л.90; Архив МГУ. Ф.213. Оп.1. Д.68. С.46; ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.226. Д.448. Л.1,2; Ф.579. Оп.1. Д.3699. Л.6; Д.5388. Л.5,88; Д.5930. Л.3,3 об.; Д.5931. Л.1-1 об.; Д.6242. Л.2,4; Ф.Р-5965. Оп.1. Д.695. Л.1,3,4 об.; НИОР РГБ. Ф.178. Д.7774. С.72-74,123,130; ОРПК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.2834. Л.7 об., 12, 15 об.; Д.3546. Л.1,7; Д.3547. Л.17; Д.3548. Л.5-5 об.,12 об.-13,17. Д.4274. Л.1 об.,3 об.-4 об.; Д.5691. Л.14 об.,34,81 об.,107 об.-108,126-127 об.; РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.8. Л.240; Д.348. Л.1-1 об.,3; Д.393. Л.134 об.,138,149; Д.737. Л.1 об.; ЦИАМ. Ф.418. Оп.55. Д.140. Л.35 а; *Брачев В.С.* Жизнь и труды С.Ф. Платонова // *Платонов С.Ф.* Сочинения. В 2-х т. СПб., 1993. Т.1. С.21; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.161-163; *он же*. Два русских историка. С.316; *он же*. Три поколения. С.13.

²⁰⁹ АРАН. Ф.639. Оп.1. Д.698-779. Л.4,38 об.; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3949. Л.6; Д.4858. Л.1-20 об.; ОРПК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5692. Л.9 об.-10; ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.249. Л.1-17.

²¹⁰ *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.164; *он же*. Памяти В.А.Мякотина // ПН. 1937. 8 октября; *он же*. Привет В.А.Мякотину (по поводу его приезда в Париж) // Там же. 1923. 1 февраля; *Н.П.В. [Вакар Н.П.]*. Памяти В.А.Мякотина // Там же. 1938. 6 ноября.

²¹¹ АРАН. Ф.489. Оп.3. Д.474. Л.3 об.-4; ГАРФ. Ф.869. Оп.1. Д.45. Л.28; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5388. Л.4 об.; ОРПК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.3-3 об.; Д.5691. Л.107 об.-108; Русская история с древнейших времен до Смутного времени: Сб. ст. /Изд. под ред. В.Н.Сторожева. М., 1898. Вып.1. С. XXII. Знакомство В.Н.Сторожева с Милоковым давало и отрицательные плоды. Так, в 1904 г. Сторожев не был утвержден преподавателем в одной из московских гимназий. Причиной в официальном отказе было обозначено то обстоятельство, что Сторожев был «последователем Милокова» (ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.232. Д.1666. Т.3. Л.29).

²¹² Архив СПб ФИРИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.38. Л.230; Д.39. Л.95; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5388. Л.79,86; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.163.

213 ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.4884. Л.1-1 об.; Д.5524. Л.1-1 об.; Д.6401. Л.2 об.-7 об.; Ф.Р-5102. Оп.1. Д.699. Л.1-2; НИОР РГБ. Ф.203. Кн.27. Л.198-200,203 об.; Кн.28. Л.277 об.; Занятия восьмого археологического съезда. С.89; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.138-139,165; *Шмурало Е.Ф.* Указ. соч. С.102; *Boyer P.* П.Н.Милокову // ПН. 1939. 23 марта.

²¹⁴ АРАН. Ф.489. Оп.3. Д.474. Л.6; Ф.639. Оп.1. Д.912-916. Л.4; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.4250. Л.1-1 об.; Д.5672. Л.11-11 об.; Д.5835. Л.1; Д.6304. Л.1-9 об.; ОРПК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.2834. Л.15 об.-16; РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.348. Л.3.

²¹⁵ *Багалеи Д.И.* Несколько слов о характере колонизации южной степной окраины Московского государства // ЖМНП. 1888. № 8. С.482-507 отд. паг.; [*Милоков П.Н.*]. Рец. на: Багалеи Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. Т.1. История колонизации // РМ. 1887. № 7. С.405-408 отд. паг.

²¹⁶ ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.249. Л.1 об.; *Кареев Н.И.* Новые ответы критикам // РБ. 1889. № 11. С.165-176; *П.М. [Милоков П.Н.]*. Историческая философия г. Кареева // РМ. 1887. № 11. С.90-101. — Рец. на: Кареев Н.И. Основные вопросы философской истории. 2-е перераб. изд. СПб., 1887. Ч.1. Сущность и задача философии истории; Ч.2. Научные основы теории прогресса.

²¹⁷ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5388. Л.1-1 об.,5-5 об.; *Гольцев В.А.* Законодательство и нравы в России XVIII в. М., 1886; *он же*. О нравах русского общества в прошлом веке // *Гольцев В.А.* Законодательство и нравы в России XVIII в. 2-е изд. СПб., 1896. С. XXIV-XXXII; [*Милоков П.Н.*]. Рец. на: Чечулин Н.Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века: Ист. очерк. СПб., 1889 // РМ. 1889. № 9. С.381-387 отд. паг.; *Чечулин Н.Д.* Рец. на: Гольцев В.А. Законодательство и нравы в России XVIII в. М., 1886 // ЖМНП. 1886. № 9. С.176-187 отд. паг.

²¹⁸ АРАН. Ф.639. Оп.1. Д.698-779. Л.4; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3499. Л.1 об.; Д.3555. Л.19; Д.4858. Л.12; ОРПК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5691. Л.3 об.-4; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.169.

²¹⁹ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.4858. Л.10-10 об.; Д.5388. Л.7 об.; ОРПК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.4545. Л.45-46 об.,54-54 об.; Д.4546. Л.1 а — 16.

²²⁰ АРАН. Ф.639. Оп.1. Д.1073-1162. Л.30 об.; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5388. Л.7 об.; Д.6146. Л.1; ОРПК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.7 об.; Д.4545. Л.54; ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.249. Л.1-1 об.

²²¹ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3395. Л.3 а об.; Д.4858. Л.10 об.; ОРПК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1015. Л.11; Д.3546. Л.13; Д.4546. Л.4; Д.5691. Л.81 об.; ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.249. Л.1,2; [*Милоков П.Н.*]. Рец. на: Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889 (Зап. историко-филологического фак. имп. Санкт-Петербургского край в XVI в. СПб., 1889. № 12. С.522-524 отд. паг.; *Чечулин Н.Д.* Ответ рецензенту «Русской мысли» // ЖМНП. 1890. № 5. С.203-213 отд. паг.

²²² ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.4514. Л.2; Д.5388. Л.5-5 об.; ОРПК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5691. Л.90-90 об.; Д.5692. Л.73 об.; *Витевский В.Н.* И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.: Историческая монография. Казань, 1890. Вып.2. С. VII-XII; 1895. Вып.4. С. IX; [*Милоков П.Н.*]. Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.: Историческая монография. Казань, 1889. Вып.1 // РМ. 1889. № 5. С.188 отд. паг.; [*он же*]. Рец. на: Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.: Историческая монография. Казань, 1890-1891. Вып.2-3 // РМ. 1891. № 4. С.186 отд. паг.; [*он же*]. Рец. на: Киевская старина. 1892. № 7-12 // РМ. 1893. № 3. С.160 отд. паг.; *он же*. Русская историческая география и атлас проф. Замысловского. С.126-143 отд. паг.

²²³ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5388. Л.18 об.; ОРРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.16; [Смирнов Ф.А.]. Рец. на: Безобразов П.В. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М., 1890. Ч.1. Биография Михаила Пселла // РМ. 1890. № 5. С.202-207 отд. паг.

²²⁴ АРАН. Ф.489. Оп.3. Д.474. Л.4-4 об.; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.4858. Л.8 об.-9; ОРРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.35; Д. 3547. Л. 10-10 об.; Д.4296. Л.2; [Милюков П.Н.]. Рец. на: Иловайский Д.И. Дополнительная полемика по вопросам варяго-русскому и болгаро-гуннскому. М., 1886 // РМ. 1886. № 4. С.254-256 отд. паг.

Глава II. МЕЖДУ НАУКОЙ И ПОЛИТИКОЙ

а) Общественно-политическая деятельность до увольнения из университета

Еще в студенческие годы П.Н.Милюков продемонстрировал, что у него темперамент политического бойца, а не кабинетного ученого. Позднее он откровенно писал: «Общественный интерес — это было то, что одушевляло и оживляло наш интерес к самой науке, которую мы никогда не отделяли от жизни. ... Интерес этого рода не сужал и не искажал наших научных устремлений и научного понимания, а, напротив, сообщал им больше широты и жизненности». В связи с этим, занимаясь научной работой, Милюков не забывал следить за внутренней жизнью страны. Большое значение для него имели обзоры в «Вестнике Европы», которые вел К.К.Арсеньев. Милюков читал их с воодушевлением, надеясь увидеть в них конструктивные задачи государственного строительства.

Политическое «затишье», однако же, было недолгим. «Вторая половина восьмидесятых годов уже была переходом от застоя к новому движению, и в этом переходе московская либеральная профессура, сплотившаяся в тесную семью, несмотря на устав 1884 г., ... сыграла видную роль».¹ В московском либеральном профессорском кругу Милюкова «приняли, как желательного союзника и быстро выдвинули вперед». Постепенно Милюков становится завсегдаем многочисленных журфиксов у Н.В.Бугаева, Н.И.Стороженко, Ф.Ф.Фортунова, И.И.Янжула и др. На этих встречах возникали дружеские связи и устанавливались контакты. Благодаря знакомствам Милюков принял участие в работах над «Настольным энциклопедическим словарем» товарищества А.Гранат и К°.

Со временем и у самого Милюкова начались журфиксы. Проходили они по вторникам. Первые достоверные сведения о них относятся к январю 1892 г.²

Кроме университета, центром общественной жизни, с которым был связан Милюков, являлась редакция «Русской мысли». После передачи ей в 1884 г. большей части подписчиков закрытых «Отечественных записок» «Русская мысль» сделалась самым тиражным и одним из самых вли-